МАЙКЛ ГРАНТ

ИРОД ВЕЛИКИЙ

ДВУЛИКИЙ ПРАВИТЕЛЬ ИУДЕИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор предлагает оригинальную версию жизни Ирода Великого, развенчивает миф об избиении младенцев, используя свидетельства великих историков древности, и детально воссоздает реалии политики, экономики и тонкости верований народов, живших на территории Синайского полуострова.

- Майкл ГРАНТ
  - Введение
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть вторая
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - Часть третья
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
  - Часть четвертая
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
  - Приложение 1
- notes
  - 1

Майкл ГРАНТ
ИРОД ВЕЛИКИЙ. ДВУЛИКИЙ ПРАВИТЕЛЬ ИУДЕИ

Введение

Жизненный путь Ирода, известного под титулом Великий, отмечен удивительным сочетанием смелых авантюр и успехов на государственной стезе и мелодраматических событий и катастроф в личной жизни. В то же время трудно припомнить равного по его положению деятеля, о котором так мало известно за пределами круга специалистов и который был бы объектом такого множества неверных и путаных оценок. Отчасти потому, что он оказался на стыке еврейской и греко-римской цивилизаций, на ничейной земле двух культур, и для любого исследователя было бы слишком неосмотрительным считать, что он может уверенно по ней ступать. Ибо Ирод достиг вершин славы и власти в конце I века до н.э. когда на императорском троне находился Август. Тот положил конец десятилетиями раздиравшим обширный римский мир потрясениям и гражданским войнам, а затем коренным образом перестроил сложный механизм управления империей. Он же перекроил и укрепил ее протяженные границы. Но для отдаленных пограничных областей он сохранил особое положение, оставшееся от предшественников, правивших в последние годы республики, таких, как Помпей, Цезарь и Марк Антоний.

Собственно империя состояла из римских провинций под началом римских правителей, но за пределами фактических границ правили туземные цари, пользовавшиеся доверием Рима и управлявшие своими территориями в качестве римских клиентов, обладая внутренней самостоятельностью при условии лояльного следования имперской политике. Некоторые из этих монархов-клиентов обладали непревзойденными качествами, и, пожалуй, самым выдающимся из них был Ирод Великий. Когда Марк Антоний правил восточными владениями Рима, Ирод принадлежал к числу самых преданных его сотрудников, а после того как Октавиан (в будущем Август) одержал победу над Антонием и занял его место, Ирод остался. Его вотчиной была Иудея.

По римским имперским понятиям того времени Ирод представляется периферийной, второстепенной фигурой; несомненно, нужной, даже незаменимой — и долгое время образцом того, какими должны быть зависимые правители такого рода. Однако для нас, черпающих значительную часть преданий не только у Рима или Афин, но и у Израиля, Ирод никак не может считаться периферийной фигурой: он правил самим Иерусалимом, центром того самого другого мира. Однако он и

его деятельность представляют первостепенный интерес в равной мере для евреев и христиан. При его жизни и под его управлением еврейское государство развивалось темпами, часто оставшимися незамеченными из-за предвзятых представлений о политике самого Ирода. Именно во время его царствования закладывались предпосылки христианства, это был исторический период, непосредственно предшествующий рождению Иисуса Христа. Вполне вероятно, что Христос родился еще при жизни Ирода. Согласно одной из самых устойчивых легенд нашего мира, Ирод узнал о его рождении от восточных мудрецов, сообщивших о рождении в Вифлееме Царя Иудейского. «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф. 2, 16).

Избиение младенцев — это все, что большинство людей когда-либо слышали об Ироде Великом, а о живучести легенды свидетельствует количество европейских произведений искусства, которые посвящены этой теме. Однако когда мы подойдем к последнему периоду продолжительной жизни Ирода, станет ясно, что это не подлинная история, а миф или народное сказание: мрачное свидетельство воздействия на воображение современников наводящей ужас личности этого человека.

Существовали и существуют другие сказания и легенды об Ироде. Наш долг — извлечь из этих наделенных богатым воображением творений по возможности достоверные исторические реалии. Верно, такие попытки могут быть предприняты лишь с большой долей сомнения. Трудно выяснить что-либо наверняка о людях, живших две тысячи лет назад, — особенно если они были весьма спорными фигурами. Прежде всего, «факты» из их жизни подаются выборочно, то есть вводят в заблуждение; во-вторых, их сохранение до наших времен обусловлено еще целым рядом выборочных случайностей. В-третьих, мы сами, стремясь упорядочить материал, не можем — как бы мы ни старались — не навязать своей доли селективности, то есть вносим дополнительный элемент вымысла. Однако надо попытаться. А в отношении Ирода такая задача особенно заслуживает усилий, поскольку он был выдающейся личностью, щедро наделенной особыми чертами, по сей день представляющими неувядающий интерес.

После повествования Матфея об избиении младенцев авторы Нового Завета продолжают создавать проблемы для биографов Ирода, предпочитая голословно употреблять имя Ирод применительно к трем различным лицам, одно из которых, по существу, не носило этого имени. Что касается лица, о котором

идет речь в этой книге, мы обнаруживаем, что от описания его жизненного пути, в основном завершившегося к моменту рождения Христа, отмахиваются ради сказочки об избиении младенцев. Такое внимание к этой ужасной сказке неизбежно во многом способствовало тому, что христиане не видели в Ироде подходящего предмета исследования.

Это нежелание подкреплялось неодобрительным отношением евреев не только к Ироду, но и к автору дошедшей до нас его старинной биографии. Им был Иосиф Флавий, основные сведения о котором приводятся в конце данной книги. Здесь только следует отметить, что он был иудеем, но, когда спустя 70 лет после смерти Ирода иудеи подняли восстание против римлян, он считал дело иудеев бессмысленным и, попав в плен к римлянам, перешел на их сторону и стал их открытым сторонником. Естественно, его деятельность не привлекает симпатий современных евреев и израильтян. Кстати, не нашла она одобрения и в оценках английских деятелей в области образования XIX и начала XX века. Кроме того, их сдерживал своеобразный греческий язык, на котором он писал, — совсем непохожий на классический аттический, считавшийся единственно достойным изучения. И все же отказ от изучения трудов Иосифа достоин сожаления, ибо при всех изъянах его личности и слога он остается весьма значительным автором.

Естественно, сокрытие трудов Иосифа отрицательно сказалось на относящихся к Ироду современных исследованиях, ограничило их. К тому же Ирод представляется еще одним коллаборационистом — он тоже сотрудничал с Римом. Однако истинную проблему, которую ставит изучение жизненного пути Ирода, следует формулировать совершенно иначе: как может малая страна совместить особый, свойственный ей жизненный уклад со значительной долей подчинения требованиям супердержавы?

Честолюбивым желанием Ирода было дать иудеям спокойствие и процветание в собственной, стране, сохранив сотрудничество с Римской империей и ее покровительство. Этой задаче он посвятил свою жизнь, и, поскольку был одарен выдающимися способностями, достигнутое им превзошло все разумные ожидания. Однако если судить по двум окончившимся страшным разгромом восстаниям иудеев на протяжении 150 лет после его смерти — их евреи называют Первой и Второй римскими войнами, — задача, которой посвятил себя Ирод, оказалась практически невыполнимой. За пределами Палестины римские императоры, как правило, поддерживали иудейскую диаспору против резко антисемитски настроенных греков и

восточных жителей Египта, Сирии и Малой Азии. Но в Палестине отношения римлян с иудеями из-за полного отсутствия понимания с обеих сторон скоро закончились неудачей, какой римляне не испытывали ни в одной другой стране, в некоторых отношениях напоминавшей длительную историю безуспешных связей между Англией и Ирландией.

Чтобы достичь равновесия, с помощью которого следовало бы предотвращать подобные бедствия, Ироду на протяжении 40 лет приходилось ходить по крайне опасному и ненадежному политическому канату. Ему надо было в достаточной мере оставаться иудеем, чтобы удержать власть над своими подданными — иудеями, и в то же время быть в достаточной мере проримлянином, чтобы сохранить доверие Рима. К тому же, поскольку его царство находилось в восточной, эллинизированной части римского мира, ему, по существу, приходилось быть (да он и сам стремился к этому) грекофилом, дабы производить впечатление на своих многочисленных подданных и соседей неиудейского происхождения.

И даже если ему оказалось не по силам — а кому это было по силам? — окончательно, надолго решить национальный вопрос, несправедливо самоуверенно винить кого-либо за события, происшедшие спустя несколько поколений после его смерти. При жизни он очень много сделал и для римлян, и для греков, и для иудеев. Для римлян он был самым преданным из подвластных союзников. Для греков и других он был благодетелем и создателем вряд ли здесь превзойденных по масштабам общественных сооружений. Иудеи в других частях Римской империи с благодарностью вспоминали о нем долгое время после его смерти, ведь для всего иудейства он построил Иерусалимский храм, превзошедший храм Соломона. Он тратил огромные деньги. Но распоряжался средствами так умело, что, не прибегая к грабительским налогам, оставил после себя богатую страну.

Однако иудеи, проживающие в стране, по правде говоря, никогда не считали его иудеем. Они не давали ему забывать (напоминая в этом галилеян), что его предки совсем недавно вообще не были иудеями. Надо думать, что и греки, вопреки настойчивым утверждениям преданного ему историка (Николая), дававшего ему частные уроки, тоже не были вполне убеждены в его приверженности греческой культуре.

Его римскими старшими партнерами и повелителями оставались последовательно Марк Антоний и Август. Антоний, несмотря на близкие отношения с Клеопатрой, был убежден, что политика великой западной державы требовала наряду с Египтом существования государства палестинских иудеев, и потому

никогда не позволял царице Египта, вопреки ее создающим ему трудности настойчивым увещеваниям, стереть с лица земли царство Ирода — хотя и готов был ради нее урезать его территорию. Одной из самых удивительных встреч в истории являлся, наверное, приезд Клеопатры к Ироду в Иерусалим в 34 году до н.э. Впоследствии он рассказывал довольно невероятную историю, что она пыталась его соблазнить. Кроме того, утверждал, что подумывал о ее убийстве, но потом передумал. Итак, она осталась жить, но не так долго, как он сам.

Ибо когда она с Антонием потерпела поражение от Октавиана, Ирод добился одного из многочисленных успехов в своей карьере, переметнувшись на сторону победителя, к полному его удовлетворению. С того времени он много лет был одной из главных опор империи Августа на востоке. Границы его царства — в известном смысле бывшие границами Рима, ибо их защита входила в обязанности монарха-клиента, — простирались до Газы, Голанских высот и далее, включая полоску земли за Иорданом почти до современного Аммана. Но на юге границы царства далеко не достигали Эйлата, Акабы и Красного моря. И несмотря на то, что в нем самом текла арабская кровь, Ирод неизменно имел натянутые отношения с Арабским государством, которое, как и его собственное, зависело от Рима и которое он сам всегда надеялся подчинить себе. Ирод — человек контрастов; одним из них был конфликт между приверженностью иудейской традиции и проримским эллинизмом. Еще, одним, свойственным его темпераменту и деятельности, было глубокое противоречие между просвещенным, цивилизованным рационализмом и необузданной кровожадной жестокостью. Из-за последнего качества возникла легенда об избиении младенцев, хотя это всего лишь одна из множества легенд, окружавших этого искушенного в политике и отмеченного жестокостью деятеля; некоторые из них страшные, другие почти хвалебные. Его жестокость в личной жизни в конечном счете до отвращения поразила даже много видавшего твердокаменного Августа. Несомненно, Ирод не мог отказать себе в удовольствии иметь слишком много жен и детей; его матримониальная история, служит веским доводом против многоженства. В последние десять лет жизни ему не удавалось манипулировать семейными интригами, и в результате он потерял контроль над событиями.

Бурные воды царствования, которые до того Ироду удивительным образом удавалось усмирять, чреваты множеством захватывающих воображение встречных течений. Успех проводимой Иродом политики «разделяй и властвуй», например, в значительной мере обусловлен ощутимой тягой к расколу в

рядах современного ему иудейства, относительно чего к нам постоянно поступают новые, хотя и загадочные, сведения из свитков, обнаруженных в Кумране, близ Мертвого моря. Смерть Ирода и рождение Иисуса произошли почти в одно и то же время (некоторые утверждают, в один и тот же год), и уже тогда на протяжении многих лет росли сильные мессианские чаяния; правда, сам Ирод придерживался мнения, что если и существовал Мессия, то это был он сам. Вопреки общепринятым утверждениям о противном, он образовал вокруг себя значительное количество поддерживавших его влиятельных иудеев, которыми весьма дорожил, а также пользовался пассивной поддержкой довольно многих других нейтрально настроенных жителей. Но к концу его правления оппозиция возросла и ее выразителями были не только видные фарисеи более радикальных взглядов, но и подстрекаемые своими наставниками выходившие на улицы воинствующие ученики.

Почему Ирода звали Великим (титул достался ему случайно), будет рассмотрено в конце книги. Но поскольку он ему принадлежит, заслуживает ли его Ирод? В мире в I веке до н.э. было трудно, если ты не видный римлянин или парфянин — так сказать, видная фигура западной великой державы или ее восточного соперника, — достичь высокого положения. За возможным исключением Клеопатры, Ирод приблизился к нему в большей степени, нежели какой-либо другой неримлянин или непарфянин его времени. Во всяком случае, он был фигурой, возвышавшейся практически над всеми современниками в силу своих многосторонних талантов. Внутри римского космополиса он превратил Иудею в большое, пользующееся благами мира, процветающее царство. И если, несмотря ни на что, он оказался неспособным сохранить Иудею и иудаизм от грядущих массовых бедствий, то они будут наблюдаться долгое время после его смерти, он же приложил все свои блестящие способности и сделал все, чтобы предотвратить их.

Майкл Грант Каттайола, 1971

Часть первая
ВОЗВЫШЕНИЕ ИРОДА

Глава 1
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИРОДА: ИУДЕИ И АРАБЫ

Ирод впервые привлек к себе внимание, будучи молодым человеком 25 лет. Шел 47 год до н.э.; вот уже два года, как после длившихся десятилетиями внутренних потрясений огромная Римская империя ввергнута в ужасы всеобъемлющей гражданской войны. В 48 году египетские вожди убивают Помпея, потерпевшего поражение от Цезаря. Когда впоследствии Цезарь оказался втянутым в небольшую неприятную египетскую кампанию, отец Ирода Антипатр, главный министр еврейского княжества Иудея, смог оказать ему нужное содействие. В результате, когда Цезарь победил в другой раз, положение семьи Ирода укрепилось, а сам он оказался на важной должности. Его назначили военным начальником и губернатором Галилеи, северной оконечности небольшого Иудейского государства, как раз там, где и сегодня расположена Галилея.

Середина I века до н.э. при всех беспорядках и волнениях, один из самых плодотворных периодов в истории человеческой цивилизации. В Риме, несмотря на политические и военные потрясения, это был золотой век писателей: сам Цезарь, Цицерон, Лукреций, Катулл и Вергилий, бывший на несколько лет моложе Ирода. Более того, среди современников последнего мы видим выдающихся иудеев, особенно двух величайших иудейских мыслителей, Гиллеля и Шаммая, о которых мы скоро услышим. Что касается северной провинции Иудеи — Галилеи, это была крошечная, но привлекательная и процветающая земля, населенная множеством обособленных обитателей. О них еще будет сказано во второй главе. В данный момент следует лишь отметить, что еще за два поколения до того земля эта была в руках чужеземцев и что ее прошлое довольно туманно. Во всяком случае, туманно в сравнении с ее будущим, ибо она станет страной детства Христа, а затем главным центром его пастырства.

Однако когда туда прибыл Ирод, до этих событий оставалось более полувека. Он рассматривал Галилею как небольшую, крайне неорганизованную область: в этом не было ничего необычного, поскольку местные горцы отличались нежеланием подчиняться власти, особенно если эту власть ставил Иерусалим, который отделяло от них не столько пустяковое расстояние, сколько широкая пропасть взаимной подозрительности. Да и сам Ирод был выходцем даже не из таких близких мест, как

Иерусалим, а напротив — из мест куда более отдаленных и чужих. Он прибыл из Идумеи, что на южной оконечности Иудейского государства. У Идумеи и Галилеи не было ничего общего, разве что та и другая лишь недавно стали иудейскими и что иудеи в равной мере их презирали; и нет никаких причин предполагать, что галилеяне — так же местнически ограниченные, как и всюду в стране, — приветствовали его прибытие. Разумеется, некоторые из них очень скоро сильно пожалели об этом, ибо он немедленно, с решительностью, быстротой и беспощадностью принялся расправляться с инакомыслящими.

Мы не знаем, как выглядел Ирод, потому что, как нам представится случай увидеть в другой связи, строгое толкование второй заповеди, запрещавшей создание идолов, делало невозможным изваяние его изображений на иудейской территории или изображение его лица на иудейских монетах. На неиудейских территориях возвышались его статуи, но, к сожалению, ни одна из них не сохранилась. Все, что мы знаем о его внешности, по утверждению одного из его сыновей, — в последние годы он красил волосы. Но у нас есть его описание у Иосифа, нашего главного авторитетного источника сведений о царствии Ирода, из которого можно понять, что это был мужчина внушительного роста. К этому можно, конечно, отнестись несколько скептически, поскольку, как мы увидим, Иосиф, вероятно, заимствовал описание у царского министра и друга, Николая Дамасского, но все равно в его утверждении, что Ирод обладал всеми превосходными физическими и умственными качествами, должна быть большая доля правды.

Он был умен, упорен и, как пишет далее Иосиф, обладал таким качеством, как удача, которую древние тесно связывали с умением руководить. Однако поражало то, что в такой приверженной традициям маленькой стране, как Иудея, молодой выходец из не окончательно иудаизированной южной окраины оказался безраздельным правителем северной пограничной провинции. Чтобы найти объяснение этому, нужно проследить сложное переплетение событий в предшествующие годы, вознесшие деда и отца Ирода, а потом и его самого на вершины влияния и власти.

* * *

Идумея, родина Ирода, область, лежавшая к югу от Иерусалима и Вифлеема. С центром в городе Хеврон, она

раскинулась у юго-восточного края Центрально-Палестинского горного хребта, откуда тот широкими волнами спускается в полупустынные районы. В наши дни Хеврон находится в южном выступе Иегуды, в том большом сегменте территории на западном берегу Иордана, который был оккупирован израильтянами в войну 1967 года.

Идумеяне — потомки ветхозаветных эдомитян. Но Эдом не достигал на севере Хеврона, зато простирался намного дальше к югу, до неприветливых высот Негева и Синая. Однако в XI веке до н.э. обитателей Эдома вытеснили из этих южных земель арабы. Но в то же время они выгадали от гибели царства Иуды от рук Вавилона (и последовавшего изгнания и рассеивания множества евреев), ибо эти события позволили эдомитянам расширить свои владения на север до Хеврона, не менее чем на 20 миль к югу от Иерусалима. И там они остались после уступки нескольких городов вернувшимся в дальнейшем иудеям, а территория, на которой они осели, стала известна как Идумея.

Говорили, что эдомитяне со злобным ликованием подбивали вавилонян к разрушению Иерусалима; во всяком случае, иудеи всегда их ненавидели. В действительности эта ненависть уходила корнями значительно глубже, ибо, как пишут, жители Эдома отказались пропустить через свою землю самого Моисея. Автор Второзакония (VII (?) век до н.э.) призывал народ иудейский не питать отвращения к эдомитянам, ибо они были братьями — верно, язычниками, но, как и сами иудеи, ведущими происхождение от Авраама и говорившими на семитском языке, в такой же мере родственном ивриту, как и арабскому. Но сам факт, что потребовалось обращение с настоятельным призывом, говорит о том, до чего оно было необходимо: отсутствие взаимопонимания между двумя народами весьма ощущалось и, во всяком случае, положение усугубилось после того, как эдомитяне переместились к северу. Раскопки идумейской крепости в Мариссе (Мареше) свидетельствуют о том, что в III веке до н.э. отмечалось сильное влияние извне, из финикийских торговых портов — ныне это территория Ливана. В то время Иудея все еще оставалась придатком иноземной империи, государства Селевкидов с центром в Сирии, управляемого потомками Селевка, одного из военачальников Александра Великого. Но скоро она снова стала независимым государством, при Иуде Маккавее (166 — 160 до н.э.)[1] и его братьях-патриотах. Свержение ими ненавистного ига Селевкидов было одним из самых впечатляющих событий в иудейской истории. А затем воинственный племянник Иуды Иоанн Гиркан I силой обратил идумеян в иудаизм и приказал им совершить обрезание.

Теоретически это открывало им доступ в ряды истинных иудеев, исключительность которых подчеркивалась снова и снова. «Господь избрал себе Иакова, Израиля в собственность свою», — возглашает Псалмопевец (Пс. 134, 4). Это считавшееся данным свыше особое признание избранности, божественной обособленности вело иудеев к категорическому отрицанию существования каких-либо богов у соседей; и это отрицание соответственно подкреплялось твердой решимостью крайне ревниво отстаивать свою отгороженность. Так что и около 100 лет до н.э. все еще утверждалось, что «законотворец оградил нас непроницаемыми оградами и железными правилами, чтобы мы никоим образом не имели дел ни с какими другими народами» (письмо Аристея Филократу, конец II века до н.э.). Однако поскольку идумеяне были обращены в веру насильно или иначе, их допуск внутрь ограды согласно религиозной традиции не должен был вызывать сомнений. Особо подчеркивалось полноправие новообращенных, «пришедших укрыться под крылом Божиим». В Ветхом Завете нашли возможным привести пример моавитянки Руфи, так же как позднее, в Евангелии, есть ссылка на получившего обращение в веру эфиопского евнуха и даже еще более поздняя и более осмотрительная традиция допускала считать полным иудеем потомка новообращенной семьи в третьем поколении. Тем не менее, несмотря на сии августейшие правила, предрассудки в отношении идумеян, очевидно, отмирали с трудом. Географически они располагались так близко — всего в нескольких милях, — но все равно казались чужаками.

Одним из наследственных племенных вождей идумеян был дед Ирода Антипас. Он фактически правил всей Идумеей; эта обязанность была возложена на него свирепым правителем хасмонейской династии Александром Яннаем (Иехонафаном, Ионафаном) (103 — 76 до н.э.) и его женой Александрой Саломеей, которая впоследствии правила сама (76 — 67 до н.э.). Антипас занимал важный пост, поскольку Идумея считалась важной пограничной зоной на рубеже арабского мира. Но, рассуждая задним числом, это назначение в конечном счете навлекло на царственную хасмонейскую семью гибель от рук внука Антипаса — Ирода. Из Идумеи, как отмечает Арнольд Тойнби, иудеи получили незваного пришельца, как французы корсиканца Наполеона или русские грузина Сталина.

Имелись, однако, и другие предания о происхождении Антипаса. Согласно одному из слухов, он вообще был родом не из Идумеи, а выходцем с полоски средиземноморского побережья, что к западу от нее, с дававшими ей выход к морю портами; бывшей земли филистимлян. Утверждали, что родился он в

древнем городе Аскалоне (ныне Ашкелон), лежавшем непосредственно к северу от полосы Газы. В древние времена Аскалон был поочередно филистимлянским, финикийским (по крайней мере частично) и затем греческим городом-государством — или по крайней мере выставлял напоказ присущий тем временам облик эллинизированного ориентализма, в тех краях сходивший за греческий. Город являлся исключением в том смысле, что избежал насильственного введения во владения воинственного Александра Янная. Согласно одной из версий, в действительности Антипас был рабом храма Аполлона в Аскалоне. Автор этой версии — христианин и, вероятно, позаимствовал ее из иудейского источника. Но эти сведения не внушают доверия, похоже, это злонамеренная попытка подчеркнуть низкое происхождение Ирода. Более вероятно, что семья принадлежала к знатным фамилиям Идумеи. В то же время вполне резонно предположить, что она имела тесные связи с Аскалоном, расположенным по соседству с портом идумеян. Такая вероятность дополнительно подтверждается особыми льготами, которые Антипас и его внук Ирод жаловали этому городу.

Одним из сыновей Антипаса был отец Ирода Антипатр. В том враждебном иудейском источнике, где утверждалось, что семья принадлежала к храмовым рабам, имелась запись, что Антипатра похитили в Аскалоне идумейские разбойники, оставившие его у себя, потому что отец не мог заплатить выкупа. Но и это, несомненно, является вымыслом, опять же направленным на то, чтобы принизить родословную Ирода. С другой стороны, утверждения, что он и его предки принадлежали к заведомо иудейской фамилии, даже к знатной и священнической, вернувшейся из вавилонской ссылки, также не следует принимать на веру — но по противоположным соображениям. Ибо эти предания восходят к приятелю Ирода Николаю Дамасскому и явно нацелены на то, чтобы изобразить Ирода более истинным иудеем, нежели можно ожидать от идумеянина, к тому же священнического рода. Такие притязания решительно и не без оснований отвергались его противниками. Жена Антипатра и мать Ирода имела аристократическое происхождение, звали ее Кипра, так называли цветок хенны (lawsonia inermis или alba), ценившийся за свой аромат, ныне известный как «Шипр»; в «Песне песней» Соломона возлюбленный сравнивается с этим цветком хенны. Поэт называет родиной растения Ен-Геди на Мертвом море, но оно также считалось цветком Аскалона, поэтому жена Антипатра Кипра, как и ее муж, тоже каким-то образом связана с этим городом. Похоже, что у нее были и

идумейские связи. Однако, как представляется, она не была идумеянкой, а принадлежала к народу, говорящему на другом семитском языке, к арабам; нельзя, как полагают некоторые, считать, что она родом из иудейской семьи, поселившейся в Аравии. Поэтому, когда злейший враг Ирода назвал его полуиудеем, насмешка соответствовала — или почти соответствовала — истине. И в самом деле, несмотря на все усилия доказать обратное, семья Ирода была достаточно осведомлена об этом недостатке. Однажды много лет спустя его внук царь Агриппа I, читавший в синагоге Второзаконие, дойдя до слов: «из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою иноземца, который не брат тебе» (Втор. 17, 15), заплакал; правда, все присутствующие бросились его разубеждать. Знатоки Священного Писания настаивали на обязательности для иудея матери иудейского происхождения.

А мать Ирода была уроженкой Арабского царства. Вообще-то существовало много таких княжеств, но крупнейшее из них — государство, о котором в данной книге говорится как об Арабском царстве или Аравии, — могущественное Набатейское царство. Оно соседствовало с Иудеей вдоль всей ее восточной границы, там, где теперь находятся юго-запад Сирии и Иордания, а также вдоль южной границы, где Иудея не доходила, как ныне, до Эйлатского (Акабского) залива, а заканчивалась у южной оконечности Мертвого моря.

Населяли это Набатейское царство арабы по происхождению и языку, хотя их надписи свидетельствуют, что официальным и литературным языком был у них другой семитский язык, арамейский (родственный арамейскому, ходившему и в самой Палестине). Сначала они кочевали, но затем основали столицу в Петре, на полпути между Мертвым морем и Эйлатским заливом.

> *Где еще, кроме Востока, найдешь такое чудо, Сей подобный розе красавец город, почти ровесник самого Времени.*
>
> *Дж. У. Бургон. «Петра»*

Петра находится в оторванном от внешнего мира, почти недоступном месте — на горе Эдом, занимая небольшое овальное пространство, окруженное крутыми скалами, и доступен только через узкое ущелье вдоль речки Муза.

Территория этого арабского государства простиралась далеко на юг по серому известняковому нагорью, бывшему когда-то Эдомом, и красным возвышенностям Синая до пустынных земель Центральной Аравии и побережья Красного моря. Хотя эти арабы

на время уступали Эйлат Египту, им удалось избежать включения в великие Египетское и Сирийское царства, унаследовавшие часть империи Александра Великого. Но их чрезмерные притязания и поклонение языческим богам вовлекали их в острые конфликты с экспансионистским иудейским режимом Александра Янная. Арабские монархи того времени, от Арета (Харита) II (110 — 96 до н.э.) до Арета III (87 — 62 до н.э.), одни сражения с Яннаем выигрывали, другие проигрывали и были вынуждены уступить ему Газу и полоску земли к востоку от Иордана; правда, последнее слово осталось за арабами, которые вскоре после смерти иудейского монарха обошли с фланга его преемников, захватив Дамаск, господствовавший над идущей с севера на юг главной трансиорданской коммуникацией.

Арабы постоянно напоминали о себе иудеям. Их армия, обладавшая системой ночной связи — кострами, — имела богатый опыт ведения войны в пустыне и всегда могла купить разбойников или вольных бойцов, готовых создать неприятности внутри самой Иудеи. Но прежде всего сила армии состояла в контроле над караванной тропой, по которой с юга Аравии в Сирию и Средиземноморье доставлялись пряности и благовония; для посредничества (наряду с готовностью прихватить любой застрявший или плохо охраняемый товар) у них хватало настойчивости и хитрости. К тому же они были опытными ирригаторами и прекрасными гончарами, и их своеобразное искусство, сочетавшее национальные особенности с влияниями в разное время Египта, Персии, Греции, Сирии и Рима, постепенно набирало силу.

Интересы Арабского и Иудейского царств сталкивались по многим вопросам, но у них была общая граница огромной протяженности, и они никак не могли обойтись друг без друга. Более того, отец Ирода Антипатр, как мы видели, женился на знатной арабке; и пускай этот брак вызывал насмешки иудеев, он оказался весьма полезным в других отношениях. Антипатр пользовался огромным влиянием у жены и преемницы Янная Александры Саломеи и с поста правителя Идумеи поднялся на самый высокий пост при ее дворе. Когда она заболела и вскоре умерла, ее два сына от грозного Янная не поделили власть. Старший, Гиркан II (также известный как Иехонафан или Ионафан), был слабохарактерным; младший же, Аристобул II, был в отца отчаянным. Ко времени, когда умерла царица, Антипатр утвердился как влиятельный и властный советник Гиркана. Однако сам Гиркан скоро отказался от противоборства с братом. В этой критической ситуации у Антипатра появилась возможность развивать свои арабские связи, как это делал до него отец и

продолжал он сам, например назвав старшего сына, старшего брата Ирода, арабским именем Фасаил. Так что Антипатр склонил арабского царя Арета III к походу на Иерусалим от имени законного иудейского монарха Гиркана (65 г. до н.э.). Успех был практически обеспечен, когда пришла новость, полностью изменившая обстановку. В Сирию пришли римляне.

* * *

За предшествующее столетие Римская республика, по существу, овладела всем Средиземноморьем — ни в прошлом, ни в будущем ни одна держава не добивалась такого успеха. Перед ней пали великие царства, но двум государствам (обессиленным и практически зависимым от воли Рима), выделившимся из раздробленной империи Александра Великого (умер в 323 г. до н.э.), римляне позволили оставаться формально независимыми. Это были царства, управляемые потомками генералов Александра — Птолемея и Селевка. Когда-то Птолемеи и Селевкиды правили обширными территориями, но теперь у первых они были сведены до размеров Египта, а у вторых до небольшой по размерам Сирии.

Однако в конечном счете неоднократные отвратительные междоусобицы Селевкидов, навлекшие беду на их дом, повлекли за собой коренные перемены в структуре власти всего обширного района. На протяжении нескольких последних лет находившийся на Ближнем Востоке выдающийся римский военачальник Помпей добивал врага Рима на севере Малой Азии — Митридата. Покончив с ним, он решил упразднить монархию и анархию Селевкидов. Итак, в Иерусалиме узнали, что Помпей низлагает последнего царя и присоединяет Сирию к Римской империи как еще одно самое свежее владение. Новой провинции (63 г. до н.э.), прибрежной полосе шириной от 70 до 100 миль с горными грядами и пустыней за ними, предстояло выполнять жизненно важную задачу охраны римских границ. Ибо над Ближним Востоком нависла тень не только великой западной державы — римской, но и великой восточной — единственной крупной державы, противостоящей Риму на его границах. Это была Парфия, империя, несмотря на обветшавшую, рыхлую структуру, обладавшая значительным военным потенциалом.

Итак, было решено положить конец хаосу в Сирии; один из военачальников Помпея, Скавр, стоял уже в Дамаске, у ворот и Иудейского, и Арабского царств. Оба государства, разумеется, имели кое-какой опыт общения с римлянами. Что касается иудеев, сам Иуда Маккавей, их национальный герой, борясь за

независимость от Селеркидов, официально встал в ряды союзников римлян вместе со своими преемниками. При случае они обращались к римлянам за помощью против своих врагов, но те в большинстве случаев, лишь однажды подтолкнув иудеев к мятежу против Селевкидов, проявляли мало интереса. Но теперь, когда Сирия сделалась римской провинцией, все вдруг переменилось. Это всегда было достаточно ясно Антипатру — и он завещал понимание изменившихся условий своему сыну Ироду. А пока новое свидетельство могущества римлян не осталось незамеченным тогдашними претендентами на еврейский трон, Гирканом II и его братом Аристобулом II, оба они апеллировали к Помпею. С одной стороны, эти обращения сочли за глупые, и действительно судьбы ранее апеллировавших к Риму стран давали достаточные основания задуматься. С другой — такие шаги вообще-то не были недальновидными, скорее реалистичными: теперь, когда Сирия стала римской, Рим вряд ли мог полностью игнорировать Иудею. Ибо географически, как свидетельствуют бесчисленные миграции, родина иудеев считалась неотделимой частью сирийского сухопутного коридора. Так что римская восточная граница с парфянами требовала включения не только Сирии, но и Иудеи. Более тесные отношения с Римом стали неизбежными.

В результате долгих интриг и подкупов Гиркан II (поддерживаемый Антипатром) и Аристобул II лично предстали перед Помпеем в Дамаске. Помпей отложил окончательное решение. Встать на ту или другую сторону значило продолжение гражданской войны среди иудеев, а он хотел сначала поставить к ноге их арабских соседей. Правда, это ему не удалось (их окончательно включили в империю лишь во II веке н.э.); за эту неудачу арабам следует благодарить иудеев, потому что от арабских планов Помпея отвлекли открыто враждебные националистические замыслы Аристобула. Опасаясь за жизнь детей, Антипатр доверил их, в том числе десятилетнего Ирода, заботам арабского царя — Помпей осадил Аристобула в храме — центре сопротивления, и взял его штурмом. Последовала массовая резня. Священнослужителей убивали при совершении богослужений, а Помпеи, хотя и предотвратил разграбление сокровищницы храма, вошел в Святая Святых. Возможно, он просто хотел посмотреть, что там за тайны, но это посещение было для иудеев нетерпимым оскорблением, поскольку никому, кроме первосвященника, не дозволялось входить внутрь. Когда 15 лет спустя Помпей плохо кончил в песках Египта, иудеи восторженно приветствовали смерть сатаны, бича божьего. 63 год был зловеще пророческим: консулом назначен Цицерон; родились

Август и Агриппа. И несколько минут, проведенных Помпеем в Святая Святых, судя по последствиям, были не менее памятным событием.

* * *

Аристобул капитулировал, но он слишком держался завоевательских традиций Маккавеев, чтобы оставаться на свободе. Так что его с двумя сыновьями, Александром II и Антигоном, увезли в Рим как украшение торжеств по случаю победы. Гиркана должным образом восстановили на троне, Антипатр остался его советником. Но Иудея была плачевно усечена. На протяжении II века до н.э. череда хасмонейских царей, которую завершил Александр Яннай, создала Великую Иудею — самое большое иудейское национальное государство со времен Соломона. Входившие в него многочисленные иноверцы, главным образом жители греческих и эллинизированных городов-государств, разросшихся по краям иудейских земель (как и всюду на Ближнем Востоке), были недовольны уничтожением их политических образований в результате включения их в состав Иудейского государства. Но хасмонейский верховный жрец Симон (142 — 134 до н.э.) нашел ответ, который, даже если он не устраивал греков, по-видимому, был приемлем для иудеев: «Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали над чужим, но владеем наследием отцов наших, которое враги наши в одно время не праведно присвоили себе» (1 Мак. 15, 33). Однако Помпеи держался прямо противоположной линии, безжалостно отрезая от краев еврейского государства все бывшие греческие города, включенные в него Хасмонеями. Таким путем было отторгнуто все побережье вплоть до Газы, включая его полосу и дальше Риноколуру (Эль-Ариш). Среди отторгнутых таким образом городов находились древняя Иоппия (Яффа, Иафо), которую Симон Хасмоней превратил в иудейскую колонию-порт, и Иамния (Явне), которая также была довольно основательно иудаизирована (только Аскалон, бывший свободным от Иудеи, таким и остался). Широкий пояс на востоке, главным образом на другом берегу Иордана, тоже был отобран и включен в союз десяти городов — Десятиградия. Другими словами, все общины греческого типа к востоку и западу от Иудеи были возрождены и освобождены от иудейского господства и вновь обрели автономию под общим надзором римского правителя новой провинции Сирии.

Такую же автономию даровали городу, расположенному в

чуть более чем 40 милях к северу от Иерусалима, Самарии (Севастии), эллинизированному с IV века до н.э. но вынужденному, как и другие, во II веке покориться Хасмонеям. Что еще удивительнее, Помпей, вероятно, отторгнул от Иудеи всю область Самарии (Шомрон). Самария была плодородной лесистой землей, где исповедовали собственную разновидность фундаменталистского апокалиптического иудаизма, которой по сей день придерживается группа семейств. Самаритяне признавали только первые шесть книг Библии и почитали не Иерусалимский храм, а алтарь на горе Гаризим (его Иоанн Гиркан I разрушил в 128 г. до н.э.). Бог, говорили иудеи, наслал на самаритян львов, потому что они не воздавали ему должных почестей, а правоверные иудеи сторонились их не только из-за религиозных заблуждений, но и потому, что те были потомками чужеземцев, которых поселили там ассирийские цари. Когда в V веке до н.э. некоторые из потомков изгнанных иудеев вернулись на родину, их предводитель Неемия запретил браки с самаритянами из-за их расовой нечистоты, и даже теперь, сотни лет спустя, путники, предпринимающие поездки между Галилеей и Иудеей, все еще часто предпочитали совершать длинный утомительный объезд, нежели проезжать через Самарию. Вот почему Иисуса удивленно спросили: "Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самаритянки? " (Ин. 4, 9).

Этой обособленности Помпею было достаточно, чтобы отобрать у маленькой новой Иудеи и Самарию, а также и Изреэльскую (Ездрилонскую) равнину к северу от нее, плодородную долину, рассекающую центральный горный хребет к юго-востоку от горы Кармель. Галилея, еще дальше к северу, осталась частью Иудеи, но теперь была отрезана от остальной страны широким коридором из Самарии и Изреэля; царство оказалось разделенным наподобие современного Пакистана.

Итак, не удовлетворившись восстановлением границы между собственно иудейской сельской территорией и эллинизированными окраинами с обеих сторон, Помпей предпринял хорошо продуманный шаг — урезал страну до традиционно иудейской сердцевины. Ибо, как отмечал А. Г. М. Джоунс: «Он был убежден, что, если сразу не примет решения по данному вопросу, Иудейское царство в том виде, каким оно было, будет угрожать миру и процветанию Сирии; иудеи — трудный, непокорный народ; к тому же отсталый и суеверный, а их завоевания губительно сказались на культуре Южной Сирии».

Более того, Гиркана II, когда ему вверялось это жалкое владение, лишили царского титула. Его дядя Иуда (Иегуда) Аристобул I (104 — 103 до н.э.), возможно, был первым, кто

принял этот царский титул; им определенно пользовался Александр Яннай (103 — 76 до н.э.). А теперь Гиркан II его лишился. Хотя и сохранив положение первосвященника (о чем будет подробнее сказано ниже), он утратил статус царя, получив взамен титул этнарха — высший княжеский чин, но ниже царского звания.

Это понижение в звании правителя означало понижение в должности и его министра Антипатра. Но последний отнесся к этому философски, руководствуясь своим неизменным принципом: поскольку все зависело от римлян, главным делом было ладить с ними. А предпочтительнее действовать под началом Гиркана, то есть в рамках какой ни на есть национальной автономии, чем под прямым господством римлян, лишись они их благосклонности. И уже в следующем году Антипатр сумел оказать полезную услугу одновременно Риму, своим арабским друзьям и родне. Поскольку обстоятельства отвлекли Помпея от намеченного нападения на Арабское государство, к этому намерению вернулся оставленный им в Сирии правителем Скавр. Это создало проблему для Антипатра. Полный успех Скавра был нежелателен, потому что означал бы полное окружение Иудеи Римом, не говоря уж о возможной утрате Антипатром финансовых возможностей в арабских царствах. Но и неудача римлян тоже была нежелательна, потому что она повлекла бы массивное вторжение в этот район римских карательных войск. Антипатр справился с проблемой так умело, что оно, кажется, не осталось незамеченным даже его одиннадцатилетним сыном Иродом. Скавр в пустыне встретился с трудностями: отказала его служба снабжения. Антипатр оказал ему помощь зерном.., и предложил посредничество между римлянами и арабами, которое обе стороны с радостью приняли. По выплате значительной суммы (под гарантию Антипатра) арабского властителя Арета III объявили союзником римлян — разумеется, подчиненным союзником, но ни в коей мере не униженным просителем, каким Скавр вскоре изобразил его на монете. Ибо царство сохранило особый статус среди государств-клиентов. Ободу (Абуду) II (62 — 47 до н.э.), сменившему к тому времени Арета, позволялось выпускать серебряные монеты — привилегия, которую вряд ли когда-либо получали другие вассалы Рима.

* * *

Перед Антипатром и его официальным главой встала куда

наиболее серьезная проблема, когда более решительному брату последнего, Аристобулу II, и его сыновьям Александру II и Антигону удалось выбраться из Рима и поднять знамя восстания в Иудее (57 — 56 до н.э.). Все они, жаловался Антипатр, хотя и называют это патриотизмом, на деле движимы страстью подстрекательства к бунту; и в этом обыкновении бунтовать отчасти виноваты сами римляне, столетием раньше подстрекавшие тех же Хасмонеев к мятежу против Селевкидов. Уже на ранней стадии беспорядков (57 г. до н.э.), когда из всей семьи до Леванта добрался один младший сын, бывший в то время римским правителем Сирии, Габиний решил, что созданная за шесть лет до того политическая единица оказалась негодной: достаточно крупной, чтобы поставлять горючее для восстаний, и слишком малой для их подавления. Посему Гиркана лишили звания этнарха, сохранив только титул первосвященника, а маленькую территорию, до которой была сведена Иудея, разделили на пять областей, каждая под началом совета местной знати.

Эти меры Габиния, вероятно, хорошо восприняла иудейская аристократия, которая в кои-то веки оказалась у власти в областях. Антипатру, которому дозволялось сохранить во владении Идумею, такой порядок никак не мог понравиться. Тем не менее он не позволил себе поколебать свои проримские позиции. Наоборот, он помог Габинию, сопровождая его в экспедиции в Египет с целью восстановления у власти непопулярного правителя — отца Клеопатры, повлияв в нужном направлении на иудейских наемников, стоявших гарнизоном в Пелузие (на пути в Порт-Саид), и, несомненно, присвоив долю доходов, полученных римским правителем от восстановленного на троне монарха. Пока Габиний и Антипатр отлучались, хасмонейский князь Александр II восстал снова — на этот раз его целью, по всей вероятности, была полная независимость от Рима. Это пошло на пользу Антипатру, которому после подавления мятежа римляне доверили своего рода официальный надзор над Иерусалимом. По существу, это отождествлялось с функцией поддержания мира вкупе с прибыльной обязанностью сбора дани Риму вместо сборщиков податей, евангельских мытарей, которые с 63 года до н.э. по римскому образцу брали подати на откуп.

Последовавшие годы были полны тревог. Начать с того, что Красе, партнер Помпея и Цезаря по триумвирату, диктаторски правившему Римской империей, по пути на войну с Парфией разграбил сокровищницу Иерусалимского храма. А затем, пока его армия воевала, римлянам пришлось снова вмешиваться, чтобы подавить еще один мятеж, который возглавил один из

иудейских аристократов, на этот раз в Галилее, в самом северном административном округе. Далее пришла сенсационная новость, что Красе потерпел поражение в битве при Каррах и убит парфянами (53 г. до н.э.). После его гибели два остальных члена римского триумвирата, Помпеи и Цезарь, постепенно втянулись в страшные катаклизмы гражданской войны. Эти военные действия с самого их начала в 49 году сказались на Иудее. Ибо поскольку Помпеи контролировал восточную часть империи, Гиркан II и Антипатр, как и другие князья и министры в этих краях, должны были поддерживать его — хотя ненависть иудейского населения к Помпею создавала затруднения. С другой стороны, более решительный и националистически настроенный брат Гиркана Аристобул II, у которого имелись особые причины ненавидеть Помпея, в это время опять находился в плену в Риме, и Цезарь, захватив власть в столице, воспользовался существованием такого потенциального союзника и послал его с двумя легионами на Ближний Восток. Однако это предприятие закончилось катастрофой: сторонники Помпея в Малой Азии отравили Аристобула, а потом в Антиохии (Антакии), столице сирийской провинции, казнили его сына Александра II.

Эти события весьма благоприятствовали Гиркану и Антипатру, стоявшим на пропомпейских позициях. Но по той же причине полный разгром Помпея войсками Цезаря в Фарсальском сражении в Фессалии (48 г. до н.э.) поставил их в опасное положение. Однако вскоре им представилась отличная возможность выпутаться и поправить положение. Когда Помпей бежал в Египет и нашел там смерть, преследовавший его Цезарь не смог установить связь из-за очень опасного вооруженного сопротивления в Александрии. Он послал в Малую Азию за помощью, но подкрепление задержалось в Аскалоне. Именно сюда как раз вовремя прибыли Гиркан со своим советником Антипатром в сопровождении полутора тысяч воинов, чтобы расчистить путь задержанным войскам. Затем они стали переманивать находившихся в Египте иудеев на сторону Цезаря — и обретенные таким образом союзники, тронутые первым в их истории визитом первосвященника, в значительной степени способствовали окончательной победе Цезаря над его египетскими недругами. Иудеи до того ненавидели римских врагов Цезаря — Помпея со сторонниками, что его поход встретил широкое одобрение в Иудее и Цезаря приветствовали как мстителя за осквернённый Помпеем Иерусалим.

Вмешательство иудеев на стороне Цезаря значительно укрепило положение Гиркана и Антипатра. Цезарь был явно благодарен. Гиркана снова повысили в звании до этнарха (47 г. до

н.э.) — пять областных советов упразднили или лишили политического веса, — а за Антипатром признали более определенную роль регента или главного министра всей Иудеи. Сам он получил лестный статус римского гражданина и освободился от уплаты налогов. Он должен был собирать земельную подать для Рима; это давало ему возможность попутно собирать еще и для себя, но официально подать, видимо, составляла четверть урожая зерна через год, то есть 12, 5 процента в год.

За дополнительное вознаграждение (20 675 бушелей зерна ежегодно, исключая каждый седьмой год) город Иоппия, отторгнутый Помпеем, был возвращен этнархии. Он представлял собой не ахти какой порт, потому что на протяжении всего участка побережья кораблям приходилось стоять на якоре из-за угрозы быть выброшенными на скалы юго-западным ветром. Но какой ни на есть, он все-таки давно считался портом, и Иудея снова получила выход к морю. В то же время под власть этнархии вернули плодородную Изреэльскую (Ездрилонскую) долину, часть которой в предыдущие 16 лет была римской территорией. Иудею также освободили от зимнего расквартирования римских войск, а позднее разрешили восстановить стены Иерусалима.

Таковы новые привилегии, дарованные Иудее; может создаться впечатление, что заслуга здесь практически принадлежала больше Антипатру, нежели его неумелому хозяину Гиркану II. Правда, надо сделать некоторую скидку на тенденцию хранителей преданий (в дальнейшем усиленную при дворе сына Антипатра Ирода) преувеличивать роль Антипатра за счет Гиркана. Однако есть определенные свидетельства, что его власть действительно стала весьма значительной. Что важнее всего, он сумел устроить на ключевые посты двух своих старших сыновей: первого, Фасаила, сделал правителем Иерусалима, а второй, Ирод, получил в управление обособленную провинцию Галилею.

Таково было сложное переплетение обстоятельств, которое в 47 году до н.э. привело Ирода в раннем возрасте, в 25 лет, на этот высокий и влиятельный пост.

Глава 2
ИРОД — ЦАРЬ

Ироду еще предстояло стать царем Иудеи; но пока он уже княжил в Галилее.

Это была небольшая территория площадью примерно 25 на 35 миль, размером с графство Хартфордшир или штат Род-Айленд. Но Галилея имела важнейшее значение, потому что, будучи отделенной от метрополии, она образовывала пограничную зону по всей периферии. Она также была жизненно важной составной частью иудейской территории. И все же, подобно Идумее на другом краю Иудеи, она была по-настоящему иудейской сравнительно недолго. Хотя частичная иудаизация, возможно, наблюдалась в более ранний период, полное завоевание и обращение в веру относится лишь к временам Иоанна Гиркана I (134 — 104 до н.э.) или, менее вероятно, его преемника Иуды Аристобула I (104 — 103 до н.э.). Это поглощение Иудеей и иудаизмом было пророческим, ибо означало, что столетие спустя, возможно незадолго до кончины Ирода, в галилейском Назарете в иудейской среде родился Иисус.

Из-за чрезвычайно плодородной земли Галилея играла важную роль в палестинской экономике, а жители отличались живым, веселым и упрямым нравом. За ними даже закрепилась репутация непокорных, не подчиняющихся властям туземцев, или, во всяком случае, так считали в Иудее, где косо смотрели на все периферийные области.

"Назарет! — сказал ученику Иисуса Филиппу Нафанаил. — Из Назарета может ли быть что доброе? " (Ин. 1, 46).

Данное Иосифом описание правления Ирода в Галилее не внушает большого доверия. Его молодость, пишет историк, не была для него помехой. «Ирод, как деятельная натура, скоро нашел случай выказать свои дарования. Атамана разбойников Иезекию, опустошавшего окраины Сирии, он поймал и казнил, а также истребил многих из его шайки — подвиг, который снискал ему великую признательность сирийцев. В селах и городах прославлено было имя Ирода, как спасителя страны и водворителя мира и порядка» (Иосиф Флавий. Иудейская война. СПб.

1900. С. 49. Репринтное издание: Орел, 1991). Но действительно ли они были «разбойниками», не могло ли у них быть других целей? Верно, что разбойники без труда передвигались между Галилеей и горами Ливана. Верно также,

что во всей Иудее малейшие климатические колебания влекли за собой засуху и в результате разбой, бандитизм. Но также вполне возможно, что Иезекия (Хизкия) — националистически настроенный нелегальный политический агитатор — в некоторых кругах считался национальным героем в традициях самого Иуды Маккавея. Таким полвека спустя стал родной сын Иезекии (Иуда Галилеянин). Кроме того, жители Галилеи восхищались хасмонейским режимом, освободившим их от чужеземного господства, и, соответственно, были склонны с неприязнью относиться к проримскому выскочке идумею Антипатру, чьего сына теперь им насильственно навязали.

Это, по-видимому, послужило причиной того, что принятые Иродом репрессивные меры привели к самому большому кризису в его жизни, почти положившему конец его карьере еще до того, как она началась. Ибо они вызвали яростный протест в центральном иудейском совете в Иерусалиме. Этот орган на хасмонейских монетах называется «Сообщество иудеев», а на одной из них один монарх, очевидно сам Гиркан II, называет себя главой этого «Сообщества». Должно быть, это происходило примерно в то время, когда совет также стал известен как синедрион, от которого позднее произошло ивритское название «санхедрин». 71 член совета, собиравшегося в Газите рядом с Двором Израиля в Иерусалимском храме, одновременно составлял государственный совет и верховный суд, единственный орган, который мог теоретически и практически проводить в жизнь на всей иудейской территории унаследованные от предков законы Священного Писания.

Теперь же члены совета, все до одного представлявшие либо священнические круги, либо мирские состоятельные семьи с безупречной расовой чистотой, враждебно относившиеся к влиянию идумеянина Антипатра, были готовы отыскать любой промах у его сыновей, поставленных им на высокие должности. Правивший Иерусалимом брат Ирода Фасаил, правда, не давал им повода для критики. А вот действия Ирода, чему не приходится удивляться, вызвавшие скорбь матерей убитых им бойцов сопротивления, подняли в совете бурю возмущения из-за незаконной казни мятежников. Расправившись с ними без суда, он посягнул на самую важную прерогативу совета.

Поэтому члены совета потребовали, чтобы Ирод предстал перед ними, и оказавшийся между двумя огнями Гиркан приказал ему явиться и ответить на обвинения. Антипатра также вынудили посоветовать сыну подчиниться. Однако он посоветовал ему взять с собой личную охрану — небольшую, чтобы не создавать впечатления запугивания, но достаточную, чтобы уберечь его от

неприятностей и в случае осуждения советом помочь ему бежать. Ирод прибыл в Иерусалим, но даже самое тщательное изучение противоречивых повествований Иосифа не вносит полной ясности — то ли Ирода судили и оправдали, то ли ему позволили уехать без суда. Не совсем ясна роль Гиркана. Нам по-разному говорят, что он «любил» Ирода, но «был сердит»: видимо, он помог молодому человеку бежать из Иерусалима, но не слишком старался сохранить за ним его место в Галилее. Во всяком случае, Ирод бежал в Дамаск. Дальше, как говорят, он собрался пойти походом на Иерусалим, но отказался от своего намерения только после увещеваний отца и брата. Но в их обращениях, в том виде, как о них сообщается, похоже, слышатся отзвуки схожих патриотических призывов к легендарному римскому герою Кориолану, так что они могут не совпадать с тем, как было на самом деле. Вполне возможно, Антипатр и Фасаил опасались осквернения святынь в случае вторжения в Иерусалим солдат Ирода. Но чтобы определить подлинную силу, направлявшую эти события, надо обратить взор на самую важную фигуру на Ближнем Востоке — на римского правителя Сирии.

В то время им был Секст Цезарь, молодой двоюродный брат Гая Юлия Цезаря. Этот высокопоставленный родственник как раз собирался окончательно истребить последних врагов из стана Помпея и установить безраздельную диктатуру. Секст Цезарь хорошо знал о дружелюбном отношении Гая к идумейскому семейству, и сам он разделял восхищение своей провинции решительным обращением Ирода с галилейскими мятежниками. Секст сделал все возможное, чтобы надавить на Гиркана, а тот умерил гнев иудейского совета против молодого человека, но не желал ответного государственного переворота со стороны Ирода, который подорвал бы равновесие между Хасмонеями (Гиркан) и идумеянами (Антипатр), которое римляне поддерживали, чтобы избежать беспорядков среди иудеев. Так что вполне вероятно, что это Секст Цезарь отговорил Ирода или поручил Антипатру отговорить его от похода на Иерусалим. Однако Ирод был слишком полезным, чтобы его терять или оставить не у дел; поэтому, когда того вынудили покинуть Иудею, Секст назначил его в военный округ на сирийско-иудейской границе, вероятно включавший Гауланитиду (Голанские высоты) и прилегающую территорию. Таким образом Ирод стал римским государственным служащим. Более того, похоже, что Секст в то же время неофициально доверил ему правление Самарией, которая, как вы помните, была частью территории римской Сирии, образующей коридор между Иудеей и отдаленными северными территориями Галилеей и Изреэлем. Самария все еще оставалась римской, но

римляне явно задумали личное правление там Ирода, чтобы создать ему благоприятные условия для давления при удобном случае на Иерусалим.

* * *

Убийство Гая Цезаря в 44 году до н.э. потрясло иудеев, испытывавших к нему благодарность. В их части мира оно означало крупные политические перемены, поскольку после периода беспорядков правителем Сирии стал один из убийц Цезаря, Кассий. Однако Антипатр и на сей раз приспособился к изменившимся обстоятельствам и стал преданным сторонником Кассия. Кассий, как и его сообщник Брут, в районе Эгейского моря занимался сбором средств для неизбежного сведения счетов со сторонниками покойного диктатора, и Ироду было приказано вернуться в Галилею, покинутую им три года назад, для сбора средств, которые Кассий надеялся там получить. Ирод и с этим поручением справился настолько успешно, что подтвердил свое назначение в римской Сирии (включая Самарию). Ему также доверили собирать в провинции упомянутые выше средства и, кроме того, поручили надзирать над крепостями и складами оружия в самой Иудее.

Эти неопровержимые свидетельства доверия Кассия нарушали, однако, равновесие интересов между Хасмонеями и идумеянами, которое стремились поддерживать его предшественники. Поэтому скоро еще одна партия в Иудее, возглавлявшаяся неким Малихом, стала проявлять упрямство в отношении сбора особых податей; его имя (Малик) наводит на мысль, что он был арабом, но, во всяком случае, явно настроенным против идумеев и к тому же против римлян. Правда, от мести римлян его спасло заступничество Гиркана II, чья позиция во время кризиса представляется такой двусмысленной, что можно подозревать его в желании стравить Малиха с Антипатром. Последний тоже оставался странно пассивным перед лицом враждебных действий Малиха, позволив инсценировать формальное примирение и даже отговаривая посланца Кассия от казни Малиха; поговаривали, что жена Антипатра Кипра, арабка, возможно, была инициатором этих примирительных шагов. Но если так, то они совершили ошибку. Ибо Малих, заручившись услугами правителя двора Гиркана, стал теперь травить ядом Антипатра.

Так закончилась эпоха чрезвычайно прозорливого человека. Отец Ирода правильно усвоил урок: великая западная держава

пришла сюда надолго, и никакое движение сопротивления положения не изменит. Чтобы не выглядеть открытым коллаборационистом Рима, он предпочитал действовать, прикрываясь Гирканом; к счастью для него, по крайней мере до самого последнего времени, Гиркан был достаточно податливым патроном. Антипатр имел много ненавистников — он стал жертвой ненависти со стороны иудейской знати. Но он являлся опытным финансистом и администратором, способным военачальником и обладал безграничным терпением и упорством. Эти последние качества позволяли ему быть необычно милосердным; в наших источниках, хотя представленные в них предания не все можно назвать благожелательными к его семье, не найти обычных для тех времен фактов жестокостей, которые можно бы приписать ему.

После смерти Антипатра его убийца Малих захватил Иерусалим, утверждая, что действует от имени Гиркана. Ирод хотел пойти на него походом, но его отговорил брат Фасаил, утверждая, что, поскольку никто из них не имел для такого шага официальных полномочий, римляне могут истолковать его как мятеж. Посему последовало еще одно показное примирение, и оба, Малих и Ирод, сопровождали Гиркана во время его визита к Кассию в Лаодикею (Латтакию) в Сирии. На обратном пути у древнего финикийского города Тира один из сопровождавших римских воинов напал на Малиха и заколол его. Предположительно, к этому "склонил Кассия Ирод. Гиркан, ставший свидетелем свершившегося, расстроился, но, когда ему сказали, что за этим стоит Кассий, он смирился и, как требовалось, объявил убитого заговорщиком.

Фасаил вернулся на пост правителя Иерусалима, а Ирод к своим обязанностям в сирийской провинции. Там он заболел. Однако как только поправился, поспешил в Иудею помочь брату подавить беспорядки, которые учинил брат Малиха поддержанный военным начальником в Иерусалиме. К тому же в страну возвратился при поддержке из-за рубежа уцелевшего племянника Гиркан Антигон — глашатай традиционного хасмонейкскго национализма. В начале 42 года до н.э. Ирод отразил прорыв Антигона в Иудею и с триумфом вернулся в Иерусалим, где его приветствовал Гиркан. На сей раз в искренности горячего приема не приходилось сомневаться, поскольку, если бы верх взял Антигон, у того было много причин для отмщения.

Так что тогда же Гиркан — возможно, он зад мал это чуть раньше, когда еще существовала у роза со стороны Антигона — подкрепил свое ос бое отношение к Ироду, обручив с ним свою

внучку Мариамну. Она обладала чертами характера, свойственными обеим сторонам семьи: с одной стороны, агрессивностью, напористостью, с другой — инертностью Гиркана, так как являлась дочерью покойного брата Антигона — Александра II. Ее обручению с Иродом препятствовало лишь то, что он уже был женат. Его жена Дорис была спорного происхождения; вполне вероятно, она, как и сам Ирод, происходила из знатной идумейской семьи. Дорис родила ему сына. Отдельные представители иудейской мысли того времени к разводу относились отрицательно, но, согласно Второзаконию, мужчине разрешалось расторгать брак. Дорис с сыном выслали из Иерусалима. Отныне, что вполне естественно, они были крайне озлоблены. Им разрешалось появляться в городе только по большим праздникам.

Обручение с хасмонейкой давало Ироду на ближайшие годы огромные политические выгоды. Оно умеряло недоверие важных слоев иудейской знати и показывало, что Гиркан II, не имевший сына, считал Ирода своим наследником. К тому же Мариамна не только принадлежала к царскому роду, но и была красавицей, и Ирод, неравнодушный к женской красоте, влюбился в нее по уши. Правда, подстрекаемая своей матерью Александрой, она не отказывалась от рискованного удовольствия высказывать, когда считала нужным, неприятные истины. Но глубокие последствия этого обнаружились только после конца супружества, а до него оставалось еще пять лет.

А в то время кризис возник по причине новых потрясений в большом римском мире. В октябре 42 года Кассий и Брут в Филиппах в Македонии уступили сторонникам покойного Юлия Цезаря, молодому Октавиану и Марку Антонию. Во втором триумвирате, который они разделили с Лепидом, правление Востоком предоставили Антонию, и Фасаилу с Иродом снова пришлось переходить на другую сторону. Излишне говорить, что их иудейские противники посылали к Антонию делегацию за делегацией с целью их дискредитировать. Но Антоний разделял расположение своего бывшего хозяина Цезаря к семье Антипатра, своевременной помощью и гостеприимством которого он воспользовался за десять лет до того, когда служил здесь под началом Габиния. Тогда же он, несомненно, познакомился с сыновьями Антипатра. Во всяком случае, Гиркан тоже замолвил за них слово, и Фасаил с Иродом должным образом получили подтверждение своих назначений соответственно в Иерусалиме и Галилее с добавлением титула «тетрарх» (первоначально, но не позднее означавшего «правитель четвертой части»), дававшего им официальный княжеский статус под началом этнарха Гиркана,

Некоторые усмотрели в этом решении замысел лишить в дальнейшем Ирода верховной власти, поскольку он был так предан врагу Антония Кассию. Трудно сказать, сыграло ли это обстоятельство какую-то роль в решении Антония, но все-таки он считал, что будет лучше держать братьев в равном положении. Его решение, однако, не помешало другой иудейской фракции послать к нему еще одну делегацию. Она включала не меньше 1000 человек и ждала его в Тире, политически взрывоопасном городе, потому что Антоний только что избавился от его правителя, ставленника Кассия, попавшего в немилость после вторжения в Галилею. Антоний отказался встречаться с этой огромной делегацией, и ее разгон кончился жертвами и смертными приговорами.

Однако обстановка в целом снова изменилась с появлением на сцене главного восточного врага, Парфии, против которой строилась вся оборонительная система Рима вдоль сирийской границы. За 13 лет до того престиж парфян в этом районе сильно возрос после разгрома большой римской армии под предводительством Красса, который в этой битве нашел свою смерть. Теперь же, весной 40 года, в Сирию вторгся сын парфянского царя Пакор. Политическим советником у него был изменник-римлянин. Местные князьки поспешили покориться, и Пакор оккупировал почти всю провинцию. В этом ему помогли не только ореол победы парфян над Крассом, но и собственная добрая слава умеренного и справедливого правителя.

Теперь вторгшаяся армия повернула в сторону Иудеи. Парфия имела давние связи с иудеями, главным образом с их древними поселениями к востоку от Евфрата; историк Иосиф, поместив эти восточные общины в начало списка тех, к кому обращена его «Иудейская война», тем самым подчеркивает их важность. Государство Хасмонеев при Александре Яннае тоже воздавало почести парфянской делегации. И более поздние иудейские источники свидетельствуют, как страстно в некоторых кругах надеялись, что, победив Рим, парфяне окажутся ниспосланным свыше орудием, которое расчистит путь ожидаемому Мессии.

Продвигаясь в глубь Иудеи, парфяне, естественно, поддерживали антиримски настроенного Антигона. Верно, они не заявили об этом сразу. Однако Антигон не замедлил появиться в Галилее, и к нему присоединились иудейские разбойники из дубовых лесов, покрывавших в то время большие пространства приморской равнины. Затем он, не теряя времени, двинулся на Иерусалим. Спешное прибытие Фасаила и Ирода вынудило его укрыться на территории храма, но скоро поддержать его прибыли парфянские войска. Их командир предложил Гиркану, Фасаилу и

Ироду лично предстать перед местным военачальником парфян, где и выступить в свою защиту. Гиркан с Фасаилом быстро подчинились и поехали. Но исполненный подозрений Ирод остался. Не поколебали его и дальнейшие приглашения явиться в штаб-квартиру парфян, ибо один состоятельный сириец, Сарамалла, еще раньше предупредил его о недружественных намерениях парфян, а теперь Ирод знал, что эти сведения были точными, потому что Гиркана и Фасаила под конвоем доставили в Екдиппу (Хазив, Ез-Зиб) на финикийском (ливанском) побережье и держали под арестом. Таким образом, теперь не оставалось сомнений, что претендовать на иудейский трон должен был ставленник парфян Антигон. Известно, что обещанная им цена включала не только большую сумму денег, но и 500 женщин, жен его политических противников.

* * *

Так что Ирод решил бежать из Иерусалима, забрав с собой своих женщин. Деньги он уже переправил на юг, в свою родную Идумею. Теперь с невестой, ее и своей матерью, младшим братом и 10 000 воинов он покинул город. Как он улизнул от карауливших его десяти парфянских офицеров и 200 конников, остается тайной. Однако везение продолжалось недолго. В семи милях к югу от Иерусалима он отбился от крупного отряда своих иудейских противников; впоследствии, чтобы отметить это важное место, он построит там большую крепость, Геродиум. Они упорно продолжали путь, часто преследуемые по пятам парфянской конницей. Женщины ехали верхом, но его мать пересадили в повозку, ибо сообщается, что последняя перевернулась и Ирод, в отчаянии от случившегося с матерью несчастья и от задержки, подумывал о самоубийстве — но, возможно, эта история была придворной легендой, дабы показать его добрым семьянином. Однако беглецам удалось, как было условлено, в Оресе (Кефар Арисса или Хоршах) на идумейской территории в пяти милях к югу от Хеврона встретиться с младшим братом Ирода Иосифом И. Решили распустить большую часть войск, которые привели с собой братья, а семьи под охраной 900 воинов во главе с Иосифом поместить в господствующей над пустыней у Мертвого моря крепости Масада.

Ирод подумал, что пришло время воспользоваться тесными семейными связями с арабами. Сам он был по крайней мере наполовину арабом, его семья владела там крупными поместьями, а отец дружил с царями и ссужал их деньгами.

Теперь Ирод хотел вернуть часть денег, надеясь выкупить брата и убедить парфян отказаться от поддержки Антигона, и он поехал в столицу арабов Петру, взяв с собой в качестве возможного залога семилетнего сына своего брата Фасаила. В то время у арабов царствовал Малх (47 — 30 до н.э.); его арабское имя, Малик, такое же, как и у внутреннего врага Ирода, Малиха, но для различия лучше называть его Малхом. Ссылаясь на приказ парфян, он отказался пустить Ирода в Петру — хотя есть основания подозревать, что он решил воспользоваться возможностью и уклониться от уплаты долгов Ироду и другим видным иудеям и завладеть их средствами и имуществом у себя в стране.

Во всяком случае, Ироду пришлось повернуть на запад через пустыню Негев. Набрав сопровождение в одном из святых мест Идумеи, он добрался до средиземноморского побережья у Риноколуры (Эль-Ариш), бывшего владения Иудеи, отторгнутого от нее Помпеем и теперь являвшегося пограничным постом правящей царицы Египта Клеопатры VII.

Ирод бежал как раз вовремя, потому что парфяне теперь обрушились на Идумею, захватив и разрушив древнюю крепость Мариссу (Марешу), важный опорный пункт на южной границе Иудеи. Они, несомненно, выбрали ее из-за родовых связей с семейством Ирода. Более того, достигнув побережья, беглец узнал еще одну ужасную новость. Его брат Фасаил погиб, но, очевидно, в действительности он покончил с собой в темнице, куда бросили его парфяне. С Гирканом обошлись еще более жестоко. Пленившие его парфяне отрезали ему уши. Это означало, что он больше не мог быть первосвященником, поскольку закон гласил, что ни одно лицо с физическими недостатками не могло занимать эту должность. Согласно антихасмонейской версии, уши Гиркану отрезал сам Антигон этот же злодей погубил и Фасаила, отравив его под видом лечения раны.

Теперь Гиркан был обязан снять с себя сан первосвященника, и парфяне сослали его в Вавилонию. Поскольку любовь к идумейской семье была одним из самых сильных чувств Ирода, он действительно искренне горевал, узнав о смерти брата. Однако было верно и то, что потенциально неудобный соперник, обладавший даром завоевывать популярность, больше не стоял на пути. К тому же трагедия неожиданно обернулась еще одним благом: из-за жестокостей парфян в истинном свете предстала репутация Пакора как справедливого правителя и он утратил популярность у множества иудеев, а римляне утвердились во мнении, что если на кого ставить, так это на Ирода.

Эту мысль следовало довести до римлян лично. Другими

словами, нужно ехать в Рим, где в тот момент находились Антоний и Октавиан, которые, заключив договор, временно подлатали свои разногласия. Самым быстрым, если не единственным, путем добраться туда — было отправиться морем из Египта. Так что Ирод двинулся на запад через египетские пограничные зоны, разминувшись с посланной царем Малхом арабской делегацией, которой поручили передать молодому человеку, что царь, подумав, берет обратно свой отказ. Когда Ирод добрался до Пелузия в северо-восточной части Дельты, находившийся там командующий флотом Клеопатры (после некоторых колебаний) переправил его в египетскую столицу Александрию, где его и приняла царица.

После того как 23 годами раньше Помпей упразднил царство Селевкидов, превратив его в римскую провинцию Сирию, Египет Птолемеев остался единственным царством, уцелевшим после распада империи Александра Великого. Хотя уже не такая, как прежде, страна оставалась очень богатой, однако утратила обширные имперские территории в Палестине, Сирии и Малой Азии, и само ее существование как «независимого царства» унизительным образом зависело от милости Рима. Царица Клеопатра VII, подобно Ироду в Иудее, всеми силами стремилась вернуть царству прежнюю славу, так как она ясно понимала, что единственный путь лежал через сотрудничество с главными римскими вождями. Но поскольку она была женщиной, ее способы отличались разнообразием. Она не только сотрудничала с Цезарем, но и стала его любовницей, а в последнее время получила в любовники и Антония. Она намеревалась склонить последнего к расширению Египта до его прежних размеров.

Это означало, что, обращаясь за содействием к Клеопатре, Ирод многим рисковал, потому что ее намерение восстановить старое царство Птолемеев неизбежно предполагало урезывание, если не уничтожение, его собственного маленького государства. Однако Клеопатра оказала ему радушный прием. Возможно, она рассуждала, что оба они — политические друзья Антония и что способный молодой человек, в данный момент не представлявший никакой опасности, может оказаться полезным — особенно если она сможет подчинить его своему влиянию. Говорили даже, что она предлагала ему командную должность в египетской армии, предположительно командовать контингентом, который она мобилизовала в помощь Антонию в войне с парфянами. Птолемеи не впервые брали на службу иудейского военачальника. Однако предание могло не соответствовать действительности: такую историю Ирод мог включить в воспоминания, чтобы показать, как ловко он

уклонился от ее хорошо известных хитростей.

Во всяком случае, если Ирод действительно получил такое предложение, то он его отклонил. Он сказал царице, что хочет добраться до Рима, хотя уже наступила осень, когда моряки обычно избегают выходить в море. Клеопатра пошла ему навстречу и предоставила корабль для поездки. После трудного плавания по бурному морю Ирод добрался до Родоса, где построил еще один большой корабль. Он, конечно, мог и зафрахтовать, но ему нужен был предлог потянуть время, чтобы выведать обстановку через римских друзей. Тем временем он пожелал оказать щедрую помощь Родосу — дружественному Антонию и пострадавшему от врагов — и в то же время собрать побольше денег, которые потребуются по прибытии в столицу. Эти средства он, надо думать, мог собрать в разбросанных по побережью Малой Азии обширных иудейских поселениях.

Итак, Ирод, несмотря на глубокую зиму, поплыл в Брундузий (Бриндизи), а оттуда отправился в Рим. Здесь он незамедлительно рассказал Антонию, другу своей семьи, обо всем, что происходило на Ближнем Востоке. Антоний познакомил его с Октавианом. Этот, хотя и бездушный, молодой человек не мог не знать о дружеском, благодарном отношении своего приемного отца Юлия Цезаря к дому Ирода. Кроме того, в отличие от своего врага и врага римлян, Ирод был на стороне римлян. К тому же великие мира никогда не могли устоять перед чарами Ирода.

Очень быстро представили его римскому сенату. Поручителями выступили оратор и покровитель искусств Мессала и администратор и адмирал Атратин. Судя по их дальнейшим карьерам, оба отчасти были движимы недоверием к царству Клеопатры, а это убеждало их в пользе палестинского противовеса. К тому же Мессала не впервые выступал в поддержку Ирода — двумя годами раньше он защищал его с братом перед Антонием от иудейских противников. Теперь оба сенатора выступали в его пользу и обвиняли Антигона в сотрудничестве с враждебной Риму Парфией. Потом встал Антоний, доказывая, насколько важной будет помощь Ирода с фланга в планируемой им, Антонием, кампании по изгнанию парфян из Сирии. И Антоний предложил восстановить Иудейское царство, временно прекратившее существование после понижения Гиркана в 63 году до звания этнарха, и высказался за то, что царем быть Ироду. Сенат единогласно проголосовал за предложение.

«По окончании заседания, — рассказывал Иосиф, — Ирод вышел из сената, с одной стороны с ним шел Антоний, а с другой

— Октавиан. Консулы и другие государственные сановники провожали их для приношения жертвы богам и возложения сенатского решения на Капитолий. В первый же день назначения Ирода царем Антоний дал в честь его торжественный обед» {Иосиф Флавий. Иудейская война. С 66). То был самый значительный день в жизни Ирода. И пир отличался великолепием — только вот участие в жертвоприношении капитолийскому Юпитеру было несколько рискованным, так как затрагивались религиозные чувства иудеев. Не знаем, обеспокоился ли этим Ирод, но еще одно обстоятельство наверняка вызвало его озабоченность. Многие иудеи, для которых царский дом Хасмонеев, освободивший иудеев от чужеземного ига, был чем-то священным, явно будут шокированы демонстративным пожалованием царского титула «полукровке» идумею, и к тому же из рук чужеземного покровителя. По этой причине и чтобы отвести обвинения в достойном осуждения честолюбии, Ирод постарался создать впечатление, будто он совершенно не ожидал решения римлян. По его словам, возвести на царство должны были Аристобула III, десятилетнего брата своей суженой Мариамны, на которое тот, будучи внуком Гиркана и племянником Антигона, мог претендовать по праву рождения. А он сам, утверждал Ирод, не желал ничего большего, кроме как быть советником при мальчике. Вряд ли это было правдой. Ибо через неделю после приезда в Италию Ирод уже отправился домой. Совершенно ясно, что все дело было подготовлено в ходе обстоятельных консультаций с представителями римской знати в течение тех месяцев, которые Ирод провел на острове Родос по пути в Рим.

Другой важной стороной римского решения, с точки зрения общественного мнения в Иудее, было то обстоятельство, что царская власть отныне должна отделяться от первосвященства. Ирод вполне определенно не мог стать первосвященником, поскольку не вел свою родословную от дома Аарона, ранее обладавшего монополией на это место, и не происходил из хасмонейской семьи, впоследствии перенявшей сей пост. Хасмонеи выдумали тому объяснение, что-де у них в роду когда-то были какие-то младшие священники. Идумей Ирод на это и не надеялся; даже слухи, что и у него в роду были священники, которые он позволял распространять своему окружению, были не слишком убедительными, чтобы им можно было поверить.

А доводы римлян сомнений не вызывали. Причины, по которым назначили Ирода, следующие. Во-первых, хасмоней Антигон был противником римлян (поддерживал восточную великую державу против западной) и поэтому не подходил для

этой роли. Во-вторых, хасмонейский племянник Антигона Аристобул не годился из-за принадлежности к тому же антиримскому крылу семейства, и, во всяком случае, ему было всего десять лет. В-третьих, только Ирод обладал необходимыми способностями и энергией — и, быть может, благодаря идумейскому происхождению, необходимой беспристрастностью, — чтобы сдерживать вечно беспокойных иудеев. Но если ставить во главе Ирода, он должен быть царем, потому что если он не мог быть первосвященником, то должен получить титул, равный по престижу. Кроме того, монеты Антигона, чье иудейское имя было Маттафия, служат свидетельством, что он, в свою очередь, претендовал на царский титул; так что Ироду, преследовавшему цель сменить его, не оставалось ничего другого. Таковы были обстоятельства, которые в 40 году до н.э. привели к восстановлению для Ирода царского титула. Выпущенные впоследствии монеты с выбитыми датами свидетельствовали, что он ведет свое царствование с этого года.

Однако решение римлян было необычным, исключительным, потому что, когда в зависимом царстве-клиенте появлялась вакансия, обычно искали нового наследника среди продолжателей прежней линии. Решение также влекло за собой отделение иудейской монархии от первосвященства. Это означало отход от традиции, установленной поздними Хасмонеями (нарушенной лишь когда на троне восседала женщина, Александра Саломея, а первосвященником был Гиркан II). Для Рима, возможно, было бы удобнее сохранить объединенным пост монарха и первосвященника, но на такую объединенную должность не находилось подходящего кандидата. Так что царем должен был стать Ирод, а кто-нибудь другой первосвященником. Но эта проблема на время была отложена, ибо сначала Ирод должен завладеть своим царством, все еще находившимся в руках его соперника, человека, который в глазах большинства иудеев был законным царем, — хасмонея Антигона.

В качестве поощрения римляне обещали Ироду значительное увеличение территории. Лежащая к северу от Иерусалима Самария, до парфянского вторжения находившаяся под его личной властью внутри провинции Сирия, возвращалась в Иудейское царство, тем самым удаляя довольно неудачный римский коридор между ядром государства и Галилеей. Несколько расширялась территория на крайнем юго-западе, западнее его родной Идумеи. Она включала прибрежную полосу, в дополнение к Иоппии. Это приобретение почти наверняка включало важный древний недавно перестроенный порт и эллинизированный город-государство Газу, конечный пункт пути

пряностей из Аравии.

Глава 3
ИРОД ЗАХВАТЫВАЕТ ЦАРСТВО

Итак, римляне дают Ироду царство. Но нужно еще отнять его у Антигона.

Не теряя времени, Ирод пустился во второе зимнее плавание и примерно в феврале 39-го достиг левантийского побережья. Но он никак не мог высадиться на иудейской территории и по существу высадился за пределами северной оконечности своего предполагаемого царства, в финикийском портовом городе Птолемаиде (Акра, Акко) в римской Сирии (ныне входит в состав государства Израиль, служит естественным портом Галилеи). Годом раньше Птолемаида без борьбы сдалась парфянским завоевателям. Но теперь ее жителей, видно, склонили к другому решению, и Ирод получил возможность высадиться.

Вскоре после прибытия Ирода в Малой Азии высадился верный сторонник Антония, вышедший из низов, один из лучших военачальников Рима, Вентидий, вынудив основные силы парфянской армии оставить Сирию и поспешить на север ему навстречу. Вентидий разбил парфян и двинулся в Иудею свергать Антигона. Однако данная вовремя взятка Антигона убедила его отвести войска, ибо, когда дело касалось материальных соображений, его военные таланты отступали на задний план. Так что Ироду пришлось довольствоваться услугами заместителя Вентидия Силона, менее компетентного в военном деле, но в равной мере подкупного. С состоявшим из наемников и добровольцев войском Ирод появился у ворот Иерусалима. И он, и Антигон выпустили встречные официальные прокламации: Антигон соглашался отречься, если это требуется в силу его пропарфянской репутации, но только в пользу одного из своих хасмонейских родственников — и ни за что в случае перехода трона к выскочке-идумеянину.

Однако Ирод считал невозможным начать осаду без более существенной римской помощи — хорошо подмазанный противной стороной Силон настаивал на расквартировании своих войск по разбросанным отдаленным пунктам — и поручил своим братьям вести боевые действия в других районах. Один из братьев, Иосиф II, обосновавшийся в Масаде еще до поездки Ирода в Рим, одно время был почти вынужден сдаться из-за нехватки воды и готовил отчаянный прорыв с несколькими людьми за помощью в арабскую столицу Петру, но затем выпали дожди и с помощью Ирода он отразил осаду. Теперь, несомненно,

рассчитывали на то, что он вернет Идумею. А тем временем Ферору, младшего брата, послали восстанавливать большую крепость Александриум (Сарраба), высившуюся на конусообразной вершине горы высотой две тысячи футов над долиной Иордана в трех милях от его слияния с рекой Яббок. С названной по имени оставившего о себе добрую славу ее основателя, Александра Янная, но разрушенной римлянами за 19 лет до того крепости открывалось огромное пространство вплоть до находящейся в 80 милях горы Ермон. В частности, отсюда лучше всего просматривались пути снабжения из Самарии в Иерихон (у северного берега Мертвого моря), и скоро она получила мрачную славу места, откуда высматривают и куда сажают внутренних врагов.

А сам Ирод примерно в январе 38 года до н.э. двинулся в Галилею и в пургу захватил главный город провинции Сепфорис (Зиппори). Затем он взялся за считавшуюся невыполнимой задачу подавления отрядов антиримского прохасмонейского движения сопротивления, «разбойников», как называет их Иосиф. Они обитали в недоступных пещерах в отвесных скалах над Арбелой (Арбель) к северо-западу от Галилейского моря, но Ирод напал на пещеры, спустив на железных цепях вместительные подъемники с солдатами, державшими железные кошки и горящие головни. Таким путем партизаны были уничтожены. На Сирию, наводя ужас, второй раз напали парфяне, но в июне 38 года Вентидий нанес им сокрушительное поражение на северо-западных границах Сирии. Царский сын Пакор погиб. Затем Вентидий двинулся на восток, чтобы разделаться с непокорным князьком в Самосате (Самсар на юго-востоке Турции). Операция из-за подкупа застопорилась, и Вентидий пока послал на помощь Ироду войско, состоявшее из двух легионов, командовал которыми некто Махар, имя это можно встретить среди членов понтийской царской семьи на севере Малой Азии. Но поскольку он проявил себя не лучше военачальников, посланных Ироду раньше, тот, находясь в трудном и опасном положении, решил поспешить на север и присоединиться к самому Антонию, который лично принял командование в Самосате. Антоний, как и следовало, захватил непокорный город, и Ирод наконец мог рассчитывать на надлежащую помощь. Ибо теперь Антоний приказал одному из своих видных сторонников и военачальников, Соссию, возглавить большую армию для участия в иудейской кампании и для начала послать легион, следом другой.

Они прибыли как раз вовремя, чтобы справиться с волной несчастий. Брат Ирода Иосиф II, напавший вопреки приказу на Иерихон, потерял много римских и иудейских солдат и погиб

сам; в Галилее продолжались мятежи, вынуждая к распылению сил. В конечном счете, благодаря огромным усилиям Ирода, армию Антигона под командованием его военачальника Паппа отогнали в направлении Иерусалима, а в начале зимы произошла решающая битва у Исаны (Бург-эль-Исане) в 21 миле от столицы, в самом уэком месте зажатой между скалами Долины Воров, где теперь проходит дорога Иерусалим — Наблус. Битва закончилась полной победой Ирода. В самом кровавом столкновении этой войны погиб командующий войсками противника, и лишь вьюга помешала довести преследование до конца.

Иосиф пишет, что после битвы Ирод чудом избежал смерти.

«Под вечер, когда Ирод отпустил своих утомленных друзей на отдых, он, по солдатскому обычаю, разгоряченный еще от боя, отправился в баню. Его провожал один только слуга. Не успел он войти в помещение бани, как мимо него пробежал неприятельский солдат, вооруженный мечом, за ним появились другой, третий и еще некоторые. Они спасались от побоища в этой бане: вооруженные и объятые ужасом, здесь прятались; вид царя вывел их из оцепенения: трепеща от страха, они пробежали мимо него, безоружного, ища глазами выход. Случайно здесь не оказалось никого, кто мог бы их задержать, а Ирод был уже рад тому, что так счастливо отделался. Таким образом они все разбежались» (Иосиф Флавий. Иудейская война. С. 76).

Насколько правдива эта история? Возможно, в ней нет ни доли правды. Спасение от смерти от руки убийцы после большого сражения — обычная тема сказаний о подвигах героев (такой же случай, по преданиям, произошел с Фридрихом Великим в замке Дойч-Лисса после битвы при Лейтене). Утверждали также, что в землетрясении 37 года Ирод чудом спасся, выбравшись из падающего дома. Возможно, и спасся, возможно, действительно было землетрясение, однако историческое значение этих легенд состоит в том, что Ирод уже становился как бы мифической фигурой, вокруг которой складываются такого рода истории.

Теперь его военное положение было достаточно прочным, чтобы распустить войска по зимним квартирам. Весной 37 года, чуть более двух лет спустя после высадки в Птолемаиде, он двинул войско к воротам Иерусалима и стал готовиться к осаде города. Но Соссий еще не прибыл, так что Ирод решил пока отойти в Самарию и сочетаться браком с Мариамной, с которой был помолвлен уже пять лет. Он ее любил, но женитьба в данный момент к тому же приобретала важный политический смысл. Мариамна принадлежала к хасмонейской царской семье. Были иудеи, ненавидевшие Хасмонеев, но значительно больше иудеев почитали их как возвративших им веру и страну. Этих Ирод

надеялся расколоть: если некоторые из них будут по-прежнему поддерживать Антигона, то другие, как он полагал, скорее примирятся с победой Ирода, если он сочетается браком с племянницей Антигона, внучкой последнего хасмонейского первосвященника Гиркана II.

После свадьбы Соссий с большой римской армией объединился с Иродом под стенами Иерусалима. Теперь осада могла начаться всерьез. Римская армия состояла из 11 легионов, 6000 всадников и многолюдных отрядов сирийских наемников; собственные силы Ирода, вероятно, насчитывали 30 000 человек. Но город представлял собой лабиринт стен с многочисленными опорными пунктами. На овладение внешней стеной ушло полтора месяца. Еще две недели понадобились на захват второй стены, и тогда у Антигона остались только храм и верхний город. Ирод удовлетворил просьбу прислать животных для жертвоприношений, но сопротивление продолжалось. Наконец, после почти пятимесячной осады, храм и верхний город взяли штурмом и началась резня.

Ирод пытался ее остановить, и ему удалось ввести собственные войска на территорию храма, и, если бы он отдал святилище на разграбление римлянам, резня не закончилась бы никогда. Но Соесий считал неразумным приказывать солдатам прекратить мародерство. Однако организованный Иродом раздел добычи, причем значительная доля досталась римлянину, наконец убедил его, и римская армия покинула город. Соссий позднее стал адмиралом флота Антония, и ему приходилось чеканить монеты; на них он изображал добычу и пленных иудеев.

Иерусалим пал в августе или сентябре 37 года. Более поздние иудейские предания отнесли дату взятия города на 3 октября, но это было попыткой обвинить Ирода в святотатстве, потому что на эту дату приходился День искупления. В другом иудейском предании утверждается, что сопротивление потерпело неудачу из-за благочестивого соблюдения седьмого года, в который «поля твоего не засевай и виноградника твоего не обрезывай» (Лев. 25, 2 — 7). Но седьмой год начинался только в октябре, он не мог воспрепятствовать сопротивлению, хотя невозможность сделать на этот случай дополнительные запасы вызывала лишнюю тревогу. В действительности же сопротивление было отчаянным, потому что осажденных, всячески подстегиваемых националистической и религиозной пропагандой, страшила не только перспектива увидеть на троне проримского царя-полуеврея, но и понимание того, что их ожидает от его рук.

Сам Антигон вряд ли мог ждать пощады. Соссий доставил его, закованного в цепи, к находившемуся в Сирии Антонию.

Здесь, в столичном городе Антиохия, он был казнен. Враждебные Ироду предания связывают казнь с его просьбой, но так это или не так — не имеет существенного значения; ни Антонию, ни Ироду никак нельзя было оставлять его в живых. Он символизировал народное сопротивление Риму и его прислужникам, а именно это они и стремились подавить.

Историк Иосиф Флавий, в жилах которого текла кровь Хасмонеев, но который знал, что можно говорить, а что нельзя, поскольку Антигон был заведомым врагом римлян, в связи с его казнью пользуется случаем, чтобы отметить благодарственным некрологом его династию: она была прославленной и выдающейся, но из-за внутренних междоусобиц утратила свое могущество.

Теперь Антоний не мог нарушить данные Ироду обещания. Да у него и не было к этому ни малейшего желания. Будучи правителем многолюдных уязвимых римских провинций, он следовал традиционной практике возведения на окраинах на престол зависимых князей-клиентов — зачастую они лучше подходили для управления, чем присылаемые из Рима чиновники. Часто приходилось сталкиваться с местной спецификой, и это особенно относилось к Иудее. Княжества-клиенты к тому же обходились дешевле провинций, ведь правителям и их служащим не надо было платить. С другой стороны, в одном отношении они имели сходство с правителями провинций: были обязаны собирать подати для Рима. Ироду вместо предыдущих процентных отчислений установили фиксированную сумму. Он также счел разумным — хотя в тот момент был почти банкротом — добавить к этому щедрый (на него переплавили царское столовое золото) подарок Антонию.

В обязанности князей входило поддерживать порядок внутри своих владений, но что превыше всего — они содействовали обеспечению безопасности пограничных областей. На южном краю восточной границы уже правила преданная Риму египетская царица, к тому же связанная с Антонием особыми узами. По другую сторону Красного моря было еще одно (хотя и менее надежное) зависимое государство — государство арабов. Антоний хорошо понимал, что сильное Иудейское государство было в равной мере абсолютно необходимо как для римской Сирии, так и для всей империи. Задача сделать его сильным и сохранять верноподданство отводилась Ироду, и он оправдал право рассчитывать на всяческую поддержку.

Эта группа государств-клиентов была частью куда более широкого полотна. Ибо Левант отличался таким организационным разнообразием, что казался скорее

континентом, нежели просто территорией; то же в еще большей мере относилось к Малой Азии. На этом полуострове Антоний в тот момент возводил на престол за пределами римских границ царей трех новых обширных и важных подчиненных монархий: Понтийской на севере, Галатии в центре и Каппадокии на юго-востоке, деливших с Сирией бремя охраны границ. Позже, когда Антоний порвал с Октавианом, об этих мероприятиях Антония говорились всякие малоприятные вещи. Однако эти монархии-клиенты, за исключением особого случая с Египтом, оказались долговечными. Это могло бы показаться несколько удивительным, потому что не менее трех этих монархов имели тот же недостаток — они не были царских кровей. Такое внедрение было нововведением, которое римляне начали с Ирода. К тому времени он укрепил веру Антония в свои возможности, преодолев тяжелейший кризис и овладев властью. Но впереди его еще ждали тяжелейшие внутренние трудности.

Глава 4
ИРОД И ИУДЕИ

После одержанной Иродом победы среди ставших его подданными иудеев неизбежно должно было начаться безудержное сведение счетов. Но все же некоторые, активно или пассивно, приняли его сторону. В данный момент следует поговорить об этих палестинских иудеях, поскольку положение их многочисленных категорий, групп и сект бросает свет как на потенциальные оппозиционные движения, так и на опору власти самого Ирода. Вряд ли ожидалось, что государственному совету все легко сойдет с рук. После военных операций в Галилее, послуживших Ироду десять лет назад началом карьеры, члены совета до того решительно выступали против несанкционированных казней, что пытались положить конец его карьере и, возможно, даже убить. И теперь большинство показало себя твердыми сторонниками Антигона, будучи душой его сопротивления осадившей город армии Ирода. Как только Ирод взял верх, 45 членов совета, в том числе видные представители знатных фамилий, были арестованы и казнены, а их собственность конфискована в пользу победителя. Вакантные места занимались, но нет никаких данных, свидетельствовавших бы о том, что Ирод когда-либо консультировался с этим иудейским советом или позволил ему пользоваться своими юридическими прерогативами. Отныне он был низведен до уровня ученой коллегии, его компетенция строго ограничивалась юрисдикцией в вопросах догмата, а назначение председателя в дальнейшем возлагалось на самого Ирода.

От всех этих мер, включая уничтожение врагов Ирода, из всех слоев иудейского населения больше всех пострадали саддукеи. Это относительно небольшая избранная секта влиятельных и богатых людей, в большинстве своем земельных магнатов, в нее, однако, входили и наследственные священнослужители, контролировавшие храм. Относительнее происхождения названия «саддукеи» нет ясности. Одна из множества теорий (достаточно правдоподобная) связывает его с именем Садока, верховного жреца времен Давида и Соломона, поскольку именно храм был центром их власти. Считая себя единственными законными толкователями Священного Писания — устные предания не представляли для них интереса, — они верили, что храмовые обряды важнее любой ученой казуистики вокруг Закона. Отвергая предопределение, они признавали за человеком свободу выбора и

способность изменить историю. Их сравнительно мало интересовали вопросы морали; не реагировали они и на широко распространенную веру в загробную жизнь, ибо не могли найти в священных книгах подтверждение воскрешения тела, сохранения души или дня Страшного суда. Их не привлекали новые, соответствующие времени адаптации иудаизма — они опасались, что от этого пострадают их привилегии. В результате их учению недоставало необходимой эмоциональной основы. Их влияние покоилось исключительно на наследственной власти духовной аристократии, и теперь победа Ирода нанесла ей смертельный удар.

Саддукеи, связанные с Хасмонеями и составлявшие ядро их партии, были против появления Антипатра в качестве направляющей силы Гиркана. Антипатра ненавидели не за его проримские убеждения — известная доля эллинизации и коллаборационизма их устраивала. Его ненавидели как идумея, посягавшего на хасмонейский царский дом, за то же ненавидели и Ирода. Они сильнее других чувствовали общее предубеждение против идумеев, и именно они в 47 году до н.э. внушили совету мысль покончить с Иродом. И они же спустя десять лет снова образовали костяк его противников в Иерусалиме: для них было непостижимо, чтобы «иноземец» стал царем иудейской нации. Теперь наступила расплата — хотя ниже мы увидим, что Ироду удалось создать новую, послушную аристократию саддукеев (см, главу 8).

Из членов совета, уцелевших после учиненной Иродом бойни, самые влиятельные представляли еще одну часть иудейского общественного мнения — фарисеев. Во время осады двое главных фарисеев выступили за то, чтобы открыть Ироду ворота. Иосиф вольно или невольно исказил их имена, но приводились убедительные, довольно правдоподобные доводы, что это самые выдающиеся вожди фарисеев всех времен — Гиллель и Шаммай старшие. За десять лет до того Шаммай способствовал ужесточению позиции совета в отношении недостойных действий Ирода в Галилее. Но теперь он с товарищем призывал сдаться.

Фарисеи и саддукеи были скорее не обособленными сектами, а правовыми школами, представлявшими различные позиции в рамках общего учения. Они выкристаллизировались в опознаваемые группы во второй половине II века до н.э. когда фарисеи, следовавшие традиции старых групп строгих пиетистов, возникли как партия, выступавшая против осуществлявшегося хасмонеями слияния царской власти с властью первосвященника. Название «фарисей» было предметом такого же множества предположений и домыслов, как и «саддукей»; чаще всего

истолковывают его происхождение от слова, означающего «отделение», то есть разрыв со всем грешным или нечистым. Сами они предпочитали более скромное название — «хаберим», означавшее «равные» или «товарищи».

Стал фарисеем и принадлежавший к более позднему поколению Иосиф, и он говорит их языком, когда заявляет, что важнейшей характерной чертой иудаизма является Закон Моисея. Эта Тора, или Откровение, — понимаемая как законы, сопутствующие святому дару, — состояла из пяти Книг Моисеевых, которые к концу IV века до н.э. стали считаться каноническими. К 200 году закрепился канон Пророков, за ним канон Писаний, сохранившиеся части которых христиане называют Ветхим Заветом. Многие иудейские авторы всех времен распространяются о своей страстной любви к Закону, особенно Псалмопевец и автор Книги Екклесиаста (Бен Сира, ок. 180 г. до н.э.); а греку, злословившему в адрес народа Моисеева, Иосиф ответил: «Мы обладаем Законом, идеально предназначенным поощрять истинную религию, социальную справедливость и добрую волю между народами».

Фарисеи возложили на себя высокую обязанность излагать и толковать этот Закон, утверждая, что он распространяется как на жизнь нации, так и на личную жизнь. Однако в противоположность саддукеям они считали, что Господь на горе Синай передал Моисею не только писаный Закон Торы, но и Закон неписаный, известный (примерно со времен Ирода) как «предания старины» или «предания старцев», который исходил из божественных уст и должен храниться и передаваться будущим поколениям. Более поздние теологи даже утверждали, что Господь заключил завет с Израилем только потому, что законы не были писаны.

Фарисеи черпали поддержку не в храме — стихии саддукеев и жрецов, а в синагогах — прежде всего местах изучения Закона. Хотя вряд ли можно утверждать, что синагоги созданы фарисеями, они все больше использовались ими для направления мыслей иудеев. Иврит Ветхого Завета в большинстве понимали только хорошо образованные люди, а фарисеи могли предложить его тексты на арамейском языке, что давало им возможность добавлять собственные уточнения и толкования. В вопросах религии они придерживались прогрессивных взглядов, стремясь, и это на самом деле так, противодействовать эллинизирующим упрощениям, но понимали, что лучше всего это делать путем адаптации веры к современным практическим потребностям, поскольку они утверждали, что люди имеют право изменять любой закон. В основном это были миряне, главным образом из

средних слоев, стремящиеся получить образование и жаждущие приобщения к вере. Им помогали в этом деле не имеющие духовного сана правоведы (соферим — книжники). Фактически многие книжники сами являлись фарисеями. Книжники решали, что нужно для практического применения Закона на все случаи жизни; насчитали своим делом с помощью дополнений и вольных умозаключений выискивать в Торе более глубокий смысл. Типичный книжник, зачастую бедняк, удостоен похвалы в Книге Екклесиаста (Екк. 9, 15 — 18).

В наилучшие для них времена фарисеи совсем не были нудными педантами, напротив, хотели превратить религию в источник радости. Они отвечали широко распространенным настроениям своего времени, подчеркивая личный характер религии, рассуждая на темы греха и морали, о воскресении из мертвых и о вознаграждениях и карах в загробной жизни. Они представляли всю историю проникнутой Божьей волей. Их вера, значительно отзывчивее веры саддукеев, и есть дошедший до наших дней иудаизм. Однако саддукеи находили их «увлеченность» достойной отвращения и обвиняли их в заигрывании с низами. Их подвергали критике и в других кругах, хотя их приверженец Иосиф особо об этом не распространяется. Их толкования называли льстивыми, а их самих ханжами, фальшивыми учителями лицемерия. Позднее строгое соблюдение ими буквы Закона, в том виде, как его толковали более педантичные представители, привело в ярость Иисуса — отсюда неблагоприятное для фарисеев определение в наших нынешних словарях. Они, в свою очередь, осуждали Иисуса, потому что он, сам являясь фарисеем, пренебрегал их правилом, предусматривающим, что толкования Законов Моисеевых, как данных свыше, должны устанавливаться не по приказанию, а путем выработки единого мнения.

Такова в то время была традиция, которой придерживались Гиллель и Шаммай, выступившие во время осады Иерусалима с призывом о сдаче Ироду. Они возглавляли академии толкования Торы. Позднее считалось, что они унаследовали эти должности от целого ряда аналогичных пар лиц (Zuggoth) начиная со 165 года до н.э. Но в иудейских письменных трудах очень мало пишут об учителях более ранних поколений, что дает основания полагать: во времена Гиллеля и Шаммая данная традиция еще только зарождалась и оба они играли большую роль в ее формировании. Другими словами, эпоха Ирода имела большое значение в истории иудейской веры, и тот факт, что созидательные устремления таких людей не встречали препятствий со стороны царя и, более того, наступившее благодаря ему в Иудее

спокойствие способствовало их деятельности, является важным аспектом его победы.

Гиллель, родившийся в Вавилонии, отличался кротостью и обходительностью и не любил спорить по пустякам. Он провозглашал золотое правило: «Не поступай с другим так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой» — требование, которому позднее Иисус придал вместо отрицательного положительное звучание; правда, христиане и иудеи позднее разошлись во мнениях относительно положительных и отрицательных сторон такой замены. У Шаммая, с другой стороны, была репутация непреклонного упрямца, непоколебимого ревнителя Торы; как правило, он строго придерживался буквального смысла текста.

Испытав трудности при более ранних хасмонейских монархах, фарисеи встретили почтительное отношение к себе со стороны царицы Александры Саломеи, чье царствие умеренные представители фарисеев впоследствии рассматривали почти как время вечного блаженства; это она ввела книжников в государственный совет. Тем не менее, когда Ирод свалил ее семейную ветвь, эти приятные воспоминания не помешали слоям общества, чье мнение представляли Гиллель и Шаммай, молчаливо признать победителем нехасмонея. Была признана необходимость правления. «Если бы не страх перед правительством, — утверждал рабби Ханина (когда закон и порядок в Иудее пошатнулись в последовавшее за смертью Ирода столетие), — люди пожирали бы друг друга живьем». Приверженцы этих взглядов не хотели противиться римлянам. «Итак, — советовал другой, — любите труд, сторонитесь начальства и не имейте дел с правящей властью». Склонным к таким рассуждениям Гиллель и Шаммай отвечали, что Ирод — наказание, ниспосланное небом, Божья кара и что надо терпеть. Такая кара широко ожидалась, и ее отождествление с Иродом страстно утверждается в написанной вскоре после смерти царя иудейской книге «Вознесение Моисея», отражавшей определенную часть общественного мнения при его жизни.

Возможно, это не самый похвальный и тактичный способ выражения мнений, но Ирод был не против, ибо, если люди придерживались таких взглядов, это, по существу, значило, что они будут сотрудничать до тех пор, пока он не вмешается в вопросы религии и Закона. Их пассивность его устраивала; они фактически становились проиродовой партией, хотя и бездеятельной. Когда его сторонники пустили слух, что он ведет происхождение от священнослужителей еще со времен царя Давида, они, видимо, пытались снискать ему расположение Гиллеля, утверждавшего, что происходит от рода Давидова по

женской линии. Во всяком случае, пока шло ублаготворение друг друга политикой «живи и давай жить другим», фарисеи в своей деятельности по всей стране преуспевали, как никогда.

Но существовало и радикальное крыло фарисейства: тот факт, что «фарисей» означает также «отделенный», подсказывает, как этот смысл можно повернуть в политических целях и тогда такое определение уже означает несогласие или вообще отделение. Однако это направление не вызывало у Ирода тревоги, потому что такие экстремисты среди фарисеев особенно ненавидели хасмонеев и по крайней мере на время они были склонны примкнуть к тем, кого Ирод определенно устраивал. Но с этими людьми следовало быть осторожным, потому что они придерживались явно мессианских взглядов. Многие умеренные фарисеи, в том числе Гиллель, считали их заблуждениями. Последний говорил: «Тот, кто обрел для себя слова Торы, тем самым обрел себе жизнь в грядущем мире»; словом, бессмертие можно обрести, не дожидаясь, пока получишь его из рук Мессии. А Иосиф старается представить дело так, что мессианских ожиданий вообще не существовало.

Тем не менее экстремистски настроенные, верившие в приход Мессии фарисеи стали объединяющим ядром для тех, чьи национальные надежды и чаяния привели их к вере в грядущий золотой век под царским покровительством рода Давидова. Мессианство представляло значительную силу во всем Средиземноморье; им пронизана четвертая эклога Вергилия (40 г. до н.э.). Еврейское слово «машиа», по-гречески «Христос», означает «помазанный»: некто святой, царь или священник, имеющий доступ к Богу. В иудаизме, хотя и усиливалось представление о чем-то более божественном, сверхъестественном, общее поверье сводилось к тому, что явится царь из рода Давидова и силой подавит врагов народа.

Такая вера вспыхивала всякий раз, когда приходилось плохо. «Если бы, — говорил Бен Гурион, — мы не унаследовали от пророков мессианскую мечту о спасении, страдания еврейской диаспоры привели бы к ее вымиранию». Более того, со времен вавилонского пленения в VI веке до н.э. в более ранние книги пророков вставлялись многие новые ультрамессианские пассажи. Затем пришли хасмонеи и те, кто их поддерживал, сочли благоразумным допустить, что в конечном счете Мессия может вести происхождение и не от Давидова дома, а по левитской линии Аарона, как утверждал о себе новый царский дом; и вообще известное место в Числах (Числ. 24, 17) можно толковать таким образом, что Мессией может явиться и священник, и лицо несвященнического звания. Во всяком случае, военные успехи

хасмонеев представлялись знамением поддержки свыше и ободрением мучеников; война за освобождение конечно же была прелюдией последнего славного катаклизма. И таким образом с тех пор — одним из первых тому примеров была Книга Даниила — пошло бурное распространение мессианских, апокалиптических писаний, по-разному подробно распространявшихся на темы обещаний, содержащихся в библейских текстах. Как следствие, появился целый сонм самозваных мессий, привлекавших всевозможное число сторонников.

Слово «Мессия» (в русском тексте Библии «Избавитель». — Прим, перев.), насколько нам известно, впервые появилось в сборнике «Псалтырь», который, видимо, относится к 50-м годам до н.э. и который на склоне внешне помпезного хасмонейского правления обращает взоры на определенно ожидаемое возвращение Давида: «И воздал мне Господь». То же предсказание подробно излагается и во многих других религиозных трудах. «Сын человеческий», «надежда болеющих душой» создаст империю под Господним правлением, из которой будут изгнаны чужеземные племена. Должно возбуждать ненависть к врагам народа, и в назначенное время, когда против всей их компании развернется апокалиптическая война, произойдет внушающее страх явление Господне. А до той поры нужно ясно различать, кто истинный последователь Завета, а кто ложный, кто законный обладатель Божьей милости, а кто узурпатор.

Все утверждения, цитируемые в предыдущем абзаце, наряду с другими, собранными в целую мессианскую антологию, взяты из свитков, найденных в библиотеке монашеской общины в Хирбет-Кумране неподалеку от северной оконечности Мертвого моря, в семи милях от Иерихона. Это наводящее страх пустынное место между солеными водами и отвесными известняковыми скалами часто служило фоном для неистовых иудейских религиозных действ; оно чем-то походило на местность, где Иоанн Креститель выступил со своим пророчеством. Из их собственного «Наставления по дисциплине» мы узнаем о суровых порядках в кумранской общине. Точное датирование этих трудов из библиотеки вызывает споры, но многие или даже большинство из них относятся к середине или концу царствования Хасмонеев. Повреждение башни и широкая диагональная трещина на ступенях, возможно, объясняются землетрясением 31 года до н.э. описываемым Иосифом. Такое предположение дополнительно подтверждается тем, что в кумранских находках обнаружены монеты хасмонейской чеканки, но почти полностью отсутствуют монеты Ирода (и снова появляются находки времени его

преемника). Но все это, скорее всего, относится к области предположений, а ключ к разгадке, видимо лежит в бескомпромиссной критике хасмонейских властей, присутствующей во многих монастырских книгах и в книгах по меньшей мере еще одной родственной секты. Возможно, Ирод, какого бы происхождения он ни был, одобрял такую позицию и видел в таких общинах потенциальных союзников, во всяком случае не считал их врагами. Если дело обстояло так, то можно допустить, что он дал уцелевшим убежище в Иерусалиме или построил для них новый центр где-нибудь еще.

Самой широко известной из этих замкнутых монашеских сект были ессеи, видимо отколовшиеся от фарисеев в начале II века до н.э. Известно, что Ирод благоволил и ессеям; утверждали, что он приписывал им сверхъестественные силы. Иосиф тоже верил в их пророческий дар. Он пишет, что, когда Ирод был еще ребенком, один из духовных глав ессеев, Менаем (Менахем), дружески шлепнув его по попке (вольность, на которую потом мало бы кто осмелился), заметил, что тот будет великим царем, но плохим человеком. Хотя эта легенда определенно не исходит от самого Ирода, вполне вероятно, что он находился под впечатлением предполагаемых пророческих талантов ессеев не только в силу глубоко укоренившейся у иудеев традиционной веры в пророчества, которая была все еще сильна в тот период, но и потому, что в это же самое время одинаково широко процветал оккультизм. Скажем, символ, который можно найти на монетах Ирода, крест, похожий на те, что находят на глиняных светильниках и каменных гробах, обнаруженных при раскопках близ Иерусалима, имел магический смысл, означая защиту от злых духов; обычно изображали крестоподобную букву "Х" на царских коронах.

Однако главной причиной, по которой Ирод благоволил ессеям, был их неизменный обычай воздерживаться от неповиновения политической власти, на деле доходивший до утверждений, что ни один правитель не получает власть кроме как по Божьей воле. По этой причине, говорит нам иудейский автор Фило, они никогда до его дней, то есть до I века н.э. не вступали в конфликт ни с одним правителем Палестины, каким бы деспотичным он ни был. Такая пассивная позиция не могла не привлечь внимания Ирода. Говорят, он даже освободил ессеев, как и фарисеев, от присяги на верность ему, поскольку такая мирская клятва противоречила их принципам. Кумранское поселение часто отождествляют с ессеями. Но если, как отмечалось выше, Ирод одобрительно относился к кумранской общине, то этому находились другие причины: воинственность ее

обитателей была направлена против его врагов — Хасмонеев. Если принять во внимание это явное различие позиций, полное тождество ессеев и кумранских отшельников представляется маловероятным. Очевидно, существовало великое множество таких монашеских сект с отличающимися друг от друга взглядами, а то, что мы знаем о двух из них и не знаем об остальных, объясняется двумя случайностями — обнаружением кумранской библиотеки и тем обстоятельством, что Иосифа интересовали ессеи, поскольку в юности он был одним из них и одно время жил у ессея-отшельника Банна. Он пишет, что их насчитывалось четыре тысячи и они, по существу, составляли монашеский орден, посвятивший себя точному соблюдению обрядов и толкованию Торы.

* * *

Таковы были религиозные прослойки, у которых Ирод надеялся заручиться поддержкой или по крайней мере добиться повиновения. Получив заверения в поддержке, активной или пассивной, со стороны некоторой части иудеев, он счел возможным пойти на поступок, который выглядел великодушным и мог оказаться полезным. Гиркан, бывший царь, этнарх и первосвященник, увезенный в 40 году парфянами в Вавилонию, там был отпущен на свободу и пользовался почетом и уважением в большой местной иудейской общине. Но теперь он хотел вернуться на родину. Парфяне согласились — возможно, раздвоение пристрастий среди местных иудеев создавало определенные неудобства, — и Ирод тоже согласился. Так что вскоре после захвата Иерусалима он радушно встретил вернувшегося на родину Гиркана, называл его отцом и сажал на почетное место. Наверное, Ироду было не по душе, что по существу иудейский двор главы рода Хасмонеев пользовался покровительством парфян, и он, видимо, очень хотел заполучить его обратно под свое крыло.

Но из-за изуродованных ушей Гиркан не мог вернуться на пост первосвященника. Не мог стать первосвященником и сам Ирод, потому что его род, какие бы слухи ни инспирировались, не отвечал необходимым требованиям. Но должность эта имела огромное значение. Иудеи считали ее олицетворением своего особого прошлого и предначертанной судьбы. Правоверных всегда призывали отстаивать законность первосвященства. И не случайно термин «теократия» дошел до нас от иудея — Иосифа, ибо пророк Иезекииль заявлял, что мирская власть должна быть

подчинена духовной. Однако по мере развития событий при Ироде произошло прямо противоположное. Правда, ему неоднократно советовали вернуть первосвященникам их светские полномочия, но он, похоже, никогда не прислушивался к этим предложениям. Наоборот, в дальнейшем он держал эту должность под своим строгим контролем. И отныне она переставала быть пожизненной и наследственной.

И чтобы подчеркнуть сие обстоятельство, священные одежды теперь должны были находиться в личном ведении Ирода. Они вели происхождение от одежд, в которые облачил Аарона сам Господь, и были настолько высоко почитаемы, что царь опасался передавать их в другие руки. Отныне эти одеяния, хранившиеся у самого Ирода, выдавались первосвященнику для ритуальных целей четырежды в год: на празднование Песаха, Пятидесятницы, Суккота и Йом-Киппура.

Одеяния хранились в построенном Иродом для себя дворце-крепости, заменившем находившийся в верхнем городе старый хасмонейский дворец (Акру). Новое здание, названное Антонией в честь патрона Ирода — Антония, стояло рядом с храмом, за его северо-западной оконечностью. Оно заменило бывший замок — Вира (Барис), разрушенный во время осады 37 года, место капитуляции Антигона. Но Антония была воздвигнута в 60 ярдах к северу от Биры, и Ирод мог избежать обвинений в том, что живет на территории храма, поскольку это не дозволялось не имеющим духовного звания земным правителям.

Платформу, искусственно выровненную под строительство Антонии, можно видеть и сегодня. На ней высилось огромное квадратное сооружение с отвесно поднимающимися к небу четырьмя угловыми башнями, три высотой 75 футов, а одна — 100 футов или более. Иосиф сравнивал это сооружение в 375 футов по фасаду с целым городом, столько там было дворов, галерей и купален. Оно — прототип таких дворцов-крепостей, как лондонский Тауэр и дворец в Сплите. Господствовавшая над храмом, как храм господствовал над городом, Антония была связана со святым местом подземными переходами и двумя лестничными маршами. Расположение позволяло легко подавлять беспорядки на территории храма и вообще убедительно символизировало господство светской власти над средоточием веры.

* * *

Такое новое положение дел, возникшее в результате

неизбежного разделения царской и жреческой власти, вызвало бурные эмоции среди иудеев. Многие думали, что Ирод попытается снять напряжение, оставив должность первосвященника роду Хасмонеев. В конце концов до недавнего времени руководящие деятели совмещали должности царя и первосвященника, и теперь, когда они не обладали царской властью, были веские основания полагать, что, поскольку у Хасмонеев есть мужчина, он должен занять место первосвященника. А такой хасмоней был: юный Аристобул III, внук последнего первосвященника Гиркана II (чье иудейское имя Ионафан он принял) и брат жены Ирода Мариамны.

Но Ирод, женатый на красавице хасмонейке, больше не желал и слышать о политических претензиях ее семейства, и замещение поста первосвященника было предметом ожесточенной политической борьбы. Он принимает решение — которое, должно быть, посчитали сенсационным — передать эту должность члену совсем другой семьи. Подобрали и назначили некоего Ананеля — мало кому известного иудея из Вавилонии. И поскольку он не обладал большими связями в стране, то был бы достаточно услужлив. Но назначение рассчитали хорошо — Ананель, как ни удивительно, принадлежал к линии Садока, считавшейся потомством брата Моисея — Аарона, роду, который до Хасмонеев наделялся правом выделять верховных жрецов, лиц, занимавших высокий пост отдельно от власти: «это сыны Садока, которые одни из сынов Левия приближаются к Господу, чтобы служить Ему» (Иез. 40, 46).

Возможно даже, что собственные претензии Ирода на духовное происхождение имели целью связать его с Ананелем. Но что более очевидно, назначение выглядело как тонко рассчитанный удар по притязаниям Хасмонеев. Их жреческое происхождение, так энергично превозносившееся их сторонниками, в конечном счете не было таким уж безупречным. Прежде всего, они получили звание первосвященника в дар от Селевкидов, сирийских монархов или узурпаторов, а духовная ветвь, к которой они принадлежали, была малоизвестной, ничем не примечательной, во всяком случае шла не от Аарона. Кроме того, кандидату Хасмонеев, брату Мариамны Аристобулу III, было всего 16 лет. Правда, теоретически верховный жрец мог быть малолетним, и некоторые даже утверждали, что мужчина мог занимать жреческий пост по достижении половой зрелости. Значительно позднее талмудистские авторитеты придерживались мнения, что священнослужитель не может отправлять службу до достижения 20 лет; этот взгляд, несомненно, имел хождение среди религиозных авторитетов и во времена Ирода.

Но Ирод обнаружил, что сильно ошибся, — из-за злой фурии рухнули все его планы. Его решение вызвало гнев множества хасмонейских поклонников, но центр грозы находился в его собственной семье. В частности, сверх меры разъярилась его теща Александра II, мать жены Мариамны. Это была страшная женщина, весьма целеустремленная и решительная, в отличие от слабовольного отца, Гиркана, но похожая в этом на многих других членов своего дома.

Глава 5
ИРОД, АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Итак, назначив Ананеля верховным жрецом, Ирод восстановил против себя свою опасную тещу Александру. С ней одной он бы справился, но у нее была могущественнейшая союзница — Клеопатра, к которой и обратилась теперь Александра со своим горем, призывая отменить решение Ирода о первосвященнике. Клеопатра вместе с Антонием (октябрь 37 года) находилась в Сирии. Она убедила его сместить нового первосвященника в пользу сына Александры.

* * *

Может быть, Ирод был готов выдержать раздоры в собственном семействе, а их хватало, потому что жена находилась под сильным влиянием тещи.

Но он прекрасно понимал одно — что не может позволить восстановить против себя возлюбленную Антония Клеопатру, представлявшую страшную угрозу для Ирода. Дело в том, что, как в дальнейшем всякий другой египетский правитель, она хотела вообще убрать с пути Иудейское царство. Одержимая идеей восстановления египетской империи, какой та была при ее предках, Клеопатра никогда не забывала, что Иудея — часть ее территории (до того как ее присоединили к себе Селевкиды) и что ей выпала миссия лишить эту страну независимости и снова превратить ее в провинцию Птолемеев. Верно, что, когда в 40 году Ирод, молодой изгнанник, стремившийся попасть к Антонию, явился к ней, она не сделала ничего, чтобы причинить ему вреда, более того, подбодрила и помогла. Но в то время не думалось, что он и в самом деле вернется в Палестину, не говоря уж о том, что станет ею править. Но вот теперь Ирод вернулся и захватил власть, когда она, подбадриваемая близостью с Антонием, всерьез собиралась воплощать в жизнь свои честолюбивые замыслы. И среди них одними из первых были уничтожение Ирода и аннексия его страны.

Реакция на это Антония, во всяком случае пока еще, свидетельствует, что он не был потерявшим разум любовником, каким его пытались выставить враги. Царство Ирода представляло очень ценную часть его системы обороны империи, а сам Ирод, насколько известно, импонировал ему своей

преданностью и уверенностью в себе. Поэтому льстивые уговоры Клеопатры никак не могли заставить его убрать Ирода. Другим левантийским династиям, в отношении чьих территорий Клеопатра строила аналогичные планы, повезло меньше. Одного казнили, и она забрала его землю. Она также заполучила целый ряд прибрежных эллинизированных городов-государств в Финикии, ныне Ливане, — фактически овладела всей финикийской прибрежной полосой, за исключением Тира и Сидона. Ей даже передали значительный участок внутренней территории, находившейся под прямым управлением римской провинции, — отчуждение имперской территории использовалось в пропагандистских целях ее многочисленными врагами в Риме. А Арабскому царству пришлось уступить важные районы Трансиордании, перешедшие под ее управление и превратившиеся в анклавы ее царства. Самым прибыльным в этих передачах территорий оказалось исключительное право на добычу битума или асфальта, который всплывает на поверхность Мертвого моря; — материала, высоко ценимого как замена известкового раствора, лечебное средство, средство для защиты виноградников от вредителей и даже бальзамирования трупов.

Полученная Клеопатрой монополия на разработку Мертвого моря означала появление ее чиновников в неприятной близости от территории Ирода. Стало абсолютно ясно, что, если даже Антоний не собирался допустить лишения его власти, Ироду, как и другим левантийским правителям, предстояло пойти на серьезные уступки Клеопатре, учитывая ее особые отношения с римским правителем. Когда Клеопатра в 36 году осталась с Антонием в Сирии, стало мучительно ясным и существо этих неминуемых уступок. Ибо тогда было решено, что Ирод должен уступить солидную часть территории, включая Иоппию и большую часть прибрежной полосы, хотя ему пока что оставлялась Газа, как конечный пункт иудейского коридора к морю.

Это была тяжелая утрата, но Ирода еще ждал удар в делах финансовых. Его также вынудили передать Клеопатре чрезвычайно прибыльные финиковые и бальзамниковые рощи у Иерихона, к северу от Мертвого моря. Финиковые пальмы Иерихона, известные как «хмельные» из-за крепости получаемого из их сока вина, превосходили все пальмы, выращиваемые в Древнем мире в хозяйственных целях. Две бальзамниковые рощи, занимавшие 20 квадратных миль, давали знаменитый «галаадский бальзам», излечивавший головные боли и катаракты и высоко ценившийся за свое благоухание. Боль, причиненная Ироду этими опасными посягательствами, разве что смягчало

соображение, что беда коснулась не только его.., и что однажды Клеопатра зайдет слишком далеко.

Между тем, хотя, к великому сожалению, приходилось терпеть присутствие чиновников Клеопатры в прибрежных городах, еще неприятнее было терпеть их внутри страны, распоряжающихся в захваченных ею рощах всего в 15 милях от Иерусалима. Ирод нашел выход из этого щекотливого положения, предложив Клеопатре взять у нее эти рощи в аренду за весьма значительную уплачиваемую ежегодно сумму. Заодно он предложил взять на себя за обитавших на восточном берегу Мертвого моря арабов плату за битум. Сделка вполне устраивала Клеопатру, потому что она получала деньги, ничего не делая, чтобы их заработать, а если повезет, можно было перессорить иудеев и арабов.

Но Ирод не падал духом. Сделка с Клеопатрой обошлась дорого, но в стране по крайней мере не было египетских надсмотрщиков, и Ирод получил возможность вмешиваться в арабские дела. В общем и целом могло быть хуже, особенно если учесть измену в собственном дворце. Ибо, как мы видели, как раз в это время его теща Александра писала своей приятельнице Клеопатре, настаивая, чтобы Антоний заставил Ирода сместить вновь назначенного первосвященника в пользу ее сына Аристобула III. Антоний не действовал напрямую, но, возможно, именно тогда послал к Ироду обсудить положение своего искусного дипломата, Квинта Деллия. Дабы сохранить мир и успокоить Клеопатру с Александрой, Антоний счел целесообразным пригласить к себе юного Аристобула. Однако Ирод не согласился, разумно рассудив, что такая поездка была бы опасной, так как могла возбудить мятежные надежды и интриги.

Однако что касается поста первосвященника, Ирод понял, что потерпел поражение. Он просто не хотел идти на риск дальнейшего подрыва своих отношений с Антонием и сдался. К концу 37 года или в первые недели года следующего первосвященника Аианеля сместили. Ирод, которого осуждали за назначение, теперь подвергся осуждению за смещение первосвященника. Это было нарушением Закона, и историки религии могли найти только два прецедента, причем ни один не считали убедительным.

Итак, Аристобул вскоре после достижения 17 лет стал верховным жрецом. Однако Ирод не любил действовать по принуждению; произошедшее не внушило ему любви к Александре, и ему по-прежнему не нравилось, что первосвященником был хасмоней. Последствия живо описаны Иосифом.

* * *

"… Казалось, Ирод на время уладил свои семейные неприятности. Но он недолго был свободен от подозрений, как это обычно бывает после примирения, потому что, судя по прежним попыткам Александры, у него имелись основания опасаться, что, если представится возможность, она попытается свергнуть его правительство. Поэтому он приказал ей не покидать своего дворца и самой ничего не предпринимать, и, поскольку было установлено тщательное наблюдение, ничто, даже подробности личной жизни, не избегало его внимания. Все это постепенно приводило ее в ярость и еще больше возбуждало ненависть, ибо женской спесью она обладала в достатке и ее до глубины души возмущали эта слежка и подозрительность. По ее убеждению, хуже, чем лишиться свободы и при всех внешних знаках почтения провести остаток жизни в неволе и страхе, ничего не было. Поэтому она написала Клеопатре, изливая горькие жалобы на свою судьбу и умоляя о помощи.

Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном в Египет. Эта идея Александре понравилась, и она задумала следующее. Приказала изготовить два гроба якобы для перевозки покойников и вместе с сыном поместилась в них, приказав посвященным в замысел слугам вынести их ночью из дворца. Оттуда был открыт путь к морю, где ждал корабль, готовый доставить их в Египет. Но ее слуга Эзоп неосторожно проговорился одному из ее друзей, Саббиону, думая, что тот был посвящен в план. Узнав об этом, Саббион — ходивший во врагах Ирода, поскольку его считали одним из заговорщиков, замышлявших отравить отца Ирода Антипатра, — увидел возможность, если донесет, изменить отношение к себе Ирода и рассказал царю все о заговоре Александры.

Царь дал событиям развиваться своим путем, а затем накрыл ее во время бегства. Но он простил ей этот проступок, потому что, если бы даже хотел, не решился применить к ней строгих мер, так как ненавидевшая его Клеопатра не позволила бы довести дело до предъявления обвинений — он изобразил великодушие, простив ее якобы по своей доброте, а не по другой причине. Однако оставался преисполнен решимости любой ценой убрать с пути Аристобула, но считал, что ему удастся лучше скрыть мотивы, если будет действовать не сразу после данного случая.

Когда наступил Праздник кущей — у нас он особенно соблюдается, — царь подождал несколько дней, пока весь народ предавался веселью. Но именно закипавшая в его груди зависть, порожденная этим празднованием, толкнула его на то, чтобы

ускорить осуществление своих намерений. Облаченный в священнические одеяния семнадцатилетний Аристобул, взошедший на алтарь для принесения подобающих случаю жертвоприношений, был прекрасен, ростом выше своих сверстников, словом, вся внешность его свидетельствовала о благородном происхождении. Люди стихийно потянулись к нему, вспоминая при этом о добрых деяниях его деда — Аристобула. Они постепенно обнаруживали чувства одновременно радости и боли, выкрикивая в его адрес добрые пожелания, смешанные с молитвами, так что любовь толпы становилась очевидной, а выражение чувств, учитывая наличие царя, слишком импульсивным.

В результате всего этого Ирод решил осуществить свой замысел в отношении юноши. После праздников они гостили у Александры в Иерихоне. Ирод держался с ним весьма дружелюбно, уговаривал выпить, подлаживался под молодежные игры. Поскольку, естественно, было очень жарко, скоро вместе с другими они пошли прогуляться к купальням (их, довольно больших, было несколько вокруг дворца), чтобы освежиться после полуденного зноя. Сначала они смотрели, как купались некоторые слуги и друзья (Ирода), потом Ирод уговорил юношу присоединиться к ним. К тому времени темнело. Несколько друзей, как было приказано, как бы затеяв игру, окунули его под воду и держали, пока он не захлебнулся. Вот таким путем разделались с Аристобулом… " (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Перевод мой. — В. М.) Аристобул нашел свою смерть в конце жаркого сезона 36 года. Первосвященником снова стал Ананель.

Ироду было до того ненавистно видеть в этой должности привлекательного молодого хасмонейца, что он решил избавиться от него, невзирая на последствия. И последствия обязательно должны были сказаться. Правда, Аристобулу устроили пышные похороны и его смерть представили несчастным случаем, но что касается Александры, та ни на минуту не поверила этой версии гибели ее сына. В безумии ярости и горя она снова написала Клеопатре. Антонию, только что вернувшемуся в Сирию после не приведшего к определенным результатам дорогостоящего похода на парфян, пришлось выслушивать рассказ Клеопатры. В результате Ирода вызвали в Лаодикею (Латтакия на сирийском побережье) отчитаться о случившемся. Если встреча эта состоялась в 35 году, то, по всей вероятности, Клеопатра тоже была там. Но даже в этом случае дела обернулись не так, как надеялись они с Александрой. Антоний заявил, что не интересуется семейными скандалами

Иродова двора; внутренние дела подвластных царств, сказал он, его не касаются. Его голова была занята стратегическими планами войны с парфянами. В предыдущем году он потерпел дорого обошедшуюся ему неудачу и теперь в предстоящую кампанию намеревался двинуть на них более крупные силы. Поэтому границы должны быть в надежных руках. Он знал, что может положиться на Ирода. Мы не знаем, собирался ли царь отрицать убийство Аристобула или же оправдываться, ссылаясь на политическую необходимость, но Антоний вообще отказался выслушивать официальные обвинения. Напротив, в трибунале по судебным делам он пригласил Ирода сесть рядом и щедро его угощал (впоследствии Ирод отблагодарил за свой приятный визит, подарив городу Лаодикее новый водопровод). Но чтобы Клеопатра забыла об обиде, Антоний счел благоразумным посоветовать Ироду сделать ей еще один подарок. Так что дабы округлить прибрежные территории, отданные ей ранее, теперь она получила и полосу Газы. Если у Ирода после этого остался мало-мальски удобный выход к морю, мы не знаем, где он находился. Сам он сохранил жизнь и царство, но, похоже, полностью лишился выхода к морю.

* * *

Газа была портом Идумеи, и Клеопатре захотелось заполучить всю эту большую территорию. Она даже предприняла кое-какие шаги, склоняя правителя, Костобара, вступить с ней в изменническую переписку. Это был видный идумеянин, которому Ирод после осады Иерусалима двумя годами раньше доверил важное дело — ловить и уничтожать сторонников разбитых хасмонеев. Позднее его назначили правителем Идумеи, которая не только являлась родиной его самого и Ирода, но и поставляла значительную часть воинов. Но Костобар имел собственные огромные амбиции. Ему хотелось править независимой Идумеей, и он лелеял мысль, что, может быть, Клеопатра сочтет, что в ее интересах помочь ему осуществить это намерение. Его предки были жрецами языческого бога Котзе, небесного лучника, которому идумеи поклонялись до принудительного обращения в иудаизм в II веке до н.э. и Костобар, видимо, надеялся после достижения независимости вернуться к язычеству. Однако замысел сорвался: о нем пронюхал Ирод. Но царь действовал осмотрительно, обойдя вопрос молчанием и оставив Костобара в должности. Говорят, вмешались мать Ирода Кипра и сестра Саломея II. Но возможно, у Костобара было внушительное число

сторонников — вероятно, из числа недовольных тем, что идумеяне получили недостаточно теплых мест при дворе. А Ироду не хватало еще одной неприятности, и снова по наущению Клеопатры.

* * *

Кроме того, его триумфальное возвращение из Лаодикеи очень скоро омрачилось известием о прискорбных событиях дома во время его отсутствия. Уезжая, Ирод доверил управление страной некоему Иосифу 1, который приходился ему не только дядей, но и мужем его сестры Саломеи. Точный характер неприятностей, в которые был замешан этот правитель, остается неясным, так как историк Иосиф излагает рассказ, который впоследствии повторяет в связи с другой поездкой Ирода пять лет спустя, когда он оставлял вместо себя другого временного правителя. В обоих случаях, пишет Иосиф, Ирод поручал правителю, если он не вернется, убить свою жену Мариамну, и в обоих случаях правитель открывал ей, что получил такое ужасное поручение. Повторение событий представляется не правдоподобным, так что этот рассказ лучше отнести к более позднему случаю, последствия которого, как увидим, легче установить.

Но и во время отсутствия царя в 35 году его дядя, очевидно, так или иначе запятнал себя. Действительно ли Ирод, как утверждается, заподозрил его в чрезмерно близких отношениях с Мариамной, довольно сомнительно — но не так уж невероятно, поскольку царь был очень ревнив и подозрителен. Но даже без этого дополнения другой замысел его дяди и Мариамны, задуманный в его отсутствие, вполне мог внушать опасения. Когда Ирод вернулся, ему рассказали, что Иосиф, Мариамна и ее мать в его отсутствие одно время намеревались искать убежище в римском легионе; одно его подразделение все еще размещалось в Иерусалиме. Они задумали это по наущению Александры после ложного известия из Сирии о том, что Антоний якобы казнил Ирода, и отказались от своего намерения, лишь когда получили письмо царя, в котором сообщалось об успешных результатах встречи в Лаодикее.

Если рассказ об их намерениях соответствует истине, это было непростительным ударом по самолюбию Ирода. Ибо какие бы сомнения он ни испытывал относительно его приема в Лаодикее, узнать, что его собственная семья поверила сообщениям о полном провале его поездки, было абсолютно

недопустимым оскорблением. В результате дядюшку Иосифа казнили.

Донесла на него его супруга, сестра Ирода Саломея. При всех ее недостатках, а их хватало — в том числе излишняя любовь к сплетням, — она считала, часто ошибочно, своим долгом докладывать ему все, что имело к нему отношение. Что до Александры, Ирод, кажется, поверил и, возможно, не ошибся, что, если бы он погиб, она намеревалась передать Мариамну Антонию. Это, по его мнению, объясняло, почему она предложила вверить дочь римскому легиону. В результате его отношения с Мариамной стали ухудшаться. Александра, неоднократно уличенная в предательских связях с Клеопатрой, по-прежнему оставалась под серьезным подозрением.

* * *

Теперь Ироду требовалось лично встретиться с Клеопатрой и многое обсудить — и это когда его ненависть к ней, должно быть, достигла точки кипения. В 34 году Антоний снова настроился сразиться с парфянами, и Клеопатра сопровождала его от Египта до самого Евфрата по территории, большей частью состоящей из ее недавних приобретений. Потом, возвращаясь на юг через Сирию, она не преминула посетить Иудею, которую она так жаждала получить. Ее принимал Ирод. Впоследствии царь в своих воспоминаниях писал, что он намеревался ее убить, а друзья с большим трудом его отговорили. Он также утверждал, что она пыталась вступить с ним в интимную связь. Сомнительно, что оба эти утверждения соответствуют истине. Иудейский царь и египетская царица были прежде всего заинтересованы сохранить хорошие отношения с Антонием, и Ирод, безо всякого сомнения, не добился бы этого, убив Клеопатру, а та — соблазнив Ирода. Разумеется, если бы царица пошла на это и добилась успеха, то могла бы утверждать, что инициатива исходила от Ирода, и тем лишить его доверия Антония. В целом представляется более вероятным, что это утверждение Ирода преднамеренно искажало обстоятельства, при которых он сам был околдован ее вошедшими в историю прельстительными манерами.

А немного шарма было кстати, потому что разговоры касались вещей в высшей степени неприятных для Ирода. Разговор главным образом шел об отказе Ирода от своего последнего порта, Газы, о выплате аренды за собственные пальмовые и бальзамниковые рощи и о деньгах, которые он обязался собирать от ее имени с арабов. И все же, стремясь во что

бы то ни стало сохранить дружеское отношение Антония к нему и Клеопатре, Ирод достойно выдержал все, щедро одарил ненавистную ему царицу подарками и провожал ее до самого Пелузия, что у дельты Нила.

* * *

Ирод был счастлив избавиться от царицы, потому что внутренние неприятности, порождаемые все возрастающей враждебностью остававшихся хасмонейцев, далеко не закончились.

Не удовлетворившись новым огромным дворцом-замком Антонией в самом Иерусалиме, он посвятил последние несколько лет строительству еще одной крепости, Гиркании (Хирбет-Мирд). Она стратегически выгодно располагалась в голой, безлюдной, пустынной местности в 8 милях к юго-востоку от Иерусалима, в 11 милях к югу от Иерихона, рядом с Мертвым морем. Данное замку название подсказывает, что его строили или перестраивали в царствие Иоанна Гиркана I (134 — 104 до н.э.) В 50-х годах до н.э. его разрушили римляне, но теперь Ирод восстанавливал укрепление, добавлял неприступные фортификационные сооружения, рассчитывая, что оно будет играть главную роль в системе обороны.

Гиркания также приобрела дурную славу как место, где, до того как исчезнуть навсегда, томились пленники. Одной из них была потерпевшая крушение и казненная в 37-м (приблизительно) году особа царского дома Хасмонеев, сестра Антигона — золовка Александры II и тетка Мариамны. А в 33 году, поощряемая переживаемыми Иродом трудностями, эта княжна предприняла попытку мятежа. Это неослабевающее упорство, с каким Хасмонеи затевали мятеж за мятежом, свидетельствует о поддержке, которой они пользовались в стране, а также, возможно, о больших надеждах, возлагавшихся ими на Клеопатру. Но и этот мятеж подавили, и княжна лишилась жизни. Членов хасмонейского дома оставалось в живых все меньше и меньше.

* * *

Правда, в этот момент все взоры были обращены к римским событиям. В последние годы управление римским миром делили между собой Антоний и Октавиан, соответственно занимавшие

восточную и западную провинции (третий член триумвирата, Лепид, остался не у дел). Неустойчивое положение теперь подходило к концу, поскольку тот и другой из властелинов хотели править всей империей. Оба собирали друг против друга значительные армии и флоты, Октавиан в Италии, а Антоний напротив, вдоль побережья Греции. Было ясно, что приближается серьезная схватка.

Однако боевой дух огромных сил Антония был подорван — это касалось и морального состояния старших военачальников — из-за присутствия в его лагере иностранки — Клеопатры. До сих пор, как мы видели, Антоний не жаловал Клеопатре всего, что та желала, но теперь положение заметно менялось. Трудно сказать, стали ли его чувства к ней глубже. Но во всяком случае, были и практические соображения в пользу более тесного сотрудничества: он доверил ей строительство многих кораблей из леса, который она получала из своих новых сирийских владений. Эти корабли составляли важную часть флота Антония. Кроме того, он сильно зависел от египетских поставок продовольствия.

Вполне естественно, что в этот решающий момент и от зависимых правителей требовалось участие в военных усилиях Антония. Так что и Ирод поспешил выполнить свои обязанности. Набрав значительный хорошо оснащенный контингент, он уже готовился лично прибыть с ним к патрону, когда от Антония пришло сообщение, чтобы он повернул на арабов. Итак, не забыв послать денег и провизии, он, как было приказано, повернул и двинулся на арабов.

Затруднения с арабами возникли из-за земель, которые их вынудили уступить Клеопатре, включая богатый битумом участок Мертвого моря. Ирод, как помните, согласился взять на себя обязанность собирать доходы с этих земель и передавать их Клеопатре. Но теперь арабский царь Малх перестал выполнять свои обязательства по платежам, поэтому Антоний и приказал Ироду пойти походом на арабскую территорию и силой оружия собрать долги. За этим планом легко увидеть руку Клеопатры, поскольку она радовалась возможности держать Ирода подальше от лагеря Антония. Более того, чтобы получить должное, от Ирода требовалась победа, но Клеопатра, приняв особые меры предосторожности, чтобы победа не была решающей, направила войско с приказом помешать Ироду добиться слишком большого успеха.

Действия Антония, пославшего Ирода против Малха, посеяли семена будущих осложнений, ибо подрывали основу самой идеи государств — клиентов Рима, к категории которых принадлежали и Иудейское, и Арабское царства. Римляне не имели намерения

давать подобным государством возможность иметь собственную внешнюю политику, а о том, чтобы они воевали друг с другом, вообще не могло быть и речи. Верно, Ирод приступил к этим действиям исключительно по просьбе Антония. Однако такая акция, предпринятая лишь из-за того, что арабы заупрямились в денежных делах, полностью сводила на нет их статус клиента. Еще хуже, что приказ Антония напасть на арабов очень плохо сказался на психологии Ирода: тот возомнил, что свободен напасть на них, когда ему будет угодно; и впоследствии, как увидим, именно так он и поступал.

Во всяком случае, в то время как Антоний и Октавиан готовились к решающей морской битве при Акции у северо-западного побережья Греции, Ирод перешел Иордан и вторгся на арабскую территорию (31 г. до н.э.). Сперва он добился неплохого успеха у Диума, вероятно современного Телл-эль-Асхари на юго-западе Сирии, за Голанскими высотами. Но потом, продвигаясь дальше, потерпел поражение у Канафы в Авранитиде (Ауран). В этой скалистой, покрытой вулканическим базальтом местности, где арабской кавалерии было трудно развернуться, сражение началось благоприятно для Ирода. Однако он, очевидно, слишком поспешил с преследованием; хотя, когда случилась катастрофа, сам он объяснял ее непослушанием офицеров и вмешательством находившихся поблизости египетских войск. Ставка Ирода была захвачена, его самого вынудили отступить за Иордан и прибегнуть к тактике партизанской войны. Чтобы выиграть время, он послал к арабам делегацию для мирных переговоров. Кроме того, весной 31 года произошло серьезное землетрясение, унесшее жизни тысяч людей и уничтожившее бесчисленное множество скота. Иудейские войска, находившиеся на равнине, не пострадали, но арабы, думая, что те понесли большие потери, предали посланников Ирода смерти. Боевой дух иудеев пал, но Ироду удалось восстановить порядок. Затем он перешел Иордан и повел войска вверх по длинному ущелью к центру арабской провинции — Филадельфии, ныне Амману, столице Иорданского королевства. На холмистой равнине к югу от города Ирод одержал важную победу, и арабскому царю Малху в конце концов пришлось пойти на выполнение финансовых обязательств. Известно также, что он присвоил Ироду, который отчасти сам был арабом, почетный титул.

Однако передышка была недолгой, потому что вскоре в большом римском мире произошло эпохальное событие, не обошедшееся без бурных последствий для Иудейского царства, как и для всех зависимых государств и подвластной провинции: в битве при Акции Октавиан и его адмирал Агриппа одержали

решающую победу над флотом Антония (сентябрь 31 г. до н.э.).

Находившиеся в резерве корабли Клеопатры уклонились от боя, и она с Антонием бежала в Египет.

Часть вторая
ВЕЛИКАЯ ИУДЕЯ ИРОДА

Глава 6
УДАЧА С АВГУСТОМ. ТРАГЕДИИ ДОМА

Антоний с Клеопатрой утратили восточный мир, отныне вся Римская империя принадлежала Октавиану.

Арабы скоро продемонстрировали, что они правильно разбираются в событиях. Напав на часть кораблей Клеопатры, которые волоком перетаскивались через перешеек близ дельты Нила, на случай если царица решит бежать через Красное море, они их все уничтожили и тем самым удостоились доверия нового властелина мира Октавиана. Того же предстояло добиваться и Ироду — невероятно трудная задача, поскольку он был таким добрым приятелем Антония. Однако ему скоро подвернулся случай оказать победителю полезную услугу, придя на помощь римскому правителю Сирии, перешедшему на сторону Октавиана. По просьбе Антония из Малой Азии направлялся отряд гладиаторов для пополнения скудного гарнизона в Египте. Ирод помог правителю Сирии перехватить их и задержать. Затем он собрался предпринять неизбежную поездку к Октавиану, находившемуся на острове Родос. Поездка предстояла опасная, даже можно сказать — роковая, ибо Октавиан вполне мог припомнить ему старую службу Антонию. Поэтому до того как покинуть Иудею, Ирод подготовился ко всякой случайности.

Самое главное, решил он, принять меры, чтобы Октавиан не имел возможности назвать какого-либо альтернативного кандидата на иудейский трон. Со времени последней хасмонейской попытки мятежа прошло всего три года, да и глава дома Хасмонеев — Гиркан II, бывший царь, этнарх и первосвященник, которого Ирод вернул из ссылки в Вавилонии, — был все еще жив и находился в Иерусалиме. Однако Гиркана, которому теперь перевалило за шестьдесят, этого кроткого нечестолюбивого старика, иметь рядом с собой было небезопасно. Он являлся очевидным кандидатом на трон, пожелай кто-нибудь Ироду зла, к тому же его ни на минуту не оставляла его дочь Александра II. Она слишком хорошо знала об ухудшении отношений между Иродом и ее дочерью Мариамной. Кроме того, она вряд ли давала Гиркану забыть о том, что царь убил его внука — ее сына — Аристобула III. Ирод понимал, что подвергавшийся такому давлению Гиркан становился опасным, и потому предъявил улики, свидетельствующие о преступных связях старика с арабским царем Малхом. Арабский монарх послал Гиркану четырех коней и приветственное послание. Но, по

словам Ирода, за этим скрывалось нечто значительно более серьезное, поскольку Малх подготовил побег Гиркана вместе с многочисленными сторонниками на арабскую территорию; весь этот замысел, утверждал Ирод, выдал ему один из посредников. Эту версию, изложенную в его воспоминаниях, обычно считают не соответствующей истине. Но об этой не правде нельзя утверждать с уверенностью. Замысел, каким его описал Ирод, вполне мог созреть в голове его недруга — Александры, — и Гиркан вполне мог молчаливо согласиться с ним, как он соглашался со многим за свою долгую, богатую событиями жизнь.

Однако теперь его жизнь подошла к концу, поскольку Ирод, показав уличающие в преступлении письма, поддельные или подлинные, совету друзей и родственников — не историческому государственному совету, — приказал его задушить. Так кончил жизнь человек, который каким-то образом, правда не совсем охотно, играл главную роль в начале карьеры Ирода; человек, который, больше того, был единственным в своем роде историческим звеном, связавшим традиционное царственное первосвященство с величием освободителей-хасмонеев. Избавившись от Гиркана, Ирод мог ехать к Октавиану с более легким сердцем: ведь теперь не так просто найти кого-либо, кто мог бы заменить его на иудейском троне.

Тем не менее он тщательно продумал расстановку сил. Когда он последний раз уезжал на встречу с Антонием в Лаодикею, его жена Мариамна и особенно теща Александра создали серьезные неприятности, стоившие жизни его дяде и временному правителю Иосифу I. На сей раз Ирод принял чрезвычайные меры предосторожности, поместив обеих женщин в одну крепость, Александриум, у границы Иудеи и Самарии, но разлучив их с детьми Мариамны, которых, в свою очередь, послал в другую цитадель, Масаду, у южного края Мертвого моря. Их поручили заботам матери Ирода Кипры и его сестры Саломеи II. Таким образом, дети стали заложниками на случай, если Александра и Мариамна задумают затеять мятеж. Замок, куда их поместили, Александриум, передали под командование военачальника по имени Соэм — выходца из Итуреи, о котором мы еще услышим, — а Масада была поручена родному брату Ирода Ферору. Если бы пришло известие о смерти Ирода, Соэм должен был убить Александру и Мариамну, так что Ферор мог взять на себя руководство, не опасаясь вмешательства Хасмонеев, и идумейская династия таким образом осталась бы у власти. В конечном итоге наследниками стали бы сыновья Ирода от Мариамны, полуидумеи-полухасмонеи. Но Ирод считал, что Мариамна с матерью способны сразу после его смерти попытаться

осуществить государственный переворот, который повлек бы за собой уничтожение его брата, сестры и других родственников; чтобы этого не случилось, им были приняты меры и отданы Соэму приказания.

* * *

Итак, весной 30 года он отправился на Родос. Перспективы, по сути дела, оказались не такими мрачными, как он думал, потому что, за единственным и вполне понятным исключением Клеопатры, Октавиан благоразумно решил утвердить всех основных правителей — клиентов Антония. Однако перед тем как предстать перед победителем, Ирод решил поостеречься — снял с головы царскую корону. Он был предан Антонию, сказал Ирод, и теперь будет предан Октавиану. И добавил, что был лоялен к Антонию до самого конца (что не совсем соответствовало истине, потому что он поспешил перехватить гладиаторов, направлявшихся в подкрепление к Антонию, и был фактически списан со счета как союзник командующим сухопутными силами Антония сразу после Акции). Ирод также заявил, что постоянно советовал Антонию избавиться от Клеопатры. Он определенно испытывал желание дать ему такой совет, но вряд ли бы отважился на деле выразить его вслух. Во всяком случае, Октавиан счел выражение таких настроений вполне уместным особенно потому, что они были созвучны официальной интерпретации гражданской войны, согласно которой настоящим врагом являлась чужеземка Клеопатра.

Итак, поездка Ирода на Родос оказалась успешной. Октавиан был вполне справедливо убежден в полезности иудейского монарха. И он объявил о своем подтверждении царского сана Ирода, а впоследствии провел через Сенат официальное утверждение этого решения. Была лишь одна потеря, некий Алексас I из Лаодикеи. Когда Антоний с остатками флота вернулся в Египет, он послал Алексаса, считавшегося другом его и Клеопатры, к Ироду, чтобы уговорить его не переходить на сторону Октавиана. Однако Алексас не только не выполнил поручения, но и сам переметнулся на сторону победителя. Теперь, на Родосе, Ирод, ободренный приемом со стороны Октавиана, попросил о снисхождении к Алексасу. Но просьба осталась без удовлетворения, потому что римлянин еще раньше поклялся покончить с этим человеком по той причине, что Алексас старался во что бы то ни стало воспрепятствовать примирению Октавиана и Антония, когда такая возможность

существовала.

Однако это считалось всего лишь мелкой неприятностью; в более важных делах Ироду повезло на удивление больше. Более того, приближалось время, когда Ирод мог снова оказаться полезным. Октавиан собирался вот-вот двинуть войска на Египет, чтобы навсегда покончить с Антонием и Клеопатрой и затем аннексировать страну, превратив ее в богатый придаток Римской империи под своим личным управлением. Когда он высадился в Птолемаиде в Финикии, Ирод уже находился там с баснословными подарками, обильными запасами продовольствия и подготовленными для Октавиана и его соратников 150 апартаментами. Потом, когда римляне двинулись на Египет и достигли пустыни, Ирод снабжал их водой и даже вином.

Вскоре Антоний и Клеопатра покончили жизнь самоубийством. Ирод сопровождал Октавиана обратно в Антиохию с радостным сознанием, что пережил ненавистную царицу; а переживет он ее на 26 лет.

Далее, осенью 30 года вся территория, которой он лишился в ее пользу, снова стала принадлежать ему. К нему вернулись его драгоценные пальмовые и бальзамниковые рощи у Иерихона, он получил обратно береговую линию и даже приобрел на побережье некоторые города, которые перестали принадлежать Иудее с тех пор, как 33 года назад Помпей урезал ее территорию. Два из них были недалеко от Иерусалима — древние поселения филистимлян Иамния (Явне) и Азот (Ашдод). Иамнию, иудаизированную Хасмонеями, при римском господстве перестроили; впоследствии ей предстояло стать крупным центром иудейской учености. Азот в далеком прошлом был столицей филистимлян. Он граничил с территорией Аскалона, который один оставался свободным и независимым анклавом, несомненно пользующимся привилегиями из-за своих связей с семейством Ирода.

Октавиан также внес изменения в осуществленный Помпеем раздел территорий, вернув Иудее два города к востоку от Галилейского озера. Они входили в область, известную как Декаполис, Десятиградие, в основном соответствующую библейским областям Башан и Галаад в том месте, где сходятся современные границы Израиля, Иордании и Сирии. Помпей отторгнул эти десять городов от Иудеи и образовал из них самоуправляющийся союз. И теперь Октавиан оставил за восемью из них автономию под общим руководством правителя Сирии. Но два перешли во владение Ирода. Один из них Гиппос, ныне Сусита — в Израиле, но совсем близко от сирийской границы; расположен на восточном берегу Галилейского озера, его древние

стены возвышаются на краю высокого обрыва. Другим доставшимся Ироду городом из состава Декаполиса был Гадара, расположенный чуть дальше к югу на густо застроенном возвышенном плоскогорье. Гадару (ныне в крайнем северо-восточном углу Иордании) Помпей украсил новыми зданиями, дабы порадовать своего бывшего любимого раба, выходца из этих мест; но тот был не единственным влиятельным гадарянином, ибо город также дал поэта Мелеагра, поэта-философа Филодема и пользовался репутацией южных Афин. Такие города сохраняли свои гражданские учреждения и самоуправление, хотя и были не совсем свободны от вмешательства ближайшего провинциального наместника Ирода.

Его царство теперь расширилось почти до размеров, достигнутых еще при экспансионистских хасмонейских монархах. Такое поощрение иудеев было естественным следствием устранения Египта, но Октавиан, кроме того, считал это разумной и, по существу, абсолютно необходимой мерой укрепления имперской обороны. Ибо он понимал, что еще предстоит сводить счеты с Парфией, и видел в Ироде как раз такого политического реалиста и энергичного человека дела, весьма нужного в этом жизненно важном районе. К тому же присоединение к Иудейскому государству греческих и эллинизированных составных частей было вполне преднамеренным. Вливая неиудейский элемент, Октавиан хотел ослабить иудейский национализм коренной территории в надежде, что появится тип более или менее эллинизированного государства-клиента наподобие малоазиатских царств, в которых населением, тоже негреческим, можно будет управлять административными органами обычного греческого типа.

Что касается Ирода, Октавиан приготовил ему на сладкое четыре сотни галатов, служивших телохранителями Клеопатры. Подарок соответствовал времени и был весьма символичным, ибо с закатом Клеопатры Ирод становился самым важным неримлянином во всем Средиземноморье. Как и раньше, политика Ирода просто сводилась к сотрудничеству с великой западной державой, ибо он прекрасно понимал, что такое сотрудничество — единственное средство отстоять собственные национальные интересы. Хвалебные надписи свидетельствуют, что он с одобрением принял титул «филоромайос» — «приверженец Рима» — и добавлял к нему определение «филокайзар» — «поклонник Цезаря», ибо так звали преемника Цезаря Октавиана.

Как монарху-клиенту Ироду было присвоено официальное звание «друга и союзника римского народа». Но, как известно,

отношения Рима с такими союзниками определялись лично императором. Позднее историк Тацит с презрением писал о раболепии монархов-клиентов, отмечая со свойственной ему язвительностью, что «Рим даже царей сделал орудиями порабощения». Действительно, они не имели никаких договоров, гарантирующих стабильность их отношений с Римом; в их союзных отношениях не было ничего «двустороннего». Цари сидели на троне на условиях, зависевших от чужой милости, и могли лишиться трона по воле римского императора.

От них также требовалось в случае необходимости помогать Риму, а также пополнять его финансы. Но они все же обладали внутренней автономией; Ирод справедливо полагал, что под неизбежной сенью римского величия он мог, умело сотрудничая с державой-сюзереном, создать реально существующее Иудейское государство.

А пока что он миновал еще один очень опасный риф — стал таким же совершенно приемлемым для Октавиана, каким был для Антония. Так что три его возвращения в Иудею — после встречи с Октавианом на Родосе, при сопровождении его в Египет и на обратном пути в Антиохию — носили триумфальный характер. В Риме Ирод пользовался высочайшей благосклонностью; его владения расширились до огромных размеров. «Казалось, — размышлял Иосиф, — будто по милости Божьей чем больше была опасность, тем более блестящими были его успехи».

Однако, добавляет историк, его успехи также наводили ужас на тех, кто надеялся на противоположный результат. Особенно неприятная обстановка создалась для Ирода в собственном семейном кругу. Вряд ли добавило ему любви Мариамны и Александры убийство их ближайших родственников Аристобула III и Гиркана II. Александра, во всяком случае, никак не разделяла радости Ирода по поводу устранения Клеопатры. К тому же во время его пребывания на Родосе управлявший Александриумом Соэм рассказал Александре и Мариамне, что царь приказал ему убить их, если он не вернется. Вероятно, Соэм сомневался, что Ирод вернется живым; может быть, поэтому он допустил глупость и проговорился. Кроме того, Мариамна была очень красивой женщиной, и если она хотела выведать, что говорил ему Ирод, то тому было трудно перед ней устоять. Во всяком случае, слово вылетело, и легко представить себе их реакцию. Даже предположение, что Ирод отдал этот чудовищный приказ, потому что не мог вынести мысли, что его возлюбленная Мариамна достанется кому-то еще, вряд ли могло ее успокоить.

Последовал год очень трудных и неприязненных семейных отношений, и положение нисколько не улучшали постоянные

инсинуации сестры царя Саломеи (поддерживаемой его матерью) о заговорах против него его жены-хасмонейки и тещи. «Царские жены не терпели Саломею, ибо знали ее трудный характер и непостоянство — она бывала то врагом, то другом». Они, в свою очередь, ни на минуту не давали ей забывать о своем куда более низком происхождении. Мариамна, утверждает Иосиф, не могла забыть о его простом происхождении даже в его объятиях и терпела их, сжав зубы. Бен Сира, автор Екклесиаста, мог с полным правом восклицать: "Горче смерти женщина! " (Екк. 7, 26) и "Проклятие слушающему сплетни и россказни! " (перевод мой. — В. М.). Постепенно напряжение достигло своего апогея, и Иосиф излагает страшные подробности растущих подозрений Ирода, допросов и пыток свидетелей, завершившихся арестом Мариамны, ее заключением в крепость Антония и казнью, мучительными угрызениями совести самого Ирода и его неизлечимой болезнью.

Вся эта трагическая история стала предметом множества талмудистских легенд, а в наше время она взволновала шведского романиста Пера Лагерквиста, как до него тронула Вольтера. Муки Ирода изобразил и Байрон:

> *Она, делившая со мной корону, ушла навеки, Забрав с собой в могилу всю радость бытия.*
>
> *Я сам смахнул с родного стебля сей цветок, Чьи лепестки благоухали только для меня.*
>
> *А мне осталась горькая вина, что хуже ада, И сердце гложет безысходная печаль.*
>
> *Все эти муки, что грызут, не насыщаясь, Я заслужил сполна.*
>
> *Дж. Байрон. «Плач Ирода по Мариамне». (Перевод мой. — В. М.)*

Не может быть сомнений относительно душевных страданий царя. Но нашим единственным источником сведений является Иосиф, по происхождению отчасти хасмоней, и он излагает события в значительной степени с хасмонейской точки зрения; и ни в коей мере не бесспорно, что Мариамна, имея веские причины ненавидеть Ирода, была невиновна в государственной измене.

Во всяком случае, положение ее матери Александры теперь стало невыносимым, и она вряд ли могла надеяться уцелеть. В сущности, она, возможно, продержалась еще около года. В 28 году до н.э. все еще лежа больным в Самарии — страдая от нарывов на шее, или от нервного расстройства, или от того и другого, — царь обвинил ее в тайных сношениях с целью подрыва

их благонадежности с начальниками двух иерусалимских крепостей — новой крепости Ирода Антонии и старого хасмонейского дворца-замка Акры в Верхнем городе. Если обвинения были оправданными, с ее стороны это был шаг отчаяния, потому что оба начальника являлись старыми друзьями Ирода, а один из них, Ахиав, был его двоюродным братом. Но в целом это дело, похоже, соответствовало истине. Хасмоней при любом удобном случае неизменно затевали мятежи против идумеян, а болезнь Ирода как раз давала такую возможность. К тому же Александра, лишившаяся по злой воле Ирода сына, отца и дочери, должно быть, дошла до крайности. У нее самой могли быть собственные претензии на место монарха: хотя правящие иудейские царицы были редкостью, она вряд ли забыла, что одной из них, очень популярной среди широких слоев, была ее собственная бабка Александра Саломея. Тогда теща Ирода предпринимает первый шаг — убеждает начальников крепостей, что, поскольку Ирод вышел из строя, естественным регентом является она сама. Но они сообщили о ее подходах царю, который поспешил покончить с болезнями и отдал приказ о ее казни. Однако чистки этим не кончились, так как царь находился под впечатлением, что загнивание зашло слишком далеко. Его подозрения, похоже, были оправданными, ведь, когда диктаторы болеют, заговоры плодятся в изобилии. Так что последовали дальнейшие жертвы.

Одним из тех, кто не устоял на этот раз, и снова из-за предполагаемой хасмонейской угрозы, был соотечественник Ирода идумей Костобар. Он стал правителем их родной Идумей вскоре после победы Ирода в 37 году до н.э. Раньше Костобару повезло выйти сухим из воды. Это случилось, когда до Ирода дошло, что он сговаривался с Клеопатрой объявить Идумею независимой и вернуть ее в язычество, которого провинция насильственно лишилась незадолго до того. Одной из тех, кто вступился за него тогда, была сестра Ирода Саломея. Впоследствии, после казни ее мужа Иосифа I за злоупотребление доверием во время отсутствия царя, ее отдали в жены Костобару. Теперь же, в 28-м или 27-м — незадолго до гибели Александры, — на свет всплыл неизвестный ранее факт. За десять лет до того, после осады Иерусалима, Ирод назначил Костобара вылавливать в городе Хасмонеев и их сторонников. Но теперь царь обнаружил, что тот не довел дело до конца. Вместо этого он тайно уберег двух юношей — сыновей некоего Бабы, — которые на самом деле были членами хасмонейского рода. Если бы даже он спас им жизнь лишь исходя из личных соображений семейной дружбы — а этого, разумеется, мы не можем установить, — его

действия в случае обнаружения не могли не быть истолкованы как предательство.

Более того, Костобар совершил опасную ошибку, поссорившись с женой Саломеей. Она развелась с ним, хотя по иудейскому закону женщина не имела права на такой шаг, и теперь рассказала Ироду об оставшихся в живых хасмонейских юношах, добавив, что Костобар вместе с рядом других видных лиц готовит мятеж. У царя уже некоторое время были основания подозревать, что сыновья Бабы живы, и, когда Саломея раскрыла, где они находятся, их по его приказанию немедленно выследили и убили. Костобара, а также более значительных из его сообщников тоже казнили.

Неверность Костобара была чрезвычайно серьезным делом не только из-за вновь и вновь возникающего хасмонейского элемента — сыновья Бабы были последними, в роду не осталось ни одного мужчины, — но и из-за особого значения его вотчины — Идумеи. Это была родина Ирода, где он владел обширными землями и откуда черпал военные силы; и она протянулась вдоль самой чувствительной южной границы с ненадежными арабами.

Главный город Идумеи Хеврон, расположенный почти на краю горного хребта, проходившего посередине царства, господствовал над местностью, где плоскогорье переходит в пустыню. Место в высшей степени святейшее; его святость восходит к временам, задолго предшествовавшим появлению здесь пришедших с юга эдомитян, от которых ведут происхождение идумеяне. Теперь, когда неприятности, угрожавшие этой стороне, закончились, Ирод решил придать особое значение сему святому месту и в то же время подчеркнуть собственные узы этими святынями, задумав обширную программу строительства и пропаганды. Именно в Хеврон, согласно древним преданиям, пришел Авраам перед своим странствием в Египет; а еще говорили, что в пещерах Макпела в Хевроне похоронены Авраам, Сара, Исаак, Ребекка, Иаков и Лия. Здесь же Давид устроил свою столицу, до того как захватил Иерусалим. Вот здесь Ирод и воздвиг самый внушительный монумент. Древние гробницы к северо-западу от нынешнего города окружала высокая стена, большая часть которой все еще сохранилась как часть внешнего ограждения мусульманской мечети. Идеально подогнанные огромные каменные глыбы с чередующимися пилястрами, нишами и другими архитектурными тонкостями служат уникальным образцом удивительного сочетания массивности и утонченности, характерного для многочисленных сооружений, построенных Иродом по всему царству.

Вернувшись из Египта, Авраам разбил палатку в дубраве

Мамре в двух милях от Хеврона, где поставил алтарь Всевышнему. Здесь тоже находился древний памятник Аврааму, и Ирод также с размахом перестроил его, окружив массивной оградой. Из всех героев иудейской истории Авраам, должно быть, занимал особое место в душе Ирода, потому что патриарх являлся отцом многих народов, предком иудеев, арабов и идумеев, практически всех народов, которые имели отношение к происхождению Ирода и чьи распри так часто терзали его и препятствовали единству, которого он добивался.

* * *

И все же было ясно, что успех в этом деле и, в сущности, во всех других делах для Ирода и его Иудеи зависел исключительно от римлян. В Риме битва при Акции, хотя Ирод поддерживал не ту сторону, фактически спасла репутацию восточных правителей вроде него самого, потому что устранила стимулы и лишила смысла злобную антивосточную шумиху, которая в предыдущие напряженные годы порождалась в имперской столице. А если конкретнее, то битва вопреки первым ожиданиям укрепила личное положение Ирода. Поэтому он не замедлил присоединиться к всеобщим торжествам. Послал по-царски щедрый взнос на строительство Никополя, возводимого возле Акции в ознаменование победы. Но ее надо было отпраздновать и в Иерусалиме, и для этого в 28-м или 27 году Ирод учредил Акцийские игры, впоследствии проводившиеся каждые четыре года.

Игры включали скачки, театральные, музыкальные и атлетические состязания и борьбу диких зверей. Для этих представлений были быстро воздвигнуты три отдельных здания. Иродов ипподром находился в черте города, южнее храма, два других сооружения — за городскими стенами. Его театр располагался на гребне горы Ер-Рас в полумиле от Иерусалима, где на склоне сохранились его следы. Амфитеатр планировался где-то на равнине Рафаим, к западу от нынешней железнодорожной линии.

Эти нововведения были значительным и, по мнению многих иудеев, очень опасным шагом к эллинизации страны.

Правда, исповедующим их религию не обязательно запрещалось посещение театра. Иудейский автор Филон писал, что не видит возражений против того, чтобы смотреть представления. Что касается выступлений гладиаторов, впервые появившиеся в Иерусалиме, они были кошмарным италийским

обычаем, постепенно проникавшим в это время на эллинизированный Восток. Что думали иудеи о таких зрелищах, история умалчивает, хотя до нас дошло, что отдельные слои населения протестовали против звериных драк.

Но больше всего неприятностей приносили гимнастика и спортивная борьба. Занятия такого рода уже были предметом крупных политических споров во время войны Маккавеев (Хасмонеев) за национальную независимость. Ибо в их глазах они символизировали языческий эллинизм, искоренить который как раз и было целью восстания. Устройство насаждавшими эллинизм Селевкидами спортивной площадки у самого подножия иерусалимской цитадели восприняли с явным неодобрением.

В отличие от греков у иудеев совершенно отсутствовал вкус к занятиям спортом, и они с сожалением наблюдали, как, общаясь с греками в гимнасиях, их юноши в известной мере эллинизировались. Молодых иудеев видели расхаживающими в «срамных покрышках» (атлетических шапочках) и, возможно, больше ни в чем — еще одна серьезная причина для неодобрения, поскольку иудаизм далеко не разделял склонность эллинов к обнажению. Что хуже всего, атлеты невзлюбили обрезание, обычай (неизвестного происхождения), который, как Господь объявил Аврааму, является непременным требованием Завета, знамением приобщения народа к богоданной цели. После вавилонского пленения приверженность иудеев к обрезанию усилилась и обычай стал национальной чертой. Но к сожалению, обрезанные ученики гимнасиев, вероятно, смущались. Как нам известно из литературы, греки и римляне посмеивались над этим обычаем. В результате бывали случаи, когда молодые иудеи даже прибегали к операции, чтобы выглядеть необрезанными, и тем самым «отступали от святого завета» (1 Мак. 1, 15). Таковы были проблемы, которые Иродовы игры неизбежно снова выдвинули на передний план. Твердо решив включить атлетические состязания на греческий манер, все, что он мог сделать, чтобы избежать неприятностей, так это расположить театр и амфитеатр за городскими стенами в надежде хотя бы в малой степени смягчить ущемленные чувства иудеев. Однако другая серьезная проблема возникла в связи с самим строительством этих сооружений. Ирод хотел, чтобы они ни в чем не уступали всему построенному в средиземноморском мире. Но это, по греко-римским понятиям, означало щедрое использование скульптуры и рельефных украшений, что в нормальных условиях потребовало бы изображения людей и животных. Но вторая заповедь толковалась как полностью запрещающая что-либо подобное. «Не делай себе, — предписывала она, — кумира и никакого изображения

того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20, 4). Однако дальше следует: «Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь Бог твой, Бог ревнитель». В соответствии с широким толкованием первое поучение вводит второе, которое его уточняет и поясняет; согласно этому толкованию данная заповедь имела в виду запретить возведение изображений для поклонения, а не вообще предметно-изобразительное искусство. Такого мнения, очевидно, придерживался Соломон, украсивший свой храм быками и львами. Но более строгое толкование диктовало недопустимость никаких подобных изображений, ни людей, ни животных. Уничтожение идолов — важный побудительный мотив агрессивных войн Хасмонеев — и полное отсутствие на их монетах изображений зверей или людей, свидетельствуют, что они придерживались этого строгого толкования. Монеты Ирода также выдержаны в том же духе (за единственным исключением, о котором речь пойдет дальше). Поэтому ясно, что он не мог украшать свои сооружения распространенными повсюду скульптурами. Что в этом случае ему было делать?

Ему пришла простая мысль: украсить свои сооружения вместо скульптур трофеями. Религиозные авторитеты, которым они попались на глаза в новом театре, бурно выражали недовольство, утверждая, что это человеческие фигуры; возможно, ученые — низвергатели кумиров были близоруки. Ирод приказал снять и разобрать один из трофеев, чтобы убедились: это вовсе не статуя, а простой кусок дерева, увешанный щитами и оружием; над святыми отцами вдоволь посмеялись. Но они и тогда не были удовлетворены, ибо считали почитание оружия таким же предосудительным, как сооружение статуй. Им было бесполезно объяснять, что эти конкретные вооружения не предназначены для поклонения, потому что, как сообщается в одном из кумранских свитков, иудеи верили, что оружие и трофеи — действительно предметы поклонения язычников римлян. В том же отрывке упоминается о преклонении римлян перед военными знаменами, а позднее возникли серьезные беспорядки, когда Понтий Пилат ввел легионерские знамена в Иерусалиме.

Таковы были тревоги и недовольства, порожденные новыми сооружениями и играми. В результате накала чувств и страстей пытались даже убить царя прямо в помещении построенного им нечестивого театра. Но служба осведомителей раскрыла заговор как раз к тому моменту, когда он должен был входить в театр, и арестовала заговорщиков. Они встретили смерть с поднятой головой, заявив, что выступали во имя своей веры. Доносчика же схватила и растерзала толпа. Это обеспокоило Ирода, которому

стоило больших трудов выявить, кто стоял за этими насилиями; в конечном счете преступников нашли и казнили. После этого случая иудейское сопротивление на протяжении 20 лет в основном носило подпольный характер — вплоть до самого последнего периода царствования Ирода.

Глава 7
ИУДЕИ И НЕИУДЕИ

Раскрытый Иродом опасный заговор показал, что на жителей Иерусалима нельзя положиться. Ирод не мог обойтись без города, являвшегося национальным и религиозным центром. Но он мог постараться компенсировать эти нежелательные явления в другом месте, что он и сделал. С этой целью он ухватился за область, расположенную к северу от собственно Иудеи, а именно Самарию (Шомерон). Вспомним, что в 63 году до н.э. Помпей отделил эту территорию от иудейского княжества и включил ее в римскую провинцию Сирию. Правда, позднее римляне поставили молодого Ирода во главе Самарии, а впоследствии ее воссоединили с его царством.

Главным городом области стала древняя Самария, заметный город-крепость, красиво расположенный в горах Центральной Палестины, а именно на холме в окружении других гор, откуда открывается вид на равнины Шарона и Изреэля. По своему характеру более доступная Самария по сравнению с Иерусалимом, казалось бы, больше подходила для того, чтобы быть столицей. И действительно, почти за тысячелетие до этого, когда царство Соломона раскололось на два — Израильское и Иудейское, Самария, после смены двух городов, стала столицей северного Израильского царства, сохраняя главенство 200 лет, на протяжении которых цари Омри и Ахав строили свои «дворцы из слоновой кости». Потом в 721 году до н.э. город пал перед ассирийским царем Саргоном, уничтожившим Израильское Царство. 400 лет спустя, после смерти Александра Великого, в Самарии основали военную колонию македонцев, полностью уничтоженную Иоанном Гирканом I (ок. 108 г. до н.э.). Затем в 50-х годах римский правитель Габиний перестроил город, окружив стеной и дав ему свое имя.

Теперь же, в 27 году до н.э.

Ирод принялся за масштабную реконструкцию, наделив город не своим именем, а именем своего римского патрона. Как раз в это время Октавиан стал называть себя Августом — внушающим благоговение именем, символизирующим связь с новым порядком, известным нам как Римская империя или главенствующая власть. Август по-гречески — Себастос, и в результате Самария отныне должна была именоваться Себастией; эта местность, ныне на иорданской территории, оккупированной Израилем, по-прежнему называется Себастией. Она служила

коридором между греческими городами, расположенными к западу и к востоку от собственно иудейской территории. Но главные ворота были обращены на запад, откуда шло основное торговое движение.

К воротам с обеих сторон примыкали две башни, все еще существующие, а дальше круглые башни во множестве украшали стены окружностью в две с половиной мили, видимые от самого побережья. За стенами тянулись украшенные рядами колонн улицы, форум и базилика, а на восточном склоне среди оливковых деревьев можно разглядеть очертания стадиона. Но поскольку город закладывался в честь Августа, почетное место отводилось храму его и Рима имени. К храму, воздвигнутому на западном краю вершины на развалинах дворца Омри и Ахава и эллинского акрополя, по примеру других левантийских священных сооружений примыкал покоящийся на насыпной платформе передний двор. На платформе у подножия ведущих к храму ступеней стоял алтарь имперских божеств, статуи которых виднелись поблизости.

Такое святилище было немыслимо на иудейских землях, но Себастия — эллинизированное образование. Правда, значительную часть жителей, возможно половину, составляли самаритяне — неортодоксальные евреи, являвшиеся коренным населением, — но правящие круги, как и государственное устройство, были греческими (и как показали последующие события, никоим образом не просемитскими). Так что в этом греческом анклаве Ирод не встретил возражений против возведения храма, посвященного неиудейским божествам, Риму и Августу, почитавшимся совместно во всем греко-римском мире. Более строгие иудеи были шокированы, но Ирод настойчиво продолжал возводить храмы Риму и Августу в целом ряде неиудейских центров в различных частях царства и римских провинциях. Но самой блестящей демонстрацией этого имперского культа был храм в Себастии.

Плодородная земля славилась своими превосходными фруктами. Ирод провел из соседней долины обильное орошение и основал поблизости образцовое поселение, названное Пять Деревень (Пенте-Комаи, ныне Фондакумия). Кроме того, он наделил 6000 поселенцев, призывавшихся на военную службу, хорошими земельными участками. Новобранцы были приданы особой части, в которой половина личного состава, 1250 пеших и 250 конных воинов, были выходцами из этого поселения. Неудивительно, что иудеи называли Себастию «крепостью для владычества в Иудее».

Ирод действительно считал, что может положиться на

Самарию-Себастию, превратившуюся в базу для борьбы с Хасмонеями, снабжавшую его военным снаряжением и дававшую убежище его семье. А вскоре он связал себя с городом особыми узами, женившись на самаритянке. Он развелся с первой женой Дорис, казнил вторую — Мариамну и теперь женился на самаритянке Малфаке. Впоследствии этот брак стал самым значительным из всех его браков, потому что вновь родившиеся сыновья выжили и стали его наследниками. А в то время он послужил еще одним оскорблением чувств правоверных иудеев, поскольку самаритяне не относились к числу правоверных — как это наблюдается в отношении их немногих оставшихся в живых наследников и ныне. Но если смотреть под другим углом, этот брак Ирода был еще одним шагом к утверждению Самарии-Себастии как противовеса сомнительно благонадежному Иерусалиму.

Однако она была лишь одним из многочисленных оплотов Ирода. Пережитые им частые мятежи побудили его покрыть крепостями всю страну. Уже ранее упоминалось о его крепостях в Иерусалиме (Антония), Гиркании, Александриуме близ границы собственно Иудеи и Самарии, в Масаде у западного берега Мертвого моря. Кроме них существовали по меньшей мере четыре крепости. Одна из них господствовала над зимней столицей Иерихоном, в 15 милях к северо-востоку от Иерусалима. Возвышавшаяся над Иерихоном крепость, названная Кипрой, по имени матери Ирода, вероятно, была ей посмертным памятником. Ранее Иерихон охраняли две такие крепости, по обе стороны долины Вади-Килт, но Помпеи их разрушил. Теперь же на одной из них, расположенной на краю горы в местечке, ныне известном как Тель-эль-Акабе, проводились гигантские восстановительные работы. Ее гарнизон следил за дорогой Иерихон — Иерусалим; оттуда же далеко просматривались Мертвое море и голые безлюдные горы Моаб на другом берегу.

Эти горы теперь входили в Перею, провинцию, служившую Ироду восточной границей с арабами. И так же как Масада, Ореса и другие замки охраняли его южную границу с этим же государством — с целой системой фортификаций, ныне найденных в пустыне Негев, — две крепости, восстановленные в Перее, были предназначены защищать восточную границу. Одна, Махер (Мкаур), стояла в пустынной области к востоку от Мертвого моря, расположенная прямо к северу от непроходимого ущелья реки Арнон на открытой ветрам остроконечной вершине, высившейся над окружавшей ее со всех сторон суровой гористой местностью. Махер — одна из крепостей Александра Янная, но Ирод значительно расширил ее и превратил в самую укрепленную

свою крепость после Иерусалима. Здесь, уже после смерти Ирода, находился в заточении Иоанн Креститель, пока, пленив своими танцами другого Ирода (Антипу), Саломея III не получила для своей мстительной матери голову узника. Ниже оставшихся на вершине руин, известных как висячий дворец (Эль-Машнака), в скале выдолблена большая сводчатая камера, которая, вероятно, и была темницей Иоанна.

В той же провинции за Иорданом на северо-запад от Мертвого моря поднималась гора, на которой стояла вторая перейская крепость. Ныне это Эль-Хуббейса, а тогда крепость называлась Геродиум. Но название вносило путаницу, так как на другом берегу Мертвого моря в Джебель-Фуреидис в районе Текоа в семи милях к югу от Иерусалима находился большой, более известный Геродиум. Крепостью отмечено место, где Ирод, спасавшийся с семьей от парфян в 40 году до н.э. выиграл самую важную битву в своей жизни, отражая ожесточенную атаку враждебно настроенных иудеев. Но место было выбрано и по соображениям безопасности. Как и находившаяся в нескольких милях Гиркания и Антония в самой столице, этот западный Геродиум вряд ли мог отразить нападение внешнего врага: крепость эта была предназначена держать в покорности жителей Иерусалима и служила местом заточения непокорных. Впоследствии она стала местом захоронения самого Ирода, отдавшего ей предпочтение перед построенным в столице семейным мавзолеем.

Путешественник, направляющийся из Иерусалима в Вифлеем, если глядеть на юг, видит возвышающийся над окружающей территорией огромный темный конус этого Геродиума. Первоначально здесь бок о бок, как женская грудь, высились два конуса-близнеца, но Ирод отсек верхушку восточного и сделал выше, а также укрепил западный, где и воздвиг Геродиум. На вершине встала круглая крепость с четырьмя круглыми башнями, одна выше трех других — закругленный вариант крепости Антония. По окружности укрепления проходил коридор, внутри находились царские покои и купальни. С северной стороны все еще можно видеть большую каменную лестницу, а у подножия горы следы поселений и купальню с беседкой посередине; естественно, вокруг разросся парк. Вода подводилась от источника близ Вифлеема по сохранившемуся до сих пор акведуку, орошавшему окружающую местность и пополнявшему находящиеся под цитаделью резервуары с дождевой водой. Такие облицованные гидравлическим цементом резервуары были характерны для горных крепостей Ирода. Равным образом характерными были массивные каменные откосы или гласисы

(«скользкие скаты»), круто спускавшиеся от главной башни. И все крепости вне столицы располагались таким образом, чтобы можно принимать сигналы по крайней мере от одной из них, а в некоторых случаях между ними ставились сигнальные посты.

* * *

Еще одним средством укрепления безопасности были военные колонии. Одно из поселений конных воинов, основанное в Габе, в Западной Галилее, предположительно в современном Аль-Харитийе, находилось неподалеку от Бет-Шеарим в богатой Изреэльской долине. Другая военная колония располагалась на двух холмах поблизости от восточной границы, в Есевоне, раньше принадлежавшем арабам и, должно быть, отторгнутом от них Иродом. Впоследствии такой подход практиковался и дальше к северу. Самария-Себастия выставляла особую войсковую часть; другая ее половина поступала из нового прибрежного города Ирода — Кесарии, о котором речь пойдет дальше; со временем этот корпус стал располагаться там.

Войска Ирода были не очень велики из-за небольших размеров самой страны. Среди солдат было довольно много евреев из Иудеи, поскольку Ирод унаследовал от хасмонеев право набирать рекрутов и, вероятно, также перенял порядок, согласно которому земля раздавалась иудейским крестьянам за службу в армии. Военная помощь ожидалась особенно от жителей приграничных районов, которым также жаловали землю и различную степень местной автономии. Поскольку, однако, Ироду с большим трудом удавалось завоевать лояльность палестинских евреев, он набирал как можно больше рекрутов из осевших в Иудее евреев из других стран; они ему лучше подходили, благодаря отсутствию местных связей, которые могли заразить их бунтарскими настроениями. Особенно полезными были вавилонские евреи, и к концу царствия 500 конным лучникам из Вавилона на северо-востоке Ирод выделил постоянные поселения. Но царь также в значительной мере полагался на своих соотечественников из Идумеи: такая зависимость, должно быть, вызвала у него особое беспокойство, когда правителя этой территории Костобара заподозрили в предательстве. Идумеи уже в III веке до н.э. служили наемниками у Птолемеев в Египте, и их массовое обращение в дальнейшем в иудаизм дало в руки Хасмонеям военную силу, тем более ценную, что они были свободны от сектантских распрей. Неутолимая страсть к завоеваниям Александра Янная (умер в 76 г. до н.э.) требовала

вербовки наемников по всей Малой Азии, но и он также считал, что идумеи как нельзя лучше подходят для такой службы. При Ироде они приобретали еще более важное значение, потому что его род был идумейским и он мог, как правило, быть уверенным в поддержке своего народа. И действительно, в начале его карьеры и царствования именно идумеи служили ему главной опорой. Впоследствии их укрепленные поселения вдоль границы постоянно оставались в состоянии полумобилизации и составляли ядро основной наемной армии Ирода. Наряду с ними воевали греки, фракийцы, германцы и галаты, которых перевели к Ироду из гвардии Клеопатры.

После того как Ирод успешно разделался со своими основными внутренними врагами, римский легион в Иерусалиме, в казармах которого одно время, когда царь был в отъезде, думали укрыться его жена и мать, вывели из страны. Но вполне вероятно, что Ирод сохранил определенное число римских офицеров в качестве инструкторов. Более того, имена офицеров в его пеших и конных войсках в последние годы его царствования наводят на мысль, что они, возможно, были римлянами. Его главнокомандующий, кажется, тоже имел, римское имя — Волумний, и весьма вероятно, что он как римлянин был откомандирован на эту должность и, вероятно, дополнительно исполнял какие-то обязанности в Сирии. Однако трудно сказать, по какому образцу — римскому или греческому — формировалась армия Ирода.

* * *

Известно, однако, что гражданская жизнь была организована в значительной мере на греческий лад. Тон задали монеты, на которых прекратили выбивать надписи на двух языках, иврите и греческом, как это делали его предшественники-хасмонеи, и писали только на греческом: «Царь Ирод». Его имя, оказывается, тоже греческое, означает «геройский»; и в отличие от хасмонеев у него не было иудейского имени, либо он им не пользовался. Его братьям и сестрам дали иудейские имена, хотя имя Фасаила (Фазиль) среди арабов было более распространенным. Но его детей, за исключением названных в честь дядюшек и тетушек, также называли на греческий лад. Еще в 44 году до н.э. трое послов Гиркана носили греческие имена и лишь один иудейское; а в последние десять лет царствования Ирода единственным лицом из всего его окружения, носившим иудейское имя, был его двоюродный брат Ахиав.

Первые пять книг (Пятикнижие) из Септуагинты, ранней греческой версии Торы, появились у египетских евреев, живших там в III веке до н.э. Уже к 200 году до н.э. наблюдалось основательное смешение иудейских и греческих понятий. Многие иудеи одевались по греческой моде и придерживались соответствующего образа жизни, и не только богачи; даже в отдаленных селениях на скромных могильных камнях имелись греческие надписи. Из греческого языка иврит усваивал многие торговые термины, а сам он больше применялся в литературе, юриспруденции и в литургических целях. Языком менее образованного люда был арамейский, западное или северо-западное наречие, считавшееся официальным языком в персидском мире и ставшее lingua franca всего ближневосточного мира; его и сегодня можно услышать в селениях по соседству с Дамаском. Но и в арамейском каждое пятое слово было греческого происхождения.

Типичным представителем иудеев, насаждавших эллинизм, был род Товиев, местных властителей, прибывших из окрестностей Есевона в Перее и обладавших властью до и после 200 года до н.э. при правлении Птолемеев, а затем Селевкидов. Казалось, что Товии и их приверженцы могут эллинизировать традиционное иудейство до полного исчезновения. Но их замыслы неизменно встречали сопротивление подавляющего большинства еврейского населения, и это сопротивление стало главным лозунгом маккавейской, хасмонейской революции. Народ иудейский — это неверная жена, и любовники-язычники сбивали ее с пути праведного. Но Хасмонеи не были против эллинизма вообще; их главная цель — соблюдать Закон. В том-то и состояла еще одна из иронии истории — и их режим, начав как ярый поборник чистого иудаизма, вскоре стал приобретать характерные черты обычной греческой или эллинистической монархии.

Но они не прошли этот путь до конца, и теперь многое говорило о том, что Ирод намеревался пойти значительно дальше. Правда, он во многих случаях учитывал болезненную чувствительность иудаизма. Но не всегда следовал этому, и именно исключения западали в людскую память. Они выглядели, по словам Арнальдо Момильяно, «цепью грубых надругательств над законом со стороны вероломного новообращенца».

В 1970 году Наум Гольдман говорил, что «огромной опасностью, угрожающей современному еврейству, является его быстрое размывание». Во времена Ирода многие иудеи могли бы сказать то же самое. Чем больше они соприкасались с эллинизмом, тем сильнее нарастали подспудные тенденции к

партикуляризму, исключительности, порой прорываясь наружу. Нарастал экстремизм по отношению к неверным. Написанная в III веке до н.э. «Книга пророка Ионы» отличалась либеральным подходом и считалась с различиями между иудеями и неиудеями. И даже в Иродовы времена великий фарисей Гиллель, как и более позднее раввины, следовавшие его традиции, считал, что нет ничего невозможного в том, что и неверные могут быть праведниками. Однако многие писания, особенно найденные близ Мертвого моря свитки из кумранской библиотеки, содержат яростные нападки и отвергают малейшие контакты с этими «кичливыми язычниками». В Судный день их на выстрел не подпустят к Святому престолу. Даже тесно сотрудничавший с греко-римским миром Иосиф считал себя обязанным диктовать своим греческим писцам довольно язвительные замечания в адрес их соотечественников.

Царство Ирода, разумеется, никоим образом не было чисто иудейским. Оно включало чистых иудеев, неортодоксальных иудеев, таких, как самаритяне, новообращенных, как галилеяне и идумеи, и много других народов — греков, сирийцев и арабов, — которые не являлись иудеями ни в каком смысле этого слова. Это, как уже отмечалось, было именно тем, чего добивался Август, надеясь получить нечто вроде образцового эллинистического государства-клиента.

В неиудейских частях своей территории Ирод считал себя совсем свободным от иудейских условностей, позволив, например, воздвигнуть свою статую перед самым настоящим языческим храмом Зевса (Баалшамин) в Сиа на северо-востоке. Но что ему справедливо ставили в вину, так это проявлявшееся во всем предпочтение грекам, а не иудеям. Другая причина для беспокойства — это, должно быть, наводнение иудейской части территории ордами чужеземных переселенцев. Конечно, в отличие от вождей, насаждавших эллинизм в предыдущем столетии, Ирод не пытался силой навязывать эллинизм евреям, проживающим на иудейских землях. Тем не менее, как только смерть избавила иудеев от его тяжелой руки, вся подспудная ненависть к иноземцам выплеснулась конкретно на греков.

Суд Ирода по всем правовым терминам и по своей градации был греческим. Как и во всяком эллинском суде, в нем присутствовали его «родственники», люди, которые воспитывались вместе с его детьми (Syntrophoi), и четыре ранга «друзей», входивших в состав его главных советников. Его главный министр тоже носил греческий титул «управляющего делами царства», в котором сочеталась терминология греков и селевкидов и предполагалось особое касательство к финансам. На

протяжении большей части царствования Ирода эту должность занимал некто Птолемей. Достойно сожаления, что древние историки в погоне за драматическими событиями уделяли мало внимания лицам, занимавшимся серьезным делом, поэтому Птолемей остается довольно туманной личностью. Правда, известно, что Ирод даровал ему плантацию в Ароус (Арис), в горах, в 20 милях к югу от Себасты, так как до нас дошли сведения, что после смерти царя она была разграблена арабами. Известно также, что в той критической обстановке Птолемей был одним из тех, кто заявил о своей верности избранному Иродом царю.

По имени Птолемея нельзя судить, был ли он греком или иудеем. Но совершенно ясно, что в суде Ирода находились греки и эллинизированные уроженцы Востока. Упоминаются имена преподавателя риторики Иренея, а также Андромаха и Гемеллы (последний, возможно, римлянин), обучавших царских сыновей. Но самой выдающейся фигурой в его окружении был Николай Дамасский, грек или эллинизированный сириец, одаренный и прославленный литератор, второй сын двух состоятельных и занимавших видное место жителей своего города; отец занимал много важных постов и выполнял многочисленные дипломатические поручения. Так получилось, что мы больше знаем о его внешности, нежели о внешности самого Ирода, ибо, как пишут, Николай был высок ростом, худ и отличался не в меру багровым лицом. До нас дошли лишь отрывки его сочинений. Может быть, он не был литературным гением, но во всяком случае обладал разносторонними знаниями и несомненно талантом, так что, уцелей его труды, они стояли бы выше многих дошедших до нас трудов других авторов. Кроме музыкальных произведений, он писал трагедии и комедии, философские и антропологические очерки, написал автобиографию, биографию Августа и всемирную историю. Последняя представляет особый интерес, потому что была главным источником для работ Иосифа об этом периоде (см, главу 19).

Николай был секретарем Ирода в самом высоком смысле этого слова, его постоянным собеседником, которого царь ставил выше всех остальных друзей (его брат входил в тот же круг друзей). Нет никакого сомнения, что именно в честь Николая Ирод подарил его родному городу — Дамаску — новый гимнасий и театр.

Николай пришел к Ироду с неожиданной стороны — до этого он учил детей Клеопатры и Антония. После смерти его прежних хозяев он в возрасте 34 лет перешел на службу к Ироду, с которым, как видно, уже был знаком в течение десяти лет.

Однако влияние Николая достигло вершины лишь примерно к 20 году до н.э. когда Ирод попросил его давать ему уроки греческой философии и риторики. Сам царь практически не получил законченного образования. В детстве он посещал начальную школу, в десять лет его отослали для безопасности к арабскому двору. В детстве ему, должно быть, пришлось стать свидетелем многих ужасных событий, но в то же время он приобрел космополитические культурные пристрастия; несмотря на отрывочное образование, он, хотя и неосознанно, испытывал сильную тягу к эллинизму. Особый смысл приобретает посвящение ему Николаем своего труда об иноземных обычаях, ибо как советник он наверняка поощрял и формировал это увлечение.

В зрелые годы и позднее Николай сопровождал Ирода в его поездках, и тот поручал ему возглавлять трудные переговоры. Его положение в огромной мере упрочилось также благодаря тому, что он не только нравился Ироду, но и пользовался расположением самого Августа. Император познакомился с ним после битвы при Акции, скорее всего на Родосе, и ученый произвел на него впечатление. Он называл Николая своим товарищем — обращение, по существу приравнивавшееся к титулу, — и высоко ставил его в ряду друзей; очень высокая и красивая финиковая пальма, подаренная Николаем Августу в Риме, так и называлась «Николаевой пальмой». Более того, Николай пользовался влиянием и у замещавшего Августа Марка Агриппы, к которому он позднее обратился от имени попавшего в беду маленького городка Илион (Троя), где чуть не утонула жена Агриппы. Николай также успешно защищал перед Агриппой иудеев Малой Азии (см, главу 12), хотя сам и не был иудеем.

Николай придерживался великой традиции мыслящих в мировых масштабах греческих эрудитов и философов. Тем не менее, несмотря на свои связи с сильными римского мира, он мало бывал в столице. Более того, когда ему приходилось там бывать, он навлекал на себя критику из-за общения с простолюдинами, даже с рабами, вместо того чтобы составлять компанию аристократам. Он с удовольствием воспринимал такие обвинения; он был очень добрым, благожелательным человеком, и благодаря взаимодополняющим качествам они с Иродом, должно быть, представляли довольно любопытную пару. Николая также осуждали за то, что он не копил огромных богатств, даримых ему царем, а растрачивал их; говорили также, что его слава при дворе Ирода была незаслуженной. Чтобы утверждать такое, завистников более чем хватало. Однако и у нас есть причины для недовольства. Он был сверх меры верноподданным,

и вследствие этого наши сведения о царстве соответственно дошли в искаженном виде. Иосиф местами излишне неблагожелателен к Ироду, а местами слишком благосклонен: в последнем случае его источником почти всегда служат труды Николая.

Как и главный министр Птолемей, он состоял в новом царском совете, который Ирод обычно созывал, когда требовалось услышать мнение его членов. Старый иудейский государственный совет, более половины членов которого были казнены в 37 году до н.э. для таких целей не созывался, а сохранялся только для рассмотрения религиозных обычаев. Вместо него Ирод держал, то ли официально, то ли иначе, этот новый совет из друзей и родственников, тем самым следуя обычаю других эллинистических монархов, да и, по существу, самого Августа. Если Ироду требовалась поддержка судебного приговора, такого, как приговоры о казни Гиркана или Мариамны, это был орган, мнения или одобрения которого Ирод добивался.

Кроме всегда присутствовавших главных советников, остальной состав совета не отличался постоянством. Например, когда провозглашалось что-то очень важное или когда раскрывалась опасная попытка подстрекательства к мятежу, чтобы создать видимость широкого представительства, привлекалось дополнительное количество знатных людей.

Глава 8
ЩЕДРОСТЬ И ПЫШНОСТЬ

Политика, которую с помощью этих советников проводил Ирод, была смесью аристократизма, неукоснительной суровости и великодушной щедрости.

Подобно многим абсолютным властителям, он был убежденным сторонником прямого апеллирования «к народу». По важным случаям, вроде его торжественных возвращений после встреч с римскими вождями, чтобы приветствовать его, часто устраивали бурные народные встречи, которые не имели никакой конституционной значимости или силы, а просто собирались, не без подражания грекам, чтобы выслушать и одобрить волю правителя.

Подобным же образом лиц, виновных в участии в мятеже, включая и членов семьи Ирода, вытаскивали на враждебно настроенные народные судилища, не раз угрожали им расправой, до того как соизволит вмешаться царь. Иногда эти толпы разъяренных людей, как и другие подобные сборища, собирались чисто стихийно, но временами это были заседания официальных царских судов. Ибо Ирод, как до него Хасмонеи, конечно же создавал собственные суды. Иудейское представление, что царь не правомочен выступать в качестве судьи, начисто отвергалось, ибо отправление правосудия, как и законодательная деятельность, полностью находилось в его руках.

Когда в его семье случались неприятности и ее члены представали перед этими органами, Ирод ради популярности ссылался на иудейский Закон, не имевший отношения к тем законам, которые применялись судами. Суды, скорее всего, внешне действовали на основе греческих законов, унаследованных или позаимствованных у эллинистических царств, возможно несколько видоизмененных в соответствии с римской судебной практикой.

* * *

Для управления своими владениями Ирод также применил эллинскую систему. Вообще говоря, его администрация увековечила систему, бывшую в силе при Хасмонеях, которую они, в свою очередь, унаследовали от правивших до них Селевкидов и Птолемеев. Находившиеся под началом правителей

главных провинций — Галилеи, Идумеи, Самарии и Переи (Иудея не имела правителя) — десять или одиннадцать областных единиц в иудейских частях страны были известны под греческим названием топархии, тогда как неиудейские территории делились на области, называвшиеся другим эллинским именем — мериды. Эти неиудейские области отличались от Иудеи, потому что основывались на городах-государствах греческого типа, которых не существовало на иудейской территории.

Хотя Ирод был вынужден согласиться на предоставление этим городам-государствам известной автономии, само это понятие ему не импонировало. Иудейским городам дозволялось еще меньше самоуправления, а несколько прибрежных общин — Иоппия, Иамния и Азот — потеряли последние остатки независимости и были сведены до статуса всего лишь центров топархии. Структура страны все больше централизовалась и бюрократизировалась наподобие принятой в Птолемеевом Египте; престолонаследие не одобрялось.

Правительство тоже было подозрительным и суровым, безопасности уделялось самое большое внимание. Собрания, кроме созываемых властями, запрещались, и даже к обычным скоплениям нескольких лиц власти относились с опасениями. «Не разрешались никакие собрания граждан, — пишет Иосиф, — нельзя было ни ходить вместе, ни находиться вместе, за всеми передвижениями следили». В городах, да и на открытых дорогах полчища соглядатаев выслеживали любые сборища. Высившиеся повсюду огромные крепости с их страшной репутацией также лишний раз напоминали о том, что надо быть осторожнее. После смерти Ирода в темницах обнаружили множество заключенных на длительные сроки.

Такова была участь инакомыслящего меньшинства; разумеется, это не было временем, когда процветала оппозиция. Но с другой стороны, Ирод неоднократно проявлял необычайную щедрость по отношению к населению, если на него обрушивалась беда. Сокращение налогов в крайних случаях не считалось — то была обычная практика эллинистических и римских правительств. Но когда наступало по-настоящему тяжкое время, он действовал энергично, проявляя при этом безграничную щедрость. Такая необходимость возникла в 25 году до н.э. когда Иудея пострадала от череды жесточайших засух, которые могли вконец подкосить и без того не щедрую на дожди страну. В данном случае засуха, похоже, стояла без перерыва второй год. Всходов практически не было, запасы иссякли, а вскоре начались вспышки чумы.

Ирод справился с положением, выделив за свой счет

специальную рабочую силу и раздав огромное количество зерна. Зерно он закупил в Египте — дело трудное, но с правителем страны он дружил. Добрые отношения с римлянами пошли на пользу! Кроме того, он помог городам, находившимся за пределами его границ, послал семена жителям Сирии. Это, подчеркивает Иосиф, «принесло ему немалую прибыль». Семена, как правило, ссужались под 50 процентов! Но собственные подданные Ирода вряд ли были склонны возражать против высокой цены, которую приходилось платить за жизнь чужеземцам, к тому же прибыль шла на такую щедрую благотворительность в самой Иудее.

В заключение Иосиф отмечает, что все эти меры, понятно, добавили Ироду значительную долю популярности и порождали у людей вопрос, что это за человек, в котором уживались жестокая мстительность и невиданная щедрость. В другом месте историк вновь обращается к этой психологической проблеме и приходит к заключению, что Ирод вовсе не испытывал добрых чувств к своим подданным, а проявлял щедрость лишь из тщеславия — и во всяком случае щедрость эта имела неприятное звучание, так как средства на нее выколачивались жестокими методами. Последнее обвинение, увидим дальше, вообще-то не совсем справедливо. Менее ясным представляется вопрос о психологических мотивах его благотворительности. Легко таким путем, ставя под сомнение подлинные побуждения, отмахнуться от любых гуманных мер; благое дело остается неоспоримым фактом, и Ирод в данном случае был вполне милосердным правителем.

Иудеи, разумеется, имели богатые традиции заботы о бедных — между прочим, традиции эти значительно способствовали успешной благотворительной деятельности, позднее позволившей христианам утвердиться в Риме и других местах. Один из авторов Книги пророка Исайи, относящейся к V веку до н.э. возвестил о внимании Господа к угнетенным и притесненным (Исх. 61, 1, 3). 300 лет спустя автор Екклесиаста Бен Сира призывал людей обратить внимание на эту проблему, но был вынужден заключить, что пропасть между богатыми и бедными стала непреодолимой (Екк. 4, 1, 4). И в дальнейшем этот пессимизм, казалось, со временем становился все более оправданным. Отчасти виной тому известная двусмысленность позиции самих пользовавшихся влиянием фарисеев. В известном смысле они симпатизировали простым людям, потому что сами не были богаты и возлагали надежды на просвещение и согласие между людьми различных взглядов; по их инициативе проходили многие общественно важные решения, касавшиеся, например, защиты местных ремесел и сельского хозяйства. Противники даже обвиняли их в

потакании бедным. С другой стороны, они были невысокого мнения о всех несведущих в Законе, а сюда включались не только те, кто заблуждался, но и просто малограмотные низы. Как говорил цитируемый в Священном Писании фарисей: «Но этот народ невежда в Законе, проклят он» (Ин. 7, 49). (В английской Библии «народ» переводится как «толпа». — Прим, перев.) Слово, переведенное как «толпа» или «люди от земли», первоначально было оскорбительным и адресовалось лицам «несведущим в Законе», то есть «невеждам», думающим иначе, чем фарисеи, или ведущим себя как иноверцы (или, в более поздние годы, как назначенные Римом чиновники). Но то же слово также весьма охотно и в известной мере не без оснований толковалось как свидетельство бесчеловечности, жестокости.

Благотворительная деятельность Ирода, не обращавшего внимания на знание или незнание Закона, выглядела предпочтительнее вышеупомянутой позиции, и Иосиф свидетельствует, что она принесла ему популярность.

* * *

В данный момент он чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы взяться за проведение новой политики в религиозных делах. Этому предшествовал новый брак, на этот раз с женщиной, носившей то же имя, что и его любимая жена, казненная им в 29 году, — Мариамна. После того (согласно хронологическим расчетам, которые представляются вполне достоверными) он был по крайней мере еще раз женат, на самаритянке Малфаке. Не имеется свидетельств, что теперь, женившись на второй Мариамне, он развелся с Малфаке. В этом не было необходимости. Правда, отдельные теологи, и фарисеи, и монахи, выступали против многоженства. Но на деле никаких практических препятствий с религиозной стороны не было.

Новая невеста, Мариамна II, как и ее предшественницы и преемницы, несомненно, обладала поразительной внешностью, ибо Ироду нравились красивые женщины. Но за этим браком стояло нечто большее. Потому что вскоре последовало назначение ее отца, Симона II, первосвященником. Вспомним, что, когда Ирод впервые вступил на царство, его недуховное происхождение помешало ему стать первосвященником и он назначил на эту должность вавилонского иудея из старого священнического рода Ананеля. После короткого неудачного периода, когда первосвященником был юный шурин царя Аристобул III, впоследствии убитый Иродом, Ананель вернулся на

это место. Потом он умер — или, возможно, его попросили отречься, — и на его место назначили кого-то другого. Теперь этого другого, в свою очередь, сместили и отдали эту должность отцу новой жены Ирода Мариамны П.

Первосвященник, на которого пал выбор царя, был сыном некоего Боэтуса, которого путают со знаменитым теологом, носившим то же имя, — основателем саддукейской секты — боэтусеев. С этого времени Ирод (осуждаемый ортодоксами) время от времени смещал и назначал первосвященников, и так уж вышло, что почти все они долгое время были выходцами из рода Боэтуса или семейств, находившихся с ним в родственных связях. Это по существу монопольное положение, бросавшееся в глаза, и стало отличительной чертой нового порядка. "Горе мне, — восклицал не принимавший их иудей, — от дома Боэтусова! Горе мне от их дубинок! "

Покидавшие один за другим это место первосвященники продолжали пользоваться преимуществами этого высокого звания. Больше того, этот ореол распространялся на их семьи и других родственников. В результате члены этих семей, группировавшихся вокруг сановника, на которого в тот момент падал выбор царя, образовывали избранную, но постепенно растущую группу, обладавшую немалым влиянием. Непременной особенностью группы была преданность царю, который задумал таким путем распространить свою власть на значительные слои иудейской аристократии. Существенная часть фарисеев уже оказала ему по крайней мере пассивную поддержку, да и позицию монашеских групп, например ессеев, можно было характеризовать как повиновение. Но старая иудейская знать, саддукеи, до сих пор вела себя враждебно или уклончиво, поскольку их было очень много среди казненных Иродом после захвата Иерусалима 45 членов государственного совета, да и оставшиеся в живых были потрясены уничтожением великого множества хасмонеев. Теперь же, используя должность первосвященника, Ирод создавал новую, преданную ему саддукейскую аристократию; аристократию отчасти потомственную.

* * *

Занятый этими перестановками с целью заручиться поддержкой влиятельных иудейских кругов, Ирод находил время и для приятного занятия — возведения для себя достойного жилища в столице царства.

Расположенный на горном хребте высотой 2500 футов над

уровнем Средиземного моря и 3800 футов над Мертвым морем, образующим костяк Иудеи, Иерусалим господствовал над проходившим вдоль страны главным горным путем. Но все же его выдающиеся вперед треугольные отроги с долинами Кидрона к востоку и Хиннома к югу и западу сочетают такую доступность с известной долей рациональной изоляции; это скорее город, в котором предпочтительнее искать укрытие, нежели налаживать отсюда широкие связи. «Когда заезжий турист рассматривает Иерусалим, — замечает Вернер Келлер, — он почти физически ощущает его упорство, стойкость и несгибаемость».

В Иерусалиме уже находилось два царских дворца: хасмонейский (Акра) на возвышенности к западу от ограды храма и собственный замок Ирода, Антония, у северо-западной стены храма. Дворец Хасмонеев едва ли годился для жилья, во всяком случае Ирод не желал жить в их резиденции. Что до Антония, он построил этот дворец-крепость и сделал своей резиденцией, но его близкое соседство с храмом вызывало нежелательные замечания, а у царя, возможно, возникали неприятные ассоциации, связанные с его прискорбным браком с первой Мариамной. Был еще один недостаток практического свойства. С севера и запада дворец закрывали горы, и даже с юга обзор ограничивался возвышенностью позади долины Хиннома. А это означало невозможность прямой передачи сигналов из Антонии в другие крепости страны. Видимо, по этой причине царь решил построить новый дворец в совершенно другой части Иерусалима.

Он выбрал площадку на западной окраине Иерусалима, в Верхнем городе, там, где теперь находятся цитадель и Врата Яффы. Это место господствовало над западным отрогом, точно так же, как храм возвышался над восточным; отсюда можно было посылать сигналы на много миль во все другие крепости. Этот дворец-цитадель, строительство которого началось в 23 году до н.э. должен был дважды превышать размеры Антонии, стать целым городом, застроенным всякого рода зданиями. Его окружала стена высотой 45 футов. Северо-западная и западная стороны этой стены составляли часть городской стены и были в этом месте отмечены тремя примыкающими башнями, носившими имена Гиппия (погибшего в бою друга юности Ирода), Фасаила (покойного брата царя) и Мариамны (вероятно, его нынешней жены — хотя, должно быть, могла легко прийти не ко времени на память ее предшественница). Башня Гиппия, контролировавшая подземный доступ к новому акведуку, снабжавшему водой дворец, стояла поблизости от существующих Врат Яффы. Башня Фасаила выросла там, где теперь высится большая северо-восточная башня цитадели, башня Давида, и в

ней до довольно высокого уровня сохранилась каменная кладка башни Ирода. Башня Мариамны находилась в северо-восточном углу. Стюарт Пероун пишет:

> *"Эти башни стояли на уступе в 30 футов и сами имели высоту 128, 125 и 72 фута. Они были квадратными и стояли на основаниях из массивных кубов, выточенных из огромных камней и подогнанных так искусно, что казались одной монолитной глыбой. Башня Гиппия была 45 квадратных футов в основании, Фасаила — 60, а Мариамны только 35. Вершины были значительно меньше в размерах. Непосредственно над основанием башни Гиппия находился водоем 35 футов глубиной для хранения дождевой воды, а за ним двухэтажное здание, увенчанное парапетом с бойницами. Башня Фасаила была аналогичной конструкции, нижний этаж составлял крытую галерею, а на втором были купальня и прочие изысканные апартаменты. Она была настолько великолепна, утверждает Иосиф, что выглядела как знаменитый Фаросский маяк в Александрии, только больше размером. (О том, что Фарос был квадратной башней в несколько этажей, нам теперь известно по ее изображениям на мозаиках в Герасе (Иераш).) Башня Мариамны, названная женским именем, была меньшего размера, но пышнее и разнообразнее обставлена.*
>
> *Южнее башен находился главный дворец с двумя большими покоями, названными в честь Августа и Марка Агриппы. Кроме них было множество других помещений, некоторые так велики, что в них можно было одновременно уложить спать сотню гостей. Стены инкрустированы редкими дорогими видами мрамора, потолочные балки необычной ширины и богато украшенные, вероятно, привезены из Ливана. Глаз радовали изысканные картины и скульптуры, а вещи домашнего обихода изготовлены из золота и серебра. Снаружи ряд галерей, украшенных удивительной резьбы колоннами, в окружении зеленых лужаек и рощиц, орошаемых из глубоких каналов и прудов, которые пополнялись освежающими струями бронзовых фонтанов".*

Выше водоемов, продолжает он, располагались голубятни с домашними голубями. Размещавшиеся посреди этого огромного парка, вызывавшего в памяти дворцы эллинов, голубятни находились примерно на месте нынешних полицейских казарм

или Армянского сада. Голуби играли роль курьеров и представляли часть Иродовой системы связи. Одомашнивание этих птиц восходит ко временам Древнего Египта, но Ирод унаследовал эту практику от идумейского города Мариссы, где до разрушения его парфянами в 90 году до н.э. их во множестве разводили как священных птиц в пещерах в честь Атаргатис-Танит, языческой богини, отождествлявшейся с Афродитой. Если говорить о более прозаичных вещах, то птичий помет использовался в качестве удобрения. Раввины того времени, в других отношениях довольно сдержанно относившиеся к постройкам Ирода, по крайней мере благожелательно относились к разведению этого вида голубей.

* * *

В 17 милях к северо-востоку от Иерусалима — 23 мили круто спускавшейся дороги — лежит Иерихон, «самая глубокая дыра в мире». Этот оазис финиковых пальм и бальзамниковых деревьев, по словам Иосифа, «в изобилии обладал самыми редкими и вызывавшими восхищение вещами»; и именно здесь Ирод устроил свою зимнюю столицу и резиденцию — в том месте, где на иерихонскую равнину в двух милях к югу от давшего ей имя ветхозаветного города с шумом вырывается из расщелины Долины Призрака Смерти (названной так из-за царившего там глубокого мрака) поток Вади-Килт.

Охраняемый громадной крепостью Кипры, дворец Ирода, как и дворец в Иерусалиме, включал апартаменты в честь Августа и Агриппы. Рядом с этим местом во время раскопок обнаружили площадку длиной 200 футов с расположенным посередине полукруглым садом с причудливо изрезанным декоративным водоемом (не тот ли это пруд, где, по указанию Ирода, держали под водой юного первосвященника Аристобула III, пока тот не захлебнулся?). Вокруг были другие изящные сооружения. В большинстве случаев при строительстве широко использовался камень, но поскольку поблизости от Иерихона камня не было, то здесь стены выкладывались из ромбовидных кирпичей (opus reticulatum), характерных для построек периода Августа в Италии. Как писал Дж. С. Келсоу: «Все в этом административном центре сразу вызывает в памяти Рим или Помпею. Можно сказать, что этот новозаветный Иерихон — частица Рима времен Августа, чудом перенесенная на волшебном ковре с берегов Тибра на берега Вади-Килт».

Неподалеку был обнаружен второй комплекс зданий

площадью 79 на 43 ярда, видимо вмещавший совершенный гимнасий и палестру с причудливыми купальнями. Ромбовидных кирпичей здесь не видно, но нельзя исключить, что этот комплекс, как и другой, относится ко времени Иродова царства, хотя, возможно, к другому его периоду. В Иерихоне также были ипподром, театр или амфитеатр, возможно, и тот и другой; Иосиф утверждает, что были оба, но он мог ошибаться.

Выбор места для Иродова Иерихона, несомненно, в значительной мере определялся тем, что Долина Призрака Смерти исключительно богата источниками. Три из них и еще два неподалеку, направленные в акведуки, обеспечивали в изобилии водой новый город, парк и плантации оазиса. В 12 милях к северу Ирод в память своего брата Фасаила основал сельскохозяйственное поселение и образцовую ферму; именно здесь выращивали финиковые пальмы, названные именем Николая Дамасского. Это местечко до сих пор называется Фасаил — практически единственный сохранившийся словесный след Ирода и его семьи.

Но Ирод отнюдь не довольствовался дворцами в Иерусалиме и Иерихоне. Из провинций оставались еще Галилея, Перея и Идумея; во всех он построил себе резиденции. В Галилее он избрал для этого главный город Сепфорис (Зиппори), захваченный им в снежную вьюгу во время первого завоевания страны. В Перее, за Иорданом, он построил жилые покои в Вифарамфте (Бет-Харам, Ер-Раме) в шести милях к северу от Мертвого моря. На другом, идумейском, краю моря в одном самом унылом и суровом месте, на вершине горы Масада, он воздвиг два дворца. «На всей земле, — пишет об этом заброшенном местечке близ Мертвого моря исследователь Палестины географ Джордж Адам Смит, — наверняка нет другого места, где Природа и История объединились в таком ужасном заговоре, где такая страшная трагедия нашла себе такую ужасную сцену». Для современных израильтян Масада — место паломничества в память сопротивления римлянам во время Первого иудейского восстания или Первой римской войны (см, главу 17). Но более чем за 100 лет до нее эта огромная, похожая на опрокинутую лодку скала в 40 году до н.э. когда парфяне хлынули в страну, стала убежищем семье Ирода, а сам он поспешил в Рим за поддержкой и впоследствии построил здесь две резиденции. Но эти ассоциации не вполне объясняют его выбор: что-то в его собственном характере подсказало это место, так нарочито удаленное от людей, окруженное таким фантастически безжизненным ландшафтом, какой едва ли можно передать на фотографии.

Как и другие избранные Иродом обиталища, Масада служила и крепостью, и дворцом; перестроенная им стена, протянувшаяся на целую милю по обрывистому краю горы, была 20 футов высотой, 12 футов толщиной и перемежалась не менее чем 38 башнями, каждая высотой 70 футов и более. Больший из его двух масадских дворцов площадью 36 000 квадратных футов находился на западной оконечности плато. Многочисленные важные находки, обнаруженные во время недавних раскопок, включали тронный зал, а также вестибюль с мозаичным полом; это, пожалуй, самая ранняя из найденных в стране цветных мозаик. В ее узорах тщательно избегаются фигуры людей и животных, что могло бы считаться нарушением второй заповеди. Другие весьма изящные мозаики обнаружили в купальне и коридоре. Увидела свет и кухня — с громадными плитами и кладовыми, достаточно большими, чтобы обеспечить обитателям дворца автономное существование. «Во времена Ирода, — пишет Игель Ядин, — в этих кладовых хранились более дорогие и изысканные вещи, чем в общественных кладовых Масады. Об этом свидетельствуют найденные нами разбросанные повсюду осколки сотен таких изящных сосудов, как флаконы и кувшинчики для косметических масел».

Однако куда более необычным был второй дворец Ирода в Масаде, стоявший на узкой северной оконечности вершины той же горы и, по существу, выдававшийся за ее пределы, нависая над пропастью на расположенных одна над другой трех террасах, поддерживаемых массивными стенами высотой 80 футов. Нижняя терраса, вмещавшая комнаты, купальни и расписные колоннады с пилястрами, главным образом предназначалась для того, чтобы любоваться угрюмым, пугающим пейзажем. Этой же цели служила и средняя терраса, включавшая декоративное сооружение. Верхняя терраса служила жильем для Ирода и его ближайшего окружения (остальные располагались в других местах на горе). Четыре жилые комнаты украшали росписи и мозаика; на северной оконечности с большой полукруглой галереи на три стороны света открывался потрясающий вид.

Позади этого северного дворца находилась большая крытая купальня — еще один сюрприз в этом безводном районе, — наполнявшаяся из рядов огромных резервуаров для сбора дождевой воды и в редких случаях паводковых вод двух горных ручьев. Резервуары находились неподалеку от северного дворца. Но главные соображения, по которым царь решил удивить своих инженеров и архитекторов такой поразительной задачей, были связаны с климатом. «Северный край скалы Масада, — пишет Ядин, — особенно средняя и нижняя террасы, — единственное

место в Масаде, вдвойне защищенное большую часть дневного времени: от солнца — здесь всегда приятная прохлада, и от южного ветра — скалистые стены обеих террас преграждают ветер, здесь всегда тихо. Только у Ирода, необычно способного строителя, мог родиться план создать для себя на этом месте трехъярусный дворец-виллу».

Итак, в дополнение к дворцам в Иудее, Галилее и Перее Ирод построил себе эти удивительные жилища в своей родной Идумее. У него также были дворцы в областях, вообще не принадлежавших его царству. Один находился в Аскалоне — естественном порте Идумеи. Расположенный в плодородном, хорошо орошаемом прибрежном оазисе между двумя грядами окаменелых дюн, огражденный полукругом скал, завершавшимся крепостными стенами, этот небольшой город-государство оставался свободным анклавом внутри царства Ирода. Он мог, если бы захотел, включить город в свои владения, но предпочел не делать этого; благодаря связям с царской семьей город пользовался привилегированным положением. Иродов дворец в Аскалоне еще не обнаружен, но известно, что царь украсил его купальнями, фонтанами и колоннадами. Часть одной такой колоннады, Колонного зала, ведущей к зданию сената, можно видеть сегодня в раскопках Иродова здания на углу муниципального парка.

Позднее один из правителей Сирии подарил ему дворец в столице — Антиохии — несомненно, в благодарность за щедро одариваемые Иродом сирийские и финикийские города (см, главу 14).

Глава 9
ЭКСПАНСИЯ ЗА ИОРДАН

Подарки, которыми Ирод обменивался с населенными пунктами Сирии и Финикии, свидетельствуют о том, что ему постоянно приходилось уделять своим северным границам внимание; именно в этом направлении он обратил свой взгляд в 23 году до н.э. Его ближайшими соседями на северо-востоке были итурейцы. Обосновавшийся на хребтах Ливана и Антиливана и в лежащей между ними долине Бекаа, этот народ также владел территорией, простиравшейся до берегов Галилейского озера и еще дальше на восток, по другую сторону верховьев Иордана. Итурейцы — неуправляемое племя арабов, искусные лучники, склонные к разбою. Однако всего за столетие до того эллинизированный основатель их династии организовал нечто, более или менее похожее на государство со столицей в Халкиде (?) ниже Ливана (ранее Герры) и важным религиозным центром в Гелиополе — городе Солнца (Баальбек).

Сына основателя династии утвердили в княжеском звании Помпеем, но позднее он причинил Ироду много неприятностей, поскольку являлся зятем врага Ирода — Антигона и в 42 — 41 годах до н.э. укрывал его на своей территории, давая ему плацдарм для возвращения в Иудею в качестве ставленника врагов римлян — парфян. Следующий «тетрарх и верховный жрец», как назывались эти правители на монетах, тоже считался сторонником парфян и стал одной из жертв Клеопатры. Но его сыну Зенодору, как и Ироду, удалось ценой арендной платы вернуть по крайней мере часть территории предков. Впоследствии, как и Ирода, его утвердил в княжении Август.

Однако теперь неприятности ожидали Зенодора. От разбоя его итурейцев больше всего страдал богатый торговый сосед — Дамаск, и правители города слали многочисленные жалобы наместникам Сирии. Можно предположить, что советник Ирода Николай, сам выходец из Дамаска, поддержал их протесты. В конце концов в 23 году до н.э. Август приказал радикально урезать владения Зенодора. У него отняли всю их южную и юго-восточную часть и передали Ироду.

Эта обширная территория ныне принадлежит Сирии, образуя ее южную оконечность к востоку от Голанских высот. В античные времена она делилась на три области — равнинную Батанею и более отдаленные горные Трахонитиду и Авранитиду. Древние авторы думали, что носившие эти названия географические

единицы были очень разными по размеру и находились в удаленных друг от друга местах. Однако Батанея, можно сказать, соответствовала части библейского Башана и представляла собой безлесную, но богатую скотом равнину (Ен-Нукра между Леей и Галаадом). Трахонитида — это современные Лея и Сафа к юго-востоку от Дамаска, беспорядочный лабиринт глубоких ущелий и вулканических кряжей. «Он образует идеальное убежище для тех, кто не в ладах с законом, — отмечает А. Г. М. Джоунс. — Вторгшимся войскам приходится двигаться вслепую: здесь не найдешь господствующих высот, откуда можно сделать обзор местности». Цель передачи этой территории Ироду, утверждает Иосиф, — дать ему возможность очистить ее от банд разбойников, как представляло правительство, хотя придерживавшиеся других политических взглядов, возможно, считали их скорее партизанскими отрядами. Их убежищами были практически недоступные пещеры.

Третью пожалованную Ироду область, Авранитиду, следует отождествлять с горами вулканического происхождения к юго-востоку от Трахонитиды, до сих пор называемыми Джебель-Хауран. Сегодня второе их название (Джебель-Друз) напоминает, что это родина традиционно не признающих власти друзов; это место всегда служило удобным убежищем для находившихся в бегах. Столицу Авранитиды Канафу признал городом Помпеи, и как раз поблизости, в Сиа, Ирод построил или перестроил храм Баалшамин, украсив его двор собственной статуей.

* * *

Однако из-за аннексии Авранитиды снова стали весьма напряженными отношения Ирода с его арабскими (набатейскими) соседями. Прошло лишь восемь лет после тяжелой войны Ирода с этими арабами, которую иудеи выиграли с огромным трудом. После битвы при Акции арабы, как и Ирод, поспешили снискать расположение Октавиана. Но вскоре умер их царь, Малх; согласно одной версии, к этому приложила руку Клеопатра — одно из ее последних деяний. Его преемник, Обод (Абуд) III, — старый, тяжелый на подъем человек, полностью находившийся под влиянием умного молодого красавца — главного министра Силлея (Шуллея), который отныне начинает играть важную роль в повествовании об Ироде.

Мы не вполне уверены, что означает титул, дарованный арабами Ироду по окончании войны. Если, однако, он считал, что титул давал право вмешиваться в дела их царства, то, должно

быть, Силлей скоро разочаровал его, ибо он не меньше Ирода стремился превратить свое царство в важную государственную единицу. Но и Силлею, в свою очередь, приходилось считаться с неотступным вниманием Августа, страстно желавшего, чтобы арабы более старательно играли отведенную им роль царства-клиента, и, видимо, в противном случае готового включить его в состав империи, Во всяком случае, было неприятно слышать, что он может либо иметь с ними дело как с богатыми друзьями, либо победить их как богатых врагов.

Более того, Август имел виды на южную часть Аравии с богатым царством Арабия Фелих («Счастливая Аравия») с центром в Эвдамоне (Аден, ныне в Южном Йемене), которое, пользуясь весьма выгодным монопольным обладанием Баб-эль-Мандебским проливом, контролировало торговый путь между Египтом и Индией. В 25 году в этот район отправилась экспедиция под командованием Элия Галла, наместника Августа в Египте. Ироду и Силлею приказали выделить войска, и они соответственно послали 500 и 1000 человек, а Силлею также поручили организовать перевозки и консультировать в отношении маршрута. Это ставило его перед серьезной дилеммой. С одной стороны, он был вынужден угождать Риму, в то же время полное овладение Римом Южной Аравии означало бы для Силлея утрату своего положения торгового посредника.

Получилось так, что его репутация у римлян оказалась под угрозой из-за того, что экспедиционные силы надолго пропали в пустынных пространствах, где на протяжении бесконечного похода терпели ужасные лишения. Но всем удалось избежать позора, потому что, в конечном счете, под впечатлением такого доставшегося дорогой ценой результата усилий римлян южноаравийское царство официально приняло дружбу римского народа. Можно сказать, формально оно становилось царством-клиентом — на их монетах появилось изображение лица, напоминавшего Августа. Но оно, можно сказать, относилось к весьма неопределенному разряду самых удаленных государств с минимумом обязательств. Однако, по крайней мере, оно, вероятно, согласилось поступиться монополией на пролив.

Хотя спустя 20 лет Силлея обвиняли в измене в связи с этим делом, в тот момент ему удалось уцелеть и избежать немилости. Общепризнано, что он не уберег армию от ненадежных и, возможно, продажных проводников, которые завели ее не туда, но, быть может, виноват был не он, а римляне: возможно, вопреки советам и разведывательным данным они настояли на том, чтобы большую часть пути проделать не по морю, а по суше. Во всяком случае, Силлей мог утверждать, что главная цель достигнута; в то

же время своим сообщникам доверительно говорить, что удалось избежать римского окружения.

Неизвестно, каким было отношение к этим событиям Ирода — кроме естественной озабоченности судьбой принимавших участие в экспедиции собственных войск. Но очень скоро стало ясно, что напряженные отношения между иудеями и арабами, приведшие к войне 32 — 31 годов до н.э. отнюдь не ослабли, более того, снова обострились. Однако это совсем не отвечало намерениям Силлея. Приблизительно в 25 году он нанес дипломатический визит в Иерусалим, несомненно в связи с урегулированием многочисленных общих для обоих царств финансовых вопросов. Пока он там гостил, сестра Ирода влюбилась в блестящего молодого арабского правителя. До этого времени ее супружества заканчивались катастрофически — первых двух мужей казнил ее брат: первого, Иосифа II, за подозрительное поведение, когда тот замещал Ирода в его отсутствие, а второго, Костобара, после того как она развелась с ним, а затем сообщила царю о его государственной измене.

И вот теперь она обратила внимание на Силлея. Нам неизвестно, насколько он был осведомлен о ее любопытной репутации. Во всяком случае, он, кажется, ответил взаимностью или по крайней мере увидел в таком браке открывающиеся перед ним блестящие возможности. Так что через несколько месяцев он снова приехал в Иерусалим просить у Ирода ее руки. Но здесь возникла трудность. Ирод напомнил просителю руки, что он, Ирод, и его идумейский род принадлежат к иудейской вере и что каждый вступающий в их семью тоже должен сделать обрезание и стать иудеем. Силлей ответил, что для него это никак невозможно, так как соотечественники забросают его до смерти камнями. Ирод заявил, что в таком случае предлагаемый брачный союз неосуществим, и дело кончилось ничем. Сильно расстроенная и еще больше взбешенная слухами о ее внебрачных связях с Силлеем Саломея обратилась к супруге императора — Ливии, с которой она находилась в дружеских отношениях, с настоятельной просьбой как-нибудь поправить положение. Но Ливия не помогла. Несомненно следуя совету Августа, она дала понять, что надо отдать предпочтение решению Ирода. Царь попытался помочь Саломее найти решение: предложил выйти замуж за одного иудея — Алекса II. Саломее он не понравился; но все, что могла посоветовать Ливия, так это делать что говорят.

В этом инциденте есть что-то загадочное. Совершенно ясно, что вопрос религии создавал трудно решаемую проблему. Однако если дело обстояло таким образом, странно, зачем Силлею, которого никак не назовешь глупцом и который не позже других

понял проблему, нужно было настаивать на браке. Похоже, что поначалу его поощрял к этому шагу Ирод. Царь, сам наполовину араб, возможно, сначала был готов разрешить сестре уехать, отрекшись от иудаизма, но позднее, поняв, какую решительную оппозицию это вызовет у иудеев, передумал. Но видимо, это было не единственной причиной отказа. Похоже также, что против брака прежде всего выступил брат Ирода и Саломеи Ферора. Нетрудно понять, почему Фероре представлялось вполне вероятным, что, женившись на Саломее, Силлей должен будет только ждать смерти Ирода, чтобы захватить всю Иудею и присоединить ее к своему Арабскому государству.

Как бы то ни было, Силлей покинул Иерусалим, и каким-либо видам на дружбу между Арабским и Иудейским государствами был положен конец. Вскоре, как мы видели, трения обострились, после того как Август приказал ливанскому князю Зенодору уступить Ироду обширные территории на севере Трансиордании. Дабы уклониться от выполнения этого приказа, Зенодор спешно договорился о продаже крайней восточной части этих территорий, Авранитиды (Джебель-Друз) Арабскому царству. Силлей ухватился за эту идею, потому что обладание этой местностью открывало ему караванный путь в Дамаск. Но Август отказался утвердить сделку, и Ирод при помощи опытных проводников силой овладел территорией. Кажется, чтобы дать Ироду возможность справиться с этой задачей, император также дал ему особое право, весьма необычное для царя-клиента, высылать беглецов из стран, не находившихся под его юрисдикцией.

* * *

Как видим, Ирод пользовался у римлян большим авторитетом, а теперь он возрос еще больше. В 23 году из Рима в восточные провинции прибыл Марк Агриппа — правая рука Августа — с широкими полномочиями наместника императора, по существу его заместителя. Он обосновался на своем любимом острове Митилена (Лесбос). Видимо, зимой 22/21 года Ирод нанес ему визит.

Если время визита, как представляется, отмечено правильно, можно спросить, почему Ирод так долго медлил с ним. Во всяком случае, когда приезжал на восток Октавиан, Ирод проявил куда больше рвения. Возможно, что царь медлил ввиду слухов о несколько натянутых отношениях между Августом и Агриппой. Агриппа, необычайно одаренный человек, оказал неоценимые

услуги императору, но, как утверждали, он был, уязвлен тем, что Август, кажется, в качестве своего преемника отдавал предпочтение своему молодому зятю Марцеллу. Даже считали, что именно поэтому Агриппу услали из Рима. Но вскоре после отъезда последнего на восток Марцелл умер, а также становилось очевидным, что другой главный советник Августа, Меценат, определенно шел вторым после Агриппы. Выяснилось, что тянуть дальше с визитом нельзя.

Итак, Ирод отправился на Митилену, и, судя по дальнейшим событиям, есть все основания считать, что и у Агриппы, как ранее у Августа, он добился полного успеха. Агриппа не был тем человеком, которого легко покорить. Но и на этот раз способность Ирода очаровать, произвести впечатление снова оказалась на высоте.

Правда, визит царя был недолгим, потому что в 21 году Агриппу отозвали в Рим; теперь сам Август отправлялся на восток и хотел, чтобы Агриппа замещал его в свое отсутствие. К тому же особое положение Агриппы было лишний раз подчеркнуто его браком с дочерью императора Юлией, недавно овдовевшей после смерти Марцелла.

В ходе бесед Ирода с Агриппой был улажен по крайней мере один вопрос: двое сыновей Ирода поедут в Рим на учебу. К их числу не принадлежал старший сын, Антипатр II, потому что после развода с его матерью, Дорис, ни мать ни сын не были обласканы царской милостью. Не посылали в Италию и сыновей самаритянки Малфаки (Архелая II и Антипу II), а сын его последней жены, дочери нового первосвященника Мариамны II, был еще мал. В Рим завершать образование должны были отправиться сыновья казненной царем в 29 году до н.э. хасмонейки Мариамны I.

По приезде в столицу эти двое юношей, Александр III и Аристобул IV, должны были жить в доме римлянина по фамилии Поллион. Предполагалось, что это Гай Азиний Поллион, видный государственный муж, известный писатель и покровитель литераторов. Но при новом режиме Августа Азиний Поллион держался подчеркнуто отчужденно, следуя устаревшим пристрастиям к libertas, свободе слова и дел аристократа. «Он, — по выражению сэра Рональда Сайма, — был своего рода привилегированным мелким нарушителем общественного покоя». Ирод вряд ли доверил бы своих детей этому в известной мере настроенному против Августа деятелю, и скорее они были вверены заботам Публия Ведия Поллиона, одного из видных сторонников имперских порядков. Всадник, возможно выходец из простой семьи, прославившийся своей показной роскошью и

жестокостью, он был ведущим финансовым экспертом режима, которого высоко ценил и которому доверял Август, вскоре после победы при Акции вверивший ему крайне важную провинцию Азия (запад Малой Азии). Так что дом Ведия Поллиона вполне мог служить местом, где Ирод поселил своих сыновей. Хотя они и не были старшими детьми, их хасмонейская кровь, несмотря на трагическую судьбу матери, позволяла считать их вероятными наследниками, и в тот период, похоже, так думал и сам Ирод. Но его заботы о таком их образовании вызвали глубокое недовольство у многих иудеев. Ибо в Риме сыновьям Ирода предстояло жить в, доме неиудеев, и их наставниками тоже были бы неиудеи.

* * *

Как обычно, от нападок изнутри можно было отмахнуться, если Ироду удавалось привлечь внимание к своим успехам в отношениях с римлянами. И такая блестящая возможность возникла в 20 году до н.э. когда Август лично появился в Сирии. Ирод отправился в Антиохию встретиться с ним второй раз, сопровождал его друг и министр Николай Дамасский (тот записал, что видел приехавших встретиться с императором послов из Индии).

В это время Август, как и многие римские вожди, посещавшие эту часть света, был главным образом озабочен отношениями с восточной державой Парфией. Как всегда, яблоком раздора была Армения: римская гордость прежде всего требовала отмщения за трагедию Красса 33 годами раньше и возвращения захваченных в то время римских знамен. Умнее, чем большинство римских правителей до и после него, Август решил, что армянский вопрос лучше уладить дипломатическими, чем военными средствами; а в мае 20 года до н.э. парфяне к тому же вернули знамена пасынку императора Тиберию. На них произвело впечатление прибытие внушительной римской армии под командованием Тиберия. Если бы дело дошло до драки, наличие на сирийском фланге сильной и надежно защищенной Иудеи имело бы существенно важное значение и Ироду пришлось бы сыграть свою роль. Но до драки дело не дошло. Тем не менее Ирод смог с выгодой использовать присутствие Августа; за время пребывания в Антиохии император принял несколько важных решений, касавшихся Иудеи.

Первое решение явилось результатом зигзага удачи в пользу Ирода. От прободения кишечника умер ливанский князь Зенодор, которого за три года до того обязали уступить иудеям три

большие области к востоку от Галилейского озера. В результате Ироду передали еще две области к северу от озера, что означало весьма значительное расширение его царства. Одной из них была Улафа, расположенная на северной оконечности нынешней израильской территории; ее название сегодня сохранилось в названии пересохшего озера Хула. Другой новоприобретенной областью была Паниада у подножия горы Хермон, включая город под тем же названием, ныне Баниас, в части территории Сирии, оккупированной Израилем в 1967 году. Август постоянно стремился разбавить царство Ирода неиудейскими землями и был весьма доволен тем, что у границ сирийской провинции такой надежный монарх-клиент вместо не заслуживающей доверия династии Зенодоров.

Что до Ирода, тот был доволен приобретением расположенной на склоне горы Хермон важной неиудейской святыни, по имени которой была названа Паниада — Панин, или святилища Пана. Здесь, над пещерой, где находился один из главных истоков Иордана, стоял алтарь Пана. Он изображен на монетах Кесарей Филиппи (так переименует Паниаду сын Ирода), а развалины можно видеть и сегодня. Перед гротом Ирод воздвиг храм, посвященный Риму и Августу, — двойник храма, который он построил в Себастии, — из белого мрамора, однако разбросанные кругом обломки колонн давали основания полагать, что портик воздвигли из египетского гранита. Если это так, то в выборе материала сквозила насмешка — вероятно, задуманная как злой выпад против посмертной славы Клеопатры. Ибо Паниада — место битвы в 200 году до н.э. после которой египтяне навсегда утратили господство над Палестиной. Они проиграли ее Селевкидам, но теперь и Селевкидов давно не было; освободившие от них Иудею Хасмонеи никогда не доходили до Паниады. И вот теперь Ирод ее присоединил, и приобретение этих северных территорий означало, что под ним был весь традиционный исторический Израиль, от Дана до Вирсавии, — Дан находился всего в нескольких милях от Паниады, а Вирсавией являлась его родная Идумея. Ни один иудей со времен Соломона не правил таким огромным царством.

Хасмонеем, чьи владения приближались по размеру к Иродовым, считался Александр Яннай. И самым долговременным из его приобретений было завоевание и обращение в иудаизм расположенной за Иорданом Переи. Ее узкая длинная территория протянулась начиная от 20 миль к югу от Галилейского озера до срединных берегов Мертвого моря — от открытых ветрам благоухающих лесов, садов, виноградников и житниц Гилеада до растрескавшихся каменистых степей Моава. К северу от границ

Переи располагались греческие города-государства (Декаполис). Но большая часть ее границ нуждалась в охране от арабов Силлея: этой цели главным образом служили грозные перейские крепости Ирода Махер и Восточный Геродиум.

А теперь, в 20 году до н.э. когда Ирод был в Сирии у Августа, он сказал императору, что хочет облегчить себе жизнь, посадив своего брата Ферору тетрархом (князем) в Перее. Кое-кто из современных исследователей счел, что к этому его принудил Август, имевший в виду, что Ферора будет в значительной степени независим от Ирода. Но конечно же эта идея принадлежала самому Ироду и имела целью укрепить свою власть, а не делить ее. Верно, что Ферора был почти неуправляем, но Ирод считал, что сможет с ним поладить. В Фероре странным образом уживались слабоволие и упрямство. По своей слабости он часто становился орудием более честолюбивых членов семьи, особенно женской половины, которые не раз толкали его на поступки, вызывавшие пагубные затруднения в отношениях с братом. В связи с женщинами выражалась и такая черта, как упрямство — он одну за другой отверг двух невест царских кровей, которых навязывал ему Ирод, — свояченицу и дочь самого Ирода. Ферора отказал им обеим, поскольку любил рабыню, на которой впоследствии женился. В тот век суровых династических браков не по любви такая романтическая неуступчивость была явлением необычным.

И это не остановило Ирода — с согласия Августа он назначил Ферору тетрархом Переи со значительным жалованьем в дополнение к доходу с управляемой им территории. В известном смысле это была всего лишь приукрашенная должность провинциального правителя, подобная постам, занимаемым другими персонами в Идумее, Галилее или Самарии, но в данном случае имелось в виду нечто большее. Как всегда, Ирод предохранял собственную идумейскую семью на случай, если что-либо произойдет с ним самим. Но ближайшие последствия этого назначения были незначительными: Ферора предпочитал держать свой двор в Иерусалиме, поближе к царскому дворцу с его интригами.

* * *

Визит Августа в Сирию вызвал для Ирода и небольшое затруднение. Между Переей и приобретениями Ирода дальше к северу находились два города из греческого Декаполиса — Гадара и Гиппос, отданные Иудее десятью годами раньше. Хотя они, как

и все подобные греческие общины, жили по основанным на самоуправлении конституциям, Гадара, место со значительными культурными претензиями, некоторое время жаловалась на несправедливое вмешательство и деспотизм Ирода. К этим выступлениям против Ирода гадарских старейшин подстрекал северный сосед царя Зенодар, который из-за обиды по поводу отнятых у него в пользу Иудеи территорий пользовался любым случаем, чтобы причинить Ироду неприятности.

Теперь, когда Зенодар скончался — а возможно, еще до того, — гадаряне, воспользовавшись поездкой Августа по Востоку, решили изложить жалобы лично ему. Они решительно настаивали на том, чтобы город передали из царства Ирода в римскую провинцию Сирия, чью власть они находили менее деспотичной. Император слушал их в присутствии Ирода. Они выдвинули против него дикие обвинения в насилиях, грабеже и разрушении храмов. Все это было явным преувеличением, но мы не можем с уверенностью утверждать, что в их обвинениях Ирода в жестоком обращении не было доли правды. В целом дело вряд ли обстояло таким образом, потому что царь, хотя и не слишком одобряя децентрализацию, как правило, обращался с неиудеями тактично и великодушно. Однако гадаряне, возможно исходя из религиозных и национальных соображений, сочли вмешательство иудейских должностных лиц более неприятным, нежели аналогичные действия, которые они ожидали от римлян. Назначенные Иродом правители, несомненно, в известной мере вмешивались в дела греческих городов и имели на то право; правитель Идумеи, например, называл свою провинцию Идумея и Газа, хотя Газа тоже еще один подобный Гадаре внешне автономный город-государство.

Как бы то ни было, скоро стало ясно, что Август и его советники склонны встать на сторону Ирода, а не делегации Гадары. Вследствие чего делегаты решили, что надежды на доброе обращение в дальнейшем царя, которого они так сурово обвинили, были весьма ничтожными; посему все участники миссии покончили с собой. Император вынес приговор в пользу Ирода, и Гадара, то есть проиродова фракция там, отчеканила монету, по-видимому, чтобы отметить это событие. Одновременно Август назначил Ирода на своего рода должность, имеющую отношение к провинции Сирия. Вероятно, это была должность финансового советника при прокураторе, шедшем вторым после правителя провинции и считавшемся независимым; в его функции входили выгодные обязанности, связанные со сбором налогов.

Глава 10
ХРАМ

В том же, 20 году до н.э. Ирод взялся за дело, которое считал вершиной всех своих трудов, подвигом, которым он восстановит нарушенное взаимопонимание среди его подданных — иудеев — и завоюет их вечную благодарность. Этим делом стало строительство Иерусалимского храма.

На северо-восточной стороне города, в месте, называвшемся гора Мория, прямо напротив горы Олив, Соломон воздвиг храм, описанный в древнееврейских текстах с таким обилием живописных и восторженных подробностей и с таким беззаботным отношением к элементарной топографии. Когда земля Иуды подпала под власть вавилонянина Навуходоносора и впоследствии попыталась восстать, тот сровнял святилище с землей (586 г. до н.э.), а тысячи людей отправил в изгнание. Но спустя 70 лет овладевшие Вавилонской империей персы позволили иудеям вернуться в небольшую область вокруг Иерусалима, и в то время, при правлении Зоровавеля, был выстроен другой, значительно более скромный, храм.

В 168 году до н.э. это сооружение разграбил, осквернил и превратил в языческий храм селевкид Антиох IV Эпифан, и венцом победы националистического восстания Хасмонеев стало повторное посвящение храма службе Всевышнему вождем восстания Иудой Маккавеем в декабре 164 года н.э. С тех пор это событие отмечается как праздник Посвящения (Ханука).

И все же построенное Зоровавелем здание, которое уже тогда, почти за пять веков до того, считалось чем-то вроде временной замены, теперь все больше выглядело символом, не соответствовавшим новому величию Израиля. Так что Ирод провозгласил, что намерен его перестроить.

Он объявил о своем решении на специально созванном приблизительно в 22 году до н.э. собрании народа. Не все одобрили его заявление из-за опасения, что он снесет старое здание и никогда не построит нового. Чтобы рассеять эти страхи, Ирод еще до начала работ подготовил все планы и предал их широкой огласке. Для строительства должен был использоваться мягкий белый камень, из которого строился храм Соломона. Его намеревались добывать из находившихся в нескольких сотнях ярдов к северу Соломоновых каменоломен. Чтобы не нарушать тишины святого места, камень предстояло обрабатывать на месте, до того как доставлять на строительную площадку.

Предполагалось занять 10 000 рабочих, из них 1000 священников, обученных профессиям каменщиков и плотников, поскольку Закон запрещал мирянам входить в здание святилища.

* * *

Перестройка началась примерно через два года после первоначального объявления, но, начавшись, стала продвигаться весьма быстро. Хотя и с большим трудом, сравнивая описание Иосифа со значительно расходящимся описанием в древнееврейских трактатах, мы можем получить некоторое представление о том, как выглядел Иродов храм.

Весь комплекс сооружений находился внутри Двора иноверцев, ныне представленного большой площадкой у мечети Аль-Шериф. Это место иудеи называли «храмовой горой». Окружавшая святыню просторная огороженная территория такого рода в Восточном Средиземноморье была вполне обычным явлением; сегодня ее лучше всего можно оценить, побывав в Пальмире и Герате (Иераш). В Иерусалиме двор, занимавший около 35 акров, был намного (почти в два раза) просторнее двора при старом храме. Если по религиозным соображениям Ирод придерживался предполагаемых размеров Соломонова храма, то ничто не препятствовало ему расширить и украсить этот скорее мирской внешний двор: и он был особенно расположен к этому, поскольку сам мог в него входить, тогда как, не будучи священнослужителем, не мог ступить в святилище.

Посему прежде квадратной формы Двор иноверцев расширили до огромного вытянутого прямоугольника, вымостили и со всех четырех сторон окружили стеной. С северной стороны, где расширение стало возможным благодаря заполнению глубокой впадины между территорией храма и замком Антония, в северо-восточном углу добавили вторую башню, которая частично уравновешивала расположенную в северо-западном углу башню Антония. "Учитель, — воскликнул один из учеников Иисуса, — смотри, какие здесь камни и строения! " И хотя Иисус знал, что сам храм не будет существовать вечно, части западной стены уцелели до наших дней, образуя девять нижних рядов кладки Стены Плача, к которой евреи приходят возносить свои молитвы. На той же стороне сохранились большие участки виадуков, проложенных над раскинувшейся тогда внизу, а теперь большей частью засыпанной долиной Турпосон.

Иисуса, согласно Евангелию от Матфея, дьявол подстрекал совершить чудо: броситься вниз с вершины или с парапета храма

(Мф. 4, 5). Это была верхняя часть стены в юго-восточном углу, где она возвышалась над раскинувшейся в 450 футах внизу долиной Кидрона. Под местом, где была вершина, можно видеть подвалы, известные как Соломоновы конюшни. Вся южная сторона внешнего двора покоилась на встроенном в гору массивном фундаменте. Самый большой из каменных блоков, высеченных с величайшей точностью, длиной более 16 футов, легко различим с противоположной стороны долины.

В южную часть внешнего двора попадали, спускаясь вниз по крытым сводчатым галереям через двое Ворот Хулда, иначе Тройные и Двойные. Все, что осталось от Тройных ворот, так это часть дверной коробки западного пролета. А остатки Двойных ворот (ниже мечети Аль-Акса) довольно цельные и представляют единственную существенно сохранившуюся часть Иродова храма. Позади двух одинаковых пролетов, в которые первоначально были встроены двери, находится квадратный передний дворик с мощной монолитной колонной в центре. Капитель колонны имеет форму корзины, из которой выглядывают узоры листьев. Среди других особенностей можно отметить мелкие пилястры, перемычки из цельного камня и украшенные лепниной овальные своды потолка. Эти ворота, к каждым из которых по бокам примыкал ряд небольших помещений, вдавались в глубь двора, как башни.

Во Двор иноверцев входили и через другие ворота, общее число которых по-разному считалось от семи до тринадцати. В отличие от расположенных по оси пропилеи, ведущих в передние дворы языческих храмов, они располагались несимметрично, но были довольно единообразны по конструкции и в общем походили на Двойные ворота. В числе четырех проходов в западной стене были Ворота цепи, или Копониус, от которых сохранилась брусчатка, — конечный пункт одного из виадуков, протянутых через долину. Дальше за ними шли ворота, ведущие в Верхний город или северо-западную часть Иерусалима, но и от них мало что сохранилось (остатки перемычки). В восточной стене находились Шушанские ворота, со времен раннего христианства отождествлявшиеся с Золотыми воротами, через которые в Пальмное (Вербное) воскресенье Иисус въехал в Иерусалим.

Изнутри Двор иноверцев украшала колоннада из греко-римских коринфских колонн, по всей видимости протянувшаяся по всему периметру двора. Вдоль трех сторон из четырех колонны стояли в два ряда. Самая известная из них, протянувшаяся вдоль восточной стены, носила имя Соломоновой галереи, поскольку была сильно увеличенным в размерах видоизмененным

вариантом галереи, относившейся еще к временам первого храма. Но в южной стороне двора Ирод воздвиг тройную галерею, великолепное сооружение из 162 колонн, протянувшуюся больше чем на 800 футов. Она называлась Царской галереей, потому что, по преданию, здесь короновался сам Соломон, но напоминала что-то вроде открытой с конца греко-римской базилики. Центральный неф был много шире и в два раза выше примыкающих с обеих сторон боковых приделов. Дополнительная высота достигалась добавлением второго яруса колонн, покоившихся на архитравах нижних колонн приделов и, разумеется, перемежавшихся верхними световыми проемами. Потолок кессонирован кедровой древесиной, покрыт позолотой и богато украшен резными горельефами.

Иосиф утверждает, что резные изображения отличались крайним разнообразием. Его утверждения заставляли думать, что Ирод пренебрегал строгим в то время толкованием второй заповеди, запрещавшей изображение живых существ. Однако это представляется сомнительным; во всяком случае, украшения сводов Двойных ворот строго ограничивались неодушевленными предметами — венки, виноградные грозди, гирлянды и розетки живописно перемежаются с геометрическими узорами.

В целом мотивы носили отпечаток эллинизма. Однако в этих относящихся ко II и I векам до н.э. палестинских сооружениях — имеются параллели и разновидности и в других регионах Леванта — кроме того, просматривается свойственная Востоку тенденция к резко очерченным граням, когда греческий растительный орнамент теряет присущие ему черты и геометрически стилизованные поверхности приобретают плоскостной характер. Классическую пластику исподволь вытесняют оптические эффекты, основанные на контрастах яркого света и тени. Ввиду необходимости следовать Соломоновой традиции Иродов храм в архитектурном отношении был в основном не греческим — подобные любопытные смешения восточного с западным можно увидеть в гробницах в долине Кидрона, — и особая традиционная среда вкупе со своеобразными требованиями второй заповеди способствовала отходу от классицизма также в скульптуре и резьбе. Его утрата означала потерю важного связующего звена между эллинистическим искусством и поздними римскими направлениями, в которых эти восточные черты были еще больше усилены.

* * *

Внутри Двора иноверцев находился Двор женщин, названный так потому, что был пределом, за который женщины не могли выходить. Огражденный забором или решеткой, он имел три входа, самый большой на восточной стороне. Это было место, куда вскоре после смерти Ирода Иосиф и Мария принесли младенца для посвящения.

Двор женщин вел во Двор Израиля (или Двор мужчин), куда мог входить любой иудей мужского пола, но, как подтверждают сохранившиеся надписи, любой проникший туда иноверец подлежал смертной казни. К величественным воротам с восточной стороны двора вели пятнадцать полукруглых ступеней. Двор Израиля, в свою очередь, с западной стороны примыкал ко Двору священнослужителей, хотя неясно, каким образом они были отделены друг от друга.

Посередине Двора священнослужителей перед святилищем находился жертвенник, к которому поднимались по пандусу. Ныне это место называется Куббет-ас-Сахра, и здесь внутри мечети Омара, иначе Купола над Скалой, находится голая скала горы Мория, которую древние считали местом, где Авраам намеревался принести в жертву своего сына Исаака. Здесь же, на току Орны Иевусеянина, выходца из народа, жившего еще до прихода иудеев, царю Давиду было велено воздвигнуть алтарь Господу. Итак, на этой священной скале стоял алтарь всесожжения, большое сооружение кубической формы из неотесанного камня. Когда селевкид Антиох IV в 167 году до н.э. воздвиг на этом месте алтарь олимпийцу Зевсу, это явилось величайшим осквернением. Хасмонеи же совершили величайший подвиг — уничтожили это омерзительное сооружение.

Верно, что жертвенник символизировал архаичные представления иудаизма, которые исподволь вытеснялись духовными учениями пророков, а теперь толкованиями Закона в синагогах. Жертвоприношения представляли собой кровавые зрелища, но они помогали храму сохранять роль особо важного хозяйственного достояния. Под колоннадами Двора иноверцев собирались самые разные дельцы — в их числе торговцы голубями. Были там и менялы, и в одном из самых потрясающих преданий об Иисусе, содержащемся во всех четырех Евангелиях, говорится о том, как он силой изгнал их оттуда. Кроме того, там находились склады, пекарня для выпечки тех двенадцати хлебов, которые каждую субботу ставились «пред Господом», сокровищницы и копилки для пожертвований, административно-хозяйственные службы и палата, в которой заседал государственный совет иудеев. И вся эта кишащая на территории храма масса людей снабжалась водой по новому акведуку,

который частично действовал до начала XX века.

В нескольких шагах позади алтаря двенадцать ступеней вели в само святилище, здание со сложенными из белого камня массивными стенами. Представление о том, как оно выглядело, можно получить, благодаря различным современным попыткам реконструкции, основанным на различных страшно непонятных древних описаниях. По всей видимости, это было очень высокое здание, в два раза выше второго храма, вместо которого оно было построено. Так решили, поскольку намеревались воспроизвести первый храм, храм Соломона, которому в Книге Паралипоменон (вероятно, передававшейся из поколения в поколение в искаженном виде) приписывались непомерно большие размеры. Иродово сооружение, при строительстве которого придерживались тех же гигантских размеров, представляло фантастическое зрелище, видимое со всех сторон и издалека выглядевшее «как покрытая снегом гора».

К святилищу примыкал обширный фронтон, тоже необыкновенно высокий и, чтобы соблюсти пропорции, раздвинутый вширь, вероятно выходя за ширину здания, так что все сооружение в плане напоминало букву "Т", где фронтон был поперечиной.

За фронтоном находились гигантские врата, инкрустированные драгоценными металлами и задернутые вавилонским декоративным занавесом с вышитой на нем священной картой небес, четыре цвета которой означали четыре стихии. Над вратами была изваяна громадных размеров золотая виноградная лоза, каждая гроздь на ней размером в человеческий рост — повторение более раннего творения, подаренного Помпею одним из неудачных иудейских претендентов на его милость. Лоза символизировала торжествующий Израиль.

Из Египта перенес
Ты виноградную лозу,
Выгнал народы и посадил ее;
Очистил для нее место
И утвердил корни ее, и она наполнила землю.
Горы покрылись тенью ее,
И ветви ее как кедры Божии…

Пс. 79, 9-11

Как и в храме Соломона, святилище окружали в три этажа тринадцать хранилищ. Внутри самого святилища находилось два расположенных одно за другим помещения. Первым шло святое место, где помещался стол с хлебами предложения и менора, или

«семисвечник», — подставка для семи ламп, работавших на оливковом масле. Оба эти почитаемых сокровища были позднее изображены римлянами на арке Тита, забравшего их с собой после разграбления Иерусалима в 70 году н.э. У иудеев изображение меноры в скульптурах или на картинах, как утверждают, запрещалось. Тем не менее оно не только выцарапано на одном иерусалимском надгробье, но имеется на монетах последнего хасмонейского монарха, Антигона, у которого Ирод в 37 году до н.э. отвоевал город; это единственный иудейский символ, который можно найти на хасмонейской монете. Что касается монет, выпущенных Иродом, на них изображен алтарь, который вполне можно принять за алтарь для воскурения фимиама, еще одну из принадлежностей святого места.

В храме Соломона святое место и второе помещение святилища, святая святых, разделяла стена с дверью, но, кажется, Ирод не воспроизвел эту деталь. Вместо этого во всю ширину здания протянулись два занавеса — завеса храма, которая, как говорят, в момент смерти Иисуса разодралась надвое. В святая святых никто не мог входить, кроме первосвященника, и даже тот мог входить туда единожды в год, на праздник Йом-киппур, День искупления или всепрощения Господня. Помпеи, зашедший в эту внутреннюю святыню, заслужил вечное проклятие иудеев.

* * *

В 18 году до н.э. после полутора лет трудов строительство святилища завершилось, что было широко отмечено празднованиями и щедрыми жертвоприношениями. Работа по завершению строительства образующих оставшуюся часть сооружения дворов продолжалась еще десять лет.

По существу, работам по реконструкции не было конца. Во время бунтов после смерти Ирода сооружение сильно повредили. Позднее, когда Иисус загадочно объявил, что снова воздвигнет храм за три дня, иудеи в ответ сказали, что сей храм строился 46 лет (Ин. 2, 19 — 20). Это говорилось, если сказанное соответствует истории, примерно в 28 — 30 годах н.э. Похоже, что последние стадии строительства не возобновлялись до 63 года н.э. когда выстроили восточную поддерживающую стену. Тем временем обвалилась другая часть стены и потребовалось снова обратить внимание на Соломонову галерею. Однако этот ремонт так и не начался; семь лет спустя храм разрушили римляне.

* * *

О нем сохранилось только яркое воспоминание. И память о нем была, или должна быть, целиком связана с именем Ирода. Ибо что бы впоследствии ни доделывали, именно он, по существу, совершил реконструкцию между 20-м и 10 годами до н.э. Однако более поздние блюстители иудейского Закона и теологи, восхищаясь храмом, были склонны игнорировать его связь с именем Ирода или же давали понять, что идея предпринятой им реконструкции принадлежала не ему.

Что касается самого Ирода, то он глубоко гордился этим свершением и не уставал подчеркивать, что хасмонейские освободители за все 125 лет своей власти даже не подумали взяться за такое громадное дело. Даже храм Соломона, которому старательно (пусть и неточно) следовали в отношении священных и неприкосновенных размеров, был превзойден во всех отношениях. Секретарь Ирода Николай Дамасский имел основания утверждать, что царь был щедрым человеком и что большая часть его щедрот шла на святое дело.

Но Ирод все же оставался клиентом Рима. Римляне терпимо относились к богам подвластных им народов, и, как мы увидим, Марк Агриппа, будучи в Иерусалиме, счел необходимым воздать должное храму своим посещением. Но сам Август, кажется, имел определенные сомнения. Не слишком ли несоразмерными были масштабы возвеличивания национального божества на фоне сообщества народов, более свободно делившихся своими богами? Во всяком случае, после смерти Ирода Август открыто похвалил одного из внуков, который, проезжая по Иудее, не стал посещать храм.

Глава 11
КАКИМ ОБРАЗОМ ИРОД ЗА ВСЕ ЭТО РАСПЛАЧИВАЛСЯ

Какими средствами располагал Ирод, чтобы брать на себя такие колоссальные расходы?

Иудея была скудной землей, каменистым, безводным, заросшим вереском плато почти у черта на куличках, которое перемежалось небольшими плодородными участками, да и те возбуждали зависть алчных соседей, с населением опасно великим для страны таких размеров; по приблизительным подсчетам, в Палестине проживало три миллиона иудеев. Более того, как и всюду в римском мире, число их возрастало высокими темпами. О причинах такого явления говорят по-разному, но среди них называют неприятие греко-римского обычая убийства новорожденных (которого Моисею было сказано избегать), отвращение иудеев к гомосексуализму и патриотическое желание увеличить собственное население.

Очень многие общины в этой части мира — Птолемеи, Селевкиды, Хасмонеи — с надеждой изображали на своих монетах рог изобилия; Ирод тоже. Но в Иудее надежды не всегда сбывались. Начать с того, что дожди здесь были менее всего предсказуемы, чем во всем Средиземноморье. Библия полна ссылками на Господню немилость, задержку дождей, особенно «поздних дождей» весной; и в царствование Ирода случались серьезные засухи.

Однако тяжелым трудом можно было заработать на жизнь. В Евангелиях Палестина описывается как сельская земля, земля крестьян, весьма отличающаяся от расположенных по периферии развитых эллинизированных городов. Правда, имелись и богатые палестинские иудеи, но обычно это были богатые земле— или скотовладельцы. Судя по писаниям авторов Талмуда, скотоводство, похоже, составляло основу сельского хозяйства, а за пределами собственно Иудеи, на вновь приобретенных землях Трансиордании, овцеводство вообще было весьма выгодным занятием. Галилея, Иудея и Гадара годились для выращивания пшеницы и ячменя, но из-за слишком малых размеров они не имели возможности вывозить зерно. Сотни деревень располагались на покрытых лесами обширных нагорьях Галилеи. Ее озера изобиловали рыбой, а берега щедро заросли ореховыми деревьями, пальмами, оливками и инжиром. «В Галилее, — говорится в Талмуде, — легче вырастить легион олив, чем в

Палестине вырастить ребенка». Небольшое количество масла вывозилось в соседние страны. В Галилее также производилось больше всего, к тому же лучшего, вина, хотя за ее пределами, в Тире, оно было дешевле. Популярностью также пользовались вина Аскалона и Газы, в первом из них до сих пор производится довольно приятное вино. Среди других продуктов Аскалона были лилии и лук-шалот (Allium ascalionicum), взявший свое название от имени города. У Галилейского озера и вокруг Себастии (Самарии) выращивались отличные фрукты, а Гева к северу от Иерусалима и ряд равнинных районов славились своими гранатами. В качестве естественного символа плодородия и бессмертия иудейского народа гранаты изваяны на колоннах перед храмом Соломона и изображены на мантии первосвященника; их также можно видеть на монетах Ирода в связке из трех видов фруктов, описанной в талмудистской литературе. Гранатовые ветки развешивали в Праздник кущей, а в наши дни снова в Туби-Шебат, Новый год деревьев, гранаты посадили в безлюдной Масаде. За Иоппией выращивали фиги, в Иерусалиме копали трюфеля, а высококачественный палестинский лен вывозился в другие страны. А после того как Ирод получил обратно от Клеопатры финиковые пальмы и плантации бальзамника в иерихонском оазисе, возобновился экспорт финиковой патоки. Пальмовую ветвь, популярный символ иудейского искусства и культа, Ирод изображал на своих монетах.

* * *

Палестинские иудеи большей частью довольствовались тем, что отдавали торговлю более урбанизированным иудеям из других стран: сами они не были сильны в торговле. Екклесиаст, по существу, считает коммерческую деятельность синонимичной жульничеству: «Как колышек прочно вбивается в стык между камнями, так обман втискивается между продажей и покупкой». Однако к ремеслу относились с уважением, если не было особых оснований относиться к нему подозрительно с точки зрения нравственности. С неприязнью относились к пачкающим руки ремеслам, как гончарное и красильное дело. Такое предубеждение сохранилось на Ближнем Востоке поныне. Правда, тогда, как и ныне, это предубеждение преодолимо, поскольку в древности гончарным делом занимались целыми деревнями.

Южная, идумейская, область страны, благодаря расположенному поблизости порту Газы в значительной мере

была косвенно связана с торговлей с другими странами. Прежде всего, здесь находился важный рынок работорговли. Поставка рабов из южного Леванта не была чем-то новым. Главный министр египетского царя Птолемея II получил от трансиорданского шейха в качестве рабов партию мальчиков и девочек из благородных семейств, а после захвата Иерусалима Помпеем рынки Рима и других центров работорговли наполнились иудеями. Ирод использовал институт работорговли в интересах внутренней безопасности, позволяя продавать воров и разбойников в рабство за пределы царства: ужасное решение в глазах правоверных иудеев, потому что хотя рабство как таковое и признавалось, иудейский закон не позволял продажу рабов иноверцам.

Идумеяне имели еще один вид торговли через Газу, которая была конечным пунктом для приходивших издалека, с юга Аравии, караванов верблюдов с благовониями и пряностями. Несомненно, Ирод, которому принадлежала Газа, получал с этого прибыль, правда, ничтожную в сравнении с его запросами. Ведь перед его глазами было все Средиземноморье, и он обладал значительной частью его побережья. Однако к началу его царствования морская торговля Иудеи развивалась незначительно.

Главной причиной, или одной из главных причин, было полное отсутствие хороших портов. Газа и Аскалон не отвечали возросшим требованиям и к тому же находились далеко на юге. Иоппия была значительно ближе к Иерусалиму (Ирод удовлетворился, получив ее назад), но она имела чрезмерно открытую гавань, опасную для судоходства из-за незащищенных от ветра рифов и мелководий. На протяжении всех 50 миль принадлежавшей Иудее песчаной скалистой полоски побережья не было ни одной надежной гавани. В результате страна, когда дело касалось более или менее крупных судов, находилась в унизительной зависимости от города-порта Птолемаиды (Акра, Акко), находившегося за пределами Иудеи.

* * *

Ирод решил коренным образом изменить положение, и созданный им порт стал выдающимся результатом его царствования, еще одним крупным вкладом в процветание страны. Для этой цели он выбрал небольшое местечко, известное как Стратонова башня. Этот малозначительный городок, получивший название от круглой каменной башни, недавно

раскопанной, насчитывал по крайней мере лет 400, а то и 1000. Эту площадку и выбрал Ирод. Строительство началось в 22 году до н.э. и закончилось через 12 лет.

Ирод, несомненно, узнал о потенциальных возможностях этого участка побережья от своих инженеров, но для него имело значение еще одно, особое, обстоятельство — географическое положение по отношению к внутренней части страны. Расположенный на крайней северной точке побережья поблизости от римской провинции Сирии, городок скорее был выходом к морю для Самарии, нежели для Иудеи; а Ирод всегда больше полагался на благонадежность первой. Кроме того, Стратонова башня находилась в удобной близости от основанной им в Самарии Себастии. Не случайно некоторые жители нового города-порта, когда он строился, состояли в одном воинском подразделении с жителями Себастии. Эта связь также подчеркивалась названием нового порта — Кесария: имя императора — Цезарь Август, и как Себастия происходила от греческого слова, означавшего Август, так второй основанный Иродом город носил его другое имя, унаследованное от Юлия, определившего судьбу Иродова дома. Фактически официально Кесария, как видно из выпущенной позднее монеты, называлась Кесария у порта Августа. Ирод вряд ли мог яснее выразить свое глубокое убеждение, что процветание Иудеи в конечном счете целиком зависело от проводимой им политики сотрудничества с Римом.

Новая большая гавань глубиной 20 морских саженей должна была равняться пирейской или даже превосходить ее. В порт, как и в современный порт в Хайфе, входили с севера, потому что с этой стороны ветер слабее всего. Гавань защищал каменный мол длиной 200 футов; половину его длины составлял волнолом, а другую половину — окружавшая гавань стена. С приближающегося корабля были видны десять башен, самая большая из них получила название Друзовой в честь пасынка императора Друза, и шесть колоссальных статуй, по три с каждой стороны. Слева статуи стояли на вершине одной из башен, а те, что справа, покоились на двух огромных каменных глыбах. При недавних углубительных работах на входе в гавань обнаружены блоки весом 20 и 30 тонн, они и могли быть основанием для тех колоссов. В защищавшей портовые сооружения дамбе была проделана сложная система сводчатых ниш, да и все это место представляло собой огромный лабиринт подземных переходов.

При раскопках к югу от гавани, близ нынешней деревни Сдот-Ям, игравшей важную роль в нелегальной иммиграции после Второй мировой войны, обнаружили очертания огромного

общественного сооружения.

Это вполне мог быть храм в честь Рима и Августа, который Ирод построил здесь, в Кесарии, наподобие святилища, незадолго до того воздвигнутого в Себастии. Аэрофотосъемкой также обнаружена идущая от берега дорога, а в конце нее большой театр, реконструированный в позднеантичный период. Севернее находился амфитеатр — который Иосиф путает с театром, — и, кроме того, Кесария имела свой ипподром. Если при Ироде существовала городская стена, то ее еще предстояло открыть. Фрагменты акведука относят ко времени основания города.

Первоначально население Кесарии, возможно, достигало примерно 50 000 человек, из которых половину, вероятно, составляли иудеи. Позднее, в 60-х годах н.э. они претендовали на права гражданства, поскольку город основал иудей, но их апелляция не увенчалась успехом. Ибо город всегда был эллинистическим по своей природе поселением с местными административными службами в руках «греков» — на самом деле в большинстве своем сирийцев или других жителей Востока с эллинистическим налетом. Через десять лет после смерти Ирода Кесария стала столицей новой римской провинции, и иудеи прозвали ее «дочерью Эдома» не только в насмешку над Иродом, но и потому, что это символизировало название Рима. Недавно в Кесарии нашли надпись, оставленную самым знаменитым, или самым бесславным, правителем провинции, Понтием Пилатом; здесь же святой Петр крестил римского сотника, а святой Павел два года провел в тюрьме. Быстрота, с какой рос город, свидетельствует об удачном выборе места Иродом. Он стал важным таможенным пунктом и в корне изменил позиции Иудеи в области торговли. Однако история обошлась с ним очень плохо, ибо опустошительные набеги начались еще в поздний римский период, а крестоносцы использовали остатки многих сооружений в качестве строительного материала.

Из-за того что Кесария находилась так далеко от Иерусалима, Ирод на полпути, на краю прибрежной равнины, создал поселение. Это местечко близ Петах-Тиква теперь называется Афек или Рас-аль-Айн. В античные времена его называли Кафарсавой, но оно было также известно как Пега, «Родники», из-за близости к истокам одного непересыхающего ручья, бежавшего с иудейских холмов в Средиземное море, Ауйех, или «Извилистого». Но сам Ирод называл это поселение Антипатрисом, в честь отца, так же как назвал другое основанное им поселение в честь брата Фасаилисом. Оба поселения, видимо имевшие одно назначение — сельское хозяйство, были образцовыми фермами. Антипатрис обрел библейскую славу —

однажды сюда под охраной 470 солдат приводили святого Павла.

* * *

Кесария принесла торговлю, деньги. Но за строительство города-порта сначала надо было платить. Каким образом Ирод добывал средства, необходимые для строек таких масштабов?

Ко времени кончины царя его общий доход составлял 1050 иудейских талантов, или 1 050 000 драхм. Но цифры эти для нас не имеют смысла, поскольку мы не можем определить покупательную способность этих единиц или пересчитать их на современные деньги. Пожалуй, не будет слишком большой ошибкой сравнить этот общий доход с суммой в чуть более миллиона фунтов стерлингов или три миллиона долларов. Не так уж много — намного меньше государственного дохода Египта и меньше того, что получал собственный внук Ирода с Иудейского царства примерно такой же величины.

Ирод должен был платить твердо установленную подать Риму, и лучший способ собрать ее — обложение подушным налогом. Существовал также земельный налог, большей частью собираемый в виде зерна, которое хранилось в общественных амбарах. Как мы видели, собирались и таможенные пошлины; это было общепринятой практикой и в более старых эллинистических монархиях. Ирод также ввел налог на домовладения и налог на куплю-продажу (возможно, не новый) — вероятно, в виде гербового сбора при заключении сделок, особенно применительно к недвижимости. Соль являлась государственной монополией. Следуя восточным, да и римским, обычаям, состоятельные люди обязывались время от времени, возможно, внешне добровольно вносить дары в виде золотых корон, на что они, в свою очередь, несомненно, взыскивали подати с тех, кто зависел от них.

Сбор большинства податей, вероятно, отдавался на откуп частным компаниям, как в отдельных случаях долгое время практиковалось в самом Риме. Сборщик податей (мытарь) — одна из самых знакомых и самых ненавистных фигур Нового Завета. Но правительства античного мира не располагали достаточно развитыми службами, способными непосредственно собирать налоги.

И в античные времена существовали довольно развитые бюрократии, и Иродова была одной из них. В Египте Птолемеев подушный налог собирался на основе ежегодных списков деревенских писарей, включающих все взрослое население в возрасте от 14 до 60 лет, и Ирод, возможно, поступал так же.

Крупные эллинистические царства, кроме того, периодически проводили переписи. В Египте они проводились каждые 14 лет, в Риме обычным был пятилетний интервал. Ирод, возможно, проводил что-то вроде переписи каждые шесть лет.

Свидетельства, поскольку они имеются, дополняют картину эффективности, но ни в коей мере притеснения. После смерти Ирода делегации жаловались Риму, что его правление было разорительным. Но как указывает его министр Николай Дамасский, таких жалоб не слышалось при его жизни, и в случае засух, голода, других бедствий или особых обстоятельств его щедрость была впечатляющей (см, главу 8).

* * *

Тем не менее, несмотря на свой сравнительно небольшой доход и необременительное правление и на крайне честолюбивые планы строительства, Ирод завещал огромные суммы денег. Только Августу и императорской семье он, например, завещал 1500 талантов. Все это было возможно, потому что те 1050 талантов, которые считались доходом, ни в коей мере не составляли весь капитал. Вероятно, данная сумма означает лишь доход от налогов, тогда как он имел и другие, весьма значительные источники доходов. Большая доля поступала с земель, находившихся в его личном владении. Семья владела множеством земель в Идумее, а отец Ирода Антипатр за свою хитроумную карьеру, несомненно, много чего приобрел в других частях страны. Ирод все это (включая знаменитые плантации Иерихона) унаследовал и немало добавил путем конфискаций. Огромное имущество, не считая золота и серебра, перешло в его руки после захвата владений, принадлежавших хасмонейской семье и тем из ее сторонников, которых казнили или изгнали из страны в результате захвата Иродом царства в 37 году до н.э. Вполне возможно, что половина или даже две трети всего Иудейского государства стало его частным владением. Он также владел землями в других странах, например в Арабском царстве, откуда родом была его мать, да и отец вполне мог иметь там собственность.

Кроме того, — и здесь он опять шел по стопам своего отца — Ирод ссужал значительные суммы арабам. Естественно, он взимал с них высокие проценты. Эти займы отчасти являлись причиной частых трений между двумя странами. Займы также служили напоминанием, что Ирод походил на отца еще в одном отношении: как и Антипатр, он был поразительно

предприимчивым дельцом. Тогда как большинство иудеев у себя на родине (хотя и не всюду) предпочитали держаться подальше от торговли, Ирод был весьма далек от таких убеждений. Кроме иерусалимского храма, служившего правительству и его чиновникам национальным банком, он основал царские банки во всех административных центрах. Кроме того, он поддерживал деловые контакты со всем Востоком и конечно же с Римом. В 12 году до н.э. он заключил крайне выгодную сделку с самим Августом, согласно которой он заплатил императору 300 талантов, получив взамен половину дохода от медных рудников Кипра — рудников настолько богатых, что те поставляли медь даже в Индию.

* * *

Огромные масштабы этих операций почти не находили отражения в денежной системе Ирода. Монеты с весьма поучительными рисунками имели довольно непривлекательный внешний вид. Ирод, очевидно, не полностью разделял мнение Августа, что монеты должны быть привлекательным пропагандистским средством. Прежде всего, он ограничивался выпуском разменных денег из недрагоценных металлов (бронзы). Большинству царей-клиентов Рим разрешал только выпуск монет из цветных металлов, к тому же из-за ограниченной внутренней экономики Иудеи Ироду не требовалось исключений (хотя для арабов исключение делалось). Изготовленные в бронзе монеты всех четырех достоинств не отличались большими размерами, чем так любили производить впечатление императоры. Самой мелкой монетой был практически не имевший никакой ценности грош или прута, о котором ученики Гиллеля, в поношение женского пола, говорили:

> «Женщине нельзя доверить и прута или вещи ценой в 1 прута».

Однако этой царской чеканки вполне хватало, чтобы обеспечить большую часть Юго-Западной Палестины мелкой монетой. К ней добавлялись бронзовые монеты, выпускаемые в таких городах, как Аскалон и Гадара. Кроме того, имели хождение, особенно в Галилее и Кесарии, бронзовые монеты сирийских и финикийских городов. Более того, в отличие от царей-клиентов, этим городам иногда позволялось чеканить серебро, которое также находило путь в Иудею. И наряду с этими греческими денежными единицами теоретически имели законную

силу имперские золотые и серебряные монеты, хотя наши сведения о их обращении в Иудее и других частях Востока весьма ограниченны.

Глава 12
МАРК АГРИППА И ИУДЕИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИУДЕИ

А теперь царство Ирода, расширение которого стоило ему стольких трудов, готовилось к визиту имперской особы. С визитом ожидали Марка Агриппу; с ним Ирод уже встречался на Востоке семь лет тому назад; и в тот раз, если не раньше, они подружились.

Агриппа был вторым лицом в греко-римском мире. Правда, он не наследовал императорского трона. Ибо вопроса о наследовании созданного для себя Августом особого положения пока не существовало; его полномочия как принцепса считались имевшими личный характер и ненаследуемыми. Однако он выдал свою дочь Юлию за Агриппу, и она родила еще одного сына. Тогда император немедленно усыновил обоих, поощряя предположения, что оба мальчика или один из них могут в свое время унаследовать его должность. В известном смысле это обрекало Агриппу постоянно находиться в подчинении. Но второй человек в Римской империи по значимости в сто раз превосходил первое лицо в любой другой стране, и с исключительными почестями, которых удостоились его сыновья, влияние его еще более усиливалось. Потому, когда в 17-м или 16 году до н.э. Август снова счел нужным послать своего наместника на Восток, выбор опять пал на Марка Агриппу. Тот поехал вместе с женой, Юлией, игривой женщиной сомнительной нравственности, которую он или его патрон после принятия Августом закона, предусматривавшего наказание за супружескую неверность, считали неблагоразумным оставлять дома.

Тогда, в 15 году до н.э. Агриппа побывал у Ирода в Иудее. Сопровождаемый царем, он посетил множество царских сооружений и крепостей, побывал в Кесарии, Себастии, Александриуме, Геродиуме и Гиркании. В конце поездки он прибыл в Иерусалим, где его разместили в апартаментах нового дворца, носящего его имя. Агриппа давал пиры, а в храме, где еще строился Двор иноверцев, он принес в жертву 100 быков (принятие жертв, принесенных неиудеями, было сложившейся традицией). Его именем назвали один из ворот храма, а иудейский автор Филон пространно распространялся о восторженной реакции людей на его умелое обхождение и тактичные высказывания. «Он совершал благодеяния, какие только мог, не ущемляя ничьих чувств, — рассуждал Филон. —

Они с Иродом осыпали друг друга бесчисленными комплиментами, и в результате его провожали до самого порта, и не только всем городом, но всей страной, устилая путь ветвями деревьев. Своим почтительным отношением к вере он заслужил всеобщее восхищение».

Сам Август, как отмечалось ранее, был не слишком убежден, что национальные культы заслуживают чрезмерного внимания (см, главу 10). Тем не менее внимание Агриппы очень пришлось по душе иудеям, и Ирод, должно быть, почувствовал, что они действительно начинают понимать выгоды, которые несла его проримская политика. Больше того, его личные отношения с Агриппой складывались, как никогда, удачно. Поклонники Ирода утверждали, что Август после Агриппы больше всего любил Ирода, а у Агриппы тот был на втором месте после Августа. Это было немалым успехом. Этим римлянам, безусловно, льстил буквально каждый, но вряд ли кто завоевал у них такую дружбу и доверие.

Агриппа провел зиму на эгейском побережье Малой Азии. Там вскоре стало известно, что он готовит поход против еще одного восточного царства — клиента Рима, Киммерийского Босфора (Крыма), где власть захватил узурпатор, наместник местной царицы, ложно заявивший, что его действия одобрил император. Босфор имел для Рима чрезвычайно важное значение ввиду огромного экспорта зерна, и Август, понимая, что не может закрывать глаза, стал готовить карательные меры. Ирод решил, что в этих условиях ему выгодно, да и Риму полезно, самому принять участие в этом походе. Строительство Кесарии, хотя еще незавершенное, давало ему возможность приступить к созданию флота. В качестве материала для строительства кораблей использовали деревья, растущие близ порта. Об интересе Ирода к военно-морским делам можно судить по морским мотивам на его монетах. В данном случае он следовал примеру хасмонеев. Кроме украшения памятника герою-освободителю Иуде Маккавею в его родном городке Модин форштевнями кораблей они на своих монетах изображали якоря; Ирод теперь делал то же. Он также воспроизводил на монетах декоративный орнамент кормы с монет финикийских городов, позднее ставший излюбленным символом на монетах Аскалона. А на последующих чеканках Ирод изображал боевую галеру.

С вновь созданным флотом с приходом весны Ирод поспешил на север на подмогу Марку Агриппе. Он надеялся присоединиться к нему на Лесбосе, но из-за задержки на Хиосе из-за противного ветра опоздал. Второй раз он разминулся с Агриппой в Византии, но наконец нагнал его в Синопе, на северном побережье Малой

Азии, отсюда было ближе всего до Крыма. Однако в создавшейся обстановке выяснилось, что крымский поход после всего вообще не состоится. Испугавшись приготовлений Агриппы, жители Крыма сами расправились с узурпатором. Покончив с ним, они некоторое время не поддавались намерениям Рима в отношении преемника, но в конечном счете покорились, и у Агриппы отпала необходимость продолжать поход.

В итоге он двинулся через Малую Азию (14 г. до н.э.), пройдя через весь полуосторов до Эфеса (Сельджук) и Самоса. И взял с собой Ирода. Агриппа был признателен ему за готовность помочь и, как подчеркивает Иосиф, находил советы и труды Ирода весьма полезными. Агриппе также нравилось его общество. Видимо, Ирод умел быть интересным собеседником, при этом никогда не забывая, что римлянин символизирует величие имперской власти; или же, говоря словами (довольно нелестными) историка, иудейский монарх демонстрировал не только «преданность в трудные времена, но и почтительность во время передышки».

Долгая поездка вдогонку за Агриппой и длительное возвращение в его компании позволили Ироду осуществить два важных плана. Первый заключался в демонстрации исключительной щедрости многочисленным греческим города м-государствам, через которые он проезжал. Он уже проявлял интерес к такого рода деятельности 26 лет назад, когда ездил к Антонию в Рим; по пути он задержался на Родосе, где облагодетельствовал город щедрыми пожертвованиями. И на этот раз Родос получил дальнейшие пожертвования на строительство храма и кораблей, а Хиосу, где Ирод задержался из-за шторма, пожаловали колоннаду и вдобавок выделили средства на уплату долга островитян Августу. Получил помощь и Самос, а Кос получил средства на бессрочную оплату содержания спортивного наставника. Получили подарки и города вдоль южного побережья Малой Азии, где Ирод останавливался по пути в Черное море. Вероятно, это относилось и к другим городам, которые он посетил на обратном пути вместе с Агриппой; если только он, играя по необходимости роль второй скрипки, не считал более тактичным не так щедро сорить деньгами. Во время этой поездки также произошел случай, когда его секретарю Николаю Дамасскому, сопровождавшему царя и дававшему ему уроки философии, пришлось вступиться перед Агриппой за город Илион (Трою), попавший в беду из-за того, что жена имперского сановника Юлия чуть было не утонула в местной речке.

* * *

Николай также воспользовался близостью к Агриппе и поддержал обращение иудеев западной части Малой Азии. Отсюда становится ясно, что одно из соображений, которыми руководствовался Ирод, проявляя щедрость по отношению к греческим городам полуострова, состояло в том, что он надеялся убедить их лучше обращаться с иудейскими колониями. Правда, он любил демонстрировать щедрость просто ради того, чтобы создать впечатление и пустить пыль в глаза, но от нее была и польза, так как это помогало местному иудейскому населению.

Почти в каждом городе греко-римского мира имелись иудейские общины. За многие столетия, еще со времени разрушения Иерусалима Навуходоносором в 586 году до н.э. всевозможные причины: войны, изгнания, рабство, перенаселенность на родине, прозелитизм и возрастающий вкус к торговле — все это способствовало образованию и распространению иудейской диаспоры. Когда во II веке до н.э. Рим поддерживал националистическое движение хасмонеев, безымянный иудейский пророк с гордостью утверждал, что его соотечественники и единоверцы уже рассеялись по всему миру.

Весьма значительная колония существовала в Египте, особенно в столичной Александрии, где она, возможно, достигала трети населения. С нею покончено только в наши дни — последние 90 семей уехали в 1970 году, оставив только четыре семьи. Да и в Риме число иудеев во времена Ирода, возможно, составляло 8000. Многие из них принадлежали семьям, высланным в столицу Помпеем, но впоследствии освобожденным; Цицерон выражал недовольство по поводу их способности заручаться поддержкой влиятельных лиц. Римская община группировалась вокруг тринадцати синагог. Две из них были названы в честь Августа и Агриппы, как бы символизируя признание этих иудейских объединений римским законом. Ибо и в столице, и в провинциях на иудеев не распространялся запрет на объединения. Более того, как с удовлетворением сообщает Иосиф, римское правительство неоднократно принимало меры по защите их от властей и жителей городов-государств, где они проживали.

Такая терпимость отчасти становилась делом принципа, поскольку римляне готовились терпеть и защищать все культы, если только те не были неприемлемы по политическим или моральным соображениям или не злоупотребляли обращением других в свою веру. А другая причина римской терпимости состояла в том, что множество иудеев проживало в Парфянской империи и в приграничных районах; Рим не желал, чтобы они заносили в иудейские общины заразу неверности.

К тому времени эти оградительные эдикты, как свидетельствует сама их повторяемость, были явно необходимы. Ибо иудеи на протяжении нескольких сот лет становились все более непопулярными в тех группах населения, среди которых они проживали. Порой это были просто предрассудки со стороны последних — полное невежество, которое так беспокоило Иосифа. А его коллега Тацит, к примеру, называет некоторые из их обычаев дурными и отталкивающими. Но Тацит намного ближе к истине, когда он в том же отрывке выражает недовольство тем, что все разбросанные по многим странам иудеи взяли за обычай слать пожертвования иерусалимскому храму. Это правда, что каждому иудею мужского пола старше 20 лет, где бы он ни находился, полагалось ежегодно вносить на храм половину шекеля (два серебряных денария или две драхмы). Это кроме разнообразных десятин, уплачиваемых натурой, и дополнительных добровольных пожертвований. Деньги собирали местные иудейские банкиры, взимавшие комиссионные, а собранные деньги пересылали в Иерусалим, где они аккуратно распределялись по назначению — на поддержание сооружений, содержание служителей и жертвоприношения в храме.

Сегодня много говорят о том, что современный Израиль живет за счет мирового еврейства; и, по крайней мере что касалось храма, то же самое было в древности. Но неиудейское население в разных частях мира очень раздражало, что столько денег, которые, по их мнению, должны были идти на общее благо их собственных общин, уходят в Иерусалим, принадлежащий совсем другой области и другому народу.

Все это представлялось неотъемлемой составной частью той обычной отчужденности, символизировавшейся бескомпромиссным монотеизмом иудеев. В том же духе они признавали своим духовным главой первосвященника, а не императора, что, по мнению их соседей-неиудеев, могло легко обратиться в открытое предательство. Более того, терпимость к иудеям со стороны центрального правительства означала, что они освобождались от принятых греко-римских религиозных обрядов. Другими словами, они не были обязаны принимать участие в патриотических мероприятиях, связанных с почитанием правителей. Далее, невозможность работать по субботам была предлогом, чтобы в эти дни не работать и не являться в суд, а в некоторых случаях они по этой причине освобождались от военной службы.

Однако их противники в городах, особенно в Малой Азии, каждый день посягали на эти привилегии, пользуясь тем, что иудеи не обладали правами местных граждан, и, когда Марк

Агриппа с Иродом прибыли в Ионию на западном побережье полуострова, проживающее там многочисленное иудейское население выплеснуло обильные жалобы по поводу преследований, которым они подвергались. Агриппа созвал на совет римских чиновников и азиатских князей, чтобы выслушать их сторону. По желанию Ирода сторону иудеев защищал Николай Дамасский, хотя сам он являлся язычником. Иосиф воспроизводит его речь. Большинство изложенных Иосифом, как и другими античными историками, речей более или менее вымышлены: они лишь дают понять, что могло бы сказать то или иное лицо в пользу или вразрез с интересами Ирода. Но поскольку Николай был для Иосифа основным источником и Иосиф особо подчеркивал, что тот подробно описал это событие, данная речь, возможно, является подлинной.

Николай весьма обстоятельно изложил доказательства и аргументы иудеев, по современным понятиям он был определенно многословен. Он обратил внимание Марка Агриппы не только на совершенство древнееврейского Закона, но и на его древность; иудеи при любом удобном случае подчеркивали, что их обычаи и установления старше греческих и римских. Однако, далее подчеркивая политическую поддержку Рима, он говорил, что эта поддержка лежала в основе всей политики Ирода. В заключение Николай указал, что те жители греческих и эллинизированных городов-государств, которые покушаются на привилегии, дарованные римлянами другим (то есть иудеям), подрывают безопасность всего населения, создавая обстановку, в которой впоследствии могут пострадать и их собственные привилегии.

Агриппа решил в пользу иудеев. Согласно первой версии Иосифа, он лишь сказал, что было бы неразумно менять правила — другими словами, что он вынужден придерживаться уже принятых в ряде случаев его правительством проиудейских указов. Но когда Иосиф позже вернулся к этим событиям (см, главу 17), Агриппа у него заговорил более милостиво, хотя и несколько противоречиво: во-первых, он, как утверждалось, сказал, что доводы иудеев справедливы и поэтому нельзя препятствовать им следовать своим обычаям; а во-вторых, он решил в их пользу по причине своей дружбы с Иродом.

Царь подошел к Агриппе и обнял его; Агриппа ответил ему объятием «как равному». Вскоре, в 13 году до н.э. он вернулся из Митилены в Рим. Что касается Ирода, тот отправился морем в свой новый порт Кесарию, а оттуда в Иерусалим, где объявил огромному скоплению горожан и соотечественников об успехе своих усилий в пользу иудеев диаспоры, добавив, что не забыл

замолвить перед Агриппой слово и о нуждах самой Иудеи: «Он не упустил ничего, что могло бы пойти им на пользу». Чтобы отметить этот успех, на четверть были снижены подати за истекший год. Ирод приобрел широкую популярность.

Часть третья
ПАДЕНИЕ

Глава 13
ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНОВ НАСЛЕДОВАНИЯ

Казалось, дела у Ирода пошли хорошо. Но ему было шестьдесят — для того времени на Ближнем Востоке довольно преклонный возраст, — и он прожил трудную жизнь. Неизбежно должны были начаться спекуляции вокруг возможного наследника.

Здесь уже упоминалось о неясностях с наследованием в имперском Риме. Но еще запутаннее обстояло дело в таком царстве, как Иудея, где монарх в разное время имел целую вереницу жен. Ибо Ирод со временем увеличил их количество с четырех, упоминавшихся на этих страницах, по крайней мере до десяти (см, генеалогическую таблицу). И у него имелось по меньшей мере пятнадцать детей, а по всей вероятности, больше: кто же из них должен был стать наследником? Правда, теоретически цари-клиенты оставляли вопрос о наследнике на усмотрение императора — если, так сказать, этот вопрос стоял вообще, потому что после смерти царя Рим вполне мог принять решение об аннексии. Но никто не сомневался в том, что Ироду принадлежало в этом деле не последнее слово.

Вопрос уже дал о себе знать примерно в 17 году до н.э. Старшим из сыновей Ирода был Антипатр II от его первой жены Дорис. Но оба уже 20 лет как были удалены от двора, и у Ирода относительно них пока не было никаких планов. Не проявлял он особого интереса и к своему отпрыску от жены-самаритянки Малфаке или к сыну второй Мариамны, отец которой был произведен в первосвященники. Больше других его интересовали сыновья от первой Мариамны, которую Ирод очень любил; она была хасмонейкой, и, несмотря на все его беды с хасмонейским домом, он предпочел продвигать этих мальчиков царских хасмонейских кровей. Двое молодых людей, Александр III и Аристобул IV, завершали учебу в Риме, и Ирод сам поехал за ними. Возможно, он ездил туда на прекрасно организованные Секулярные игры 17 года до н.э. которыми Август прославил Вечный город и собственную власть.

Во всяком случае, Ирод вернулся в Иудею с двумя юношами и очень скоро нашел им знатных невест. Александр женился на Глафире, дочери Архелая Сизиния, царя Каппадокии, большого государства-клиента на востоке Малой Азии, игравшего важнейшую роль в восточной пограничной системе Рима. Названной в честь бабки, известной соблазнительницы, некогда,

возможно, прельстившей Антония, Глафире нравилось подшучивать над Иродом за то, что он выбирал себе жен по красоте, а не по воспитанию. Но царю она все равно очень нравилась. Другой сын, Аристобул, женился на своей кузине Беренике, дочери сестры Ирода Саломеи II. Никто не сомневался, что этих молодых людей готовили в наследники Ирода. И они пользовались популярностью, потому что по материнской линии были последними оставшимися в живых представителями хасмонейского дома, который когда-то освободил Иудею; к тому же, благодаря соответствующей аристократической внешности и манерам, они хорошо подходили к — предназначенной им роли. К сожалению, однако, оба держались надменно и вели себя бестактно, особенно со своей теткой Саломеей, чье низкое, по сравнению с собственным, происхождение они демонстративно подчеркивали. Разрядить обстановку ничуть не помогали и их молодые жены. Не уступавшая в снобизме Александру Глафира не уставала напоминать всем и каждому о том, что с обеих сторон она — обладательница самых что ни на есть древнейших кровей, а уж с материнской стороны в ней течет кровь богов. Что до супруги Аристобула Береники, то тот относился к ней с презрением, а она без удержу выбалтывала своей матери Саломее все его безрассудные высказывания в их адрес. Он без конца выражал недовольство тем, что, тогда как его брату досталась принцесса, ему лишь позволили жениться на простолюдинке. Но оба соглашались в одном: что когда они в конце концов достигнут трона, то их мачехи встанут за ткацкие станки рядом с рабынями, а сводным братьям достанутся должности деревенских писарей. Слышали также, как они оплакивали потерю родной матери, Мариамны I.

Саломея; поддерживаемая Феророй, передавала все эти неблагоразумные откровения Ироду в надежде, что это навлечет на молодых людей его немилость и приведет их к гибели. В результате всего этого атмосфера при дворе была в высшей степени напряженной. Ирод не имел ни дня, ни часа покоя, пишет Иосиф, ибо среди родственников и близких друзей то и дело возникали ссоры. И Ирод, бывший подозрительным человеком и всегда старавшийся защитить своих идумейских родственников, постепенно убеждался в справедливости некоторых обвинений, выдвигавшихся в адрес Александра и Аристобула. Это побудило его отказаться от мысли сделать их своими наследниками. Он вернул из изгнания их сводного брата, своего старшего сына Антипатра, и стал оказывать ему знаки своего расположения. Так, когда Марк Агриппа весной 13 года до н.э. возвращался в Рим, Ирод попросил его взять с собой Антипатра, и Агриппа

согласился. Молодой человек должен был доставить требующий одобрения императора важный документ. Это было первое завещание Ирода, и в нем говорилось, что в соответствии с категорическими положениями иудейского закона о первородстве предполагалось сделать наследником царя именно Антипатра. Одновременно матери его Дорис разрешили вернуться в Иерусалим.

Возвышение Антипатра круто меняло положение, и отец, который так неожиданно то вселял надежды, то рушил планы и расчеты членов семьи, вряд ли мог избежать последствий. Более того, в чем бы ни состояла вина Александра и Аристобула, предпочтительность выбора Антипатра как старшего сына более чем сводилась на нет его злобным нравом и необычайным коварством, величайшей способностью обманывать, шпионить и делать грязную работу чужими руками. Ирод явно недооценивал безмерную неистребимую озлобленность, накопившуюся у Антипатра и его матери за время долгой ссылки в дикие края. После возвращения в Иерусалим Дорис только тем и занималась, что плела интриги против своих пасынков Александра и Аристобула, а Антипатр занимался тем же, находясь в самой выгодной точке — столице империи. Они с матерью не были слишком уверены в долговечности своего неожиданного головокружительного взлета, и их единственной заботой было окончательно разделаться с двумя юношами, которые все еще казались им самыми опасными потенциальными соперниками.

Ирода снова почти убедили в неверности Александра и Аристобула, и чуть погодя ему захотелось поехать с ними в Италию, чтобы Август сам рассудил, что они за люди, и вынес свое решение. Это, разумеется, было ошибкой. Император нуждался в царях-клиентах, которые бы преуспевали в делах и обеспечивали безопасность империи, и ему меньше всего хотелось разбираться в их домашних дрязгах. Но видимо, Ирод считал, что не может не посоветоваться с Августом, поскольку события затрагивали вопрос престолонаследия в его царстве: вопрос, последнее слово в котором принадлежало императору, но тому наверняка требовался совет Ирода. А воля последнего теперь коренным образом изменилась — вместо не совсем определенного понимания, что его наследниками будут Александр и Аристобул, в его первом завещании конкретно назывался Антипатр. Царь, вероятно, думал, что Август легко согласится с его предложением, если узнает о пороках молодых людей из первых рук. Во всяком случае, Ирод нуждался в поддержке более могущественного лица: брали свое проклятья многоженства, собственная подозрительность, растущая с годами

нерешительность, и Ирод начинал сомневаться в собственных суждениях.

Итак, не упуская случая демонстрировать дружественные жесты, включая дары Афинам и согласие на почетное председательство на Олимпийских играх, Ирод с Александром и Аристобулом отправляется на встречу с Августом в Аквилее на Адриатике. Выслушав обвинения против молодых людей, император не счел их достаточно вескими; предположение, что они, по существу, намеревались убить Ирода, было явно беспочвенным, а взволнованное заверение Александра в их преданности выглядело достаточно убедительным. Август отверг обвинения в их адрес, в то же время дипломатично допустив, что оба заслуживают упрека, поскольку дали повод для такой молвы. После этого он убедил Ирода забыть обиды и помириться с обоими юношами, и тот, как и следовало, простил их. В качестве особой любезности Ирод получил заверение, что, когда придет время, ему будет позволено самому назначить себе наследника — необычная уступка монарху-клиенту, свидетельствующая, что, несмотря на все скандалы, вера Августа в эффективность его правления не была подорвана. Итак, Ирод, вручив императору 300 талантов в качестве пожертвования на зрелища и бесплатный хлеб жителям Рима, вернулся домой с прощенными им сыновьями. С ними же вернулся и их старший сводный брат, делавший вид, что в восторге от этого примирения.

Когда все они вернулись в Иерусалим, Ирод направился в храм, где обратился к народу. Воздав благодарность Богу и императору за восстановленное согласие в семье, он сделал сообщение о порядке престолонаследия. Сам он, по его словам, не намерен при жизни отказываться от власти — об этом его якобы настоятельно просил Август — но что Антипатр, Александр и Аристобул будут в дальнейшем возведены в более высокое достоинство, так, как после его ухода они поделят царство между собой. Иными словами, Ирод оставил мысль о передаче царства как единого целого Антипатру или кому-либо еще. И все же за Антипатром оставалось первое место; практический смысл приоритета оставался неясным, но его существование было бесспорным. В подтверждение можно отметить, что в свое время Антипатру предстояло взять в жены дочь Антигона, последнего хасмонейского царя.

Антипатр, однако, был далеко не удовлетворен новым решением, с его точки зрения — явным отходом от успеха, которого он достиг, когда совсем недавно вез Августу первое завещание Ирода. Потому что новый план означал, что его сводным братьям, пусть даже ниже его по положению,

предназначалось делить с ним власть и тем самым ослаблять его собственное положение. Они, в свою очередь, также выражали недовольство, что, несмотря на их освобождение от всех обвинений в неверности, Антипатру все еще отводилось в будущем первое место. Кроме того, в отличие от Антипатра, они имели привычку выражать свои чувства вслух, а сказанное ими могло дойти до Ирода. Поэтому Антипатр с матерью снова принялись подрывать репутацию братьев и постарались, чтобы и Саломея с Феророй добавили яду в уши царя.

* * *

Итак, достигнутое при содействии Августа примирение в семье Ирода продолжалось недолго. Теперь решил попробовать еще один посредник. Им был монарх — клиент Каппадокии Архелай, отец молодой жены Александра Глафиры. По пути из Аквилеи Ирод с, сыновьями заезжали к Архелаю в его новую южную островную столицу Елеус — Себастию (Айас) заверить его, что согласие в семье восстановлено. Теперь, когда снова начались неприятности, Архелай решил съездить в Иерусалим и посмотреть, что можно сделать.

Он увидел, что его зять и дочь действительно попали в трудное положение и им грозит опасность. Молодой Александр, словно стараясь подтвердить, что Содом является частью идумейской территории, обвинялся в небывалом подвиге — соблазнении всех трех любимых евнухов Ирода, подвергнув, если это было правдой, опасности самого царя, а его дознаватели выявили кучу компрометирующих молодого человека сведений. Он, например, заявлял, что Ирод, чтобы выглядеть моложе, красит волосы. Более того, сообщалось, что Александр говорил, якобы рядом с отцом он всегда сутулится, дабы не выглядеть выше его ростом, тем самым задевая тщеславие Ирода, и добавлял, что, когда они вместе охотились, он умышленно «мазал», чтобы скрыть от отца свою меткость. Кроме того, один юноша под пыткой сообщил, что Александр намечал охоту, во время которой намеревался убить отца, а на случай неудачи у Александра в Аскалоне был приготовлен яд.

Были ли сии разоблачения правдой? Может быть, да, а может быть, нет. Но во всяком случае, Александр начал готовить письменное признание. Как раз в это время явился Архелай. С поразительной проницательностью тот разобрался в душевном состоянии Ирода и сумел восстановить всеобщий мир. Ирод, как и все остальные, был так обрадован, что подарил своему коллеге

наложницу, которую звали Паннихис («Вся ночь»), и проводил его до самой Антиохии. Позднее он отплатил эту неоценимую услугу, уладив недоразумения, возникшие у Архелая с римским наместником в Сирии Марком Титом, богатым и могущественным приспешником Августа.

Глава 14
ВТОРАЯ АРАБСКАЯ ВОЙНА

Когда сын Ирода Александр, страшась гнева отца, представил трусливое признание своей вины, то заодно добавил, что его тетка Саломея и дядя Ферора тоже были неверны царю. Что касается Фероры, истину установить трудно, но обвинения в адрес Саломеи просто невероятны. А ведь эта неприятная особа была по-своему предана брату. В прошлом Ирод не дал ей выйти замуж за арабского главного министра Силлея, и теперь Александр заявляет, что она передает Силлею иудейские государственные секреты. Обвинение было почти наверняка ложным и совершенно не тронуло Ирода.

Но отношения между иудеями и арабами действительно опять сильно ухудшились. Силлей никак не мог забыть об оскорблении, связанном со сватовством, а потом потерпел еще одну унизительную неудачу, когда Август отказал ему в покупке Авранитиды (Юго-Восточной Сирии) и вместо этого отдал ее Ироду. Теперь Силлей решил вернуть свое, причем двумя путями. Во-первых, его правительство не проявляло намерений выплачивать долг Ироду, хотя в соглашении оговаривалось, что в случае отказа от обязательств Ирод получал право силой получить должное, вторгшись на территорию должника. Во-вторых, когда в 12 году до н.э. Ирод находился в Аквилее, еще одна приобретенная им сирийская территория за 11 лет до этого, горная Трахонитида, взбунтовалась против его правления, и, когда бунт подавили, 40 его главарей бежали на арабскую территорию. Силлей дал им убежище и предоставил крепость, откуда они могли свободно совершать набеги через иудейскую границу. Ирод перебил всех их родственников, которых только мог захватить, но не мог достать самих бунтовщиков, которые тем временем переманивали множество его подданных на свою сторону.

Положение достигло предела в 10 году до н.э. когда Ирод официально обвинил Силлея перед лицом нового наместника в Сирии Гая Сенция Сатурнина и прокуратора провинции. Сатурнин, надежный и способный военачальник, зарекомендовал себя свойственной старым временам суровостью. Они с коллегой дали Силлею 30 дней на то, чтобы вернуть подданных Ирода и выплатить долг. Силлей не выполнил обязательств, и Ирод получил от «окружения» Сатурнина и прокуратора полномочия принять меры к нарушителям.

В результате Ирод пошел походом на арабскую территорию, где захватил главную крепость бунтовщиков Раипту (вероятно, Галаат-эр-Рабад в Аджлуне, на северо-западе Иордании). Пытавшийся освободить крепость арабский отряд был отбит, а его командир Насеб (Нагиб), родственник Силлея, погиб. Ирод с победой вернулся домой с пленными и добычей и приказал подкрепить Трахонитиду, поселив там три тысячи идумеян, которых позднее усилил, разместив в соседней Батанее 500 конных лучников — вавилонских иудеев.

Но в отношении полученных Иродом из Сирии распоряжений возникло какое-то недоразумение. Или же, получив разрешение напасть, он истолковал его слишком вольно; его поход на арабов, видно, был более внушительным и причинил больше ущерба, чем ожидалось или считалось допустимым. Во всяком случае, Август, узнав в Риме о случившемся, пришел в ярость. К великому несчастью для Ирода, в имперской столице как раз в это время находился сам Силлей. Он поспешил туда, как только начались неприятности, остановившись в Милете (на западе Малой Азии) для торжественного посвящения своему национальному божеству Юпитеру таблички с молитвой на латинском и греческом языках о благополучии «брата своего» короля Обода III.

В свой первый приезд в Рим Силлей, не теряя времени, постарался оказать нажим на правительство, и именно поэтому накануне карательного похода против своих бунтовщиков Ироду не удалось заручиться значительной римской поддержкой. Август изменил свое отношение к нему где-то в 10-м или 9 году до н.э. До того времени император все еще был расположен к нему: он и его жена Ливия щедро одарили его 500 талантами, чтобы отметить посвящение нового города — Кесарии — и оплатить расходы на связанные с этим событием народные празднества. Однако вскоре пришла ужасная весть о вторжении Ирода в арабские земли. Лично докладывавший об этом Августу Силлей не жалел красок, утверждая, что от рук Ирода погибло 2500 арабов.

Сам он, подчеркивал Силлей, «ни за что не покинул бы страну, если бы не был твердо уверен, что сам принцепс постоянно заботится о том, чтобы все жили в мире». Ехидное замечание пришлось к месту, так как Август считал абсолютно недопустимым нападение одной монархии-клиента на другую. Более того, несмотря на все усилия римских друзей Ирода довести до императора аргументы царя, тот совершенно не допускал возможности, что Ирод действовал с явного согласия римских властей в Сирии.

Последствия были ошеломляющие. Август в весьма резких

тонах написал Ироду, давая понять, что если до того он считал его другом, то отныне будет относиться к нему как к простому подданному. Атмосфере вежливого дружелюбия, господствовавшей в отношениях между имперской нацией и монархией-клиентом, был положен конец, а доверие императора, которое Ирод завоевывал и взлелеивал на протяжении 20 лет, полностью утрачено. Представляется вероятным, что в том же послании Август лишал Ирода исключительной привилегии самому назначать наследника.

* * *

Как и следовало ожидать, когда известие о потере Иродом благосклонности Августа достигло Леванта, ему стоило трудов удержать контроль над своим царством. Узнав об этой новости, горцы Трахонитиды не замедлили снова поднять мятеж, зверски уничтожив множество из поселенных там Иродом 3000 идумеян. К этому мятежников, естественно, поощряли арабы.

Но в этот момент решающие события произошли и у арабов. Умер старый немощный царь Обод III (9 г. до н.э.), которого подчинил Силлей. Трон захватил один из врагов Силлея, присвоивший себе царское имя Арет (Харит) IV. В глазах Рима это был еще более возмутительный шаг, чем военная авантюра Ирода, поскольку решение вопроса о престолонаследии принадлежало императору. Более того, в данном случае Август, возможно, после смерти Обода вообще не намеревался сохранить эту не устраивающую его монархию. Видимо, он подумывал, и не однажды, о прямой аннексии. Но это создавало бы большие неудобства, поскольку значительно увеличивалась протяженность восточной границы. Поэтому другим заслуживающим внимания решением была бы передача царства в руки более надежной царской линии. Раньше император думал о передаче всего Арабского государства Ироду. Но теперь, когда Ирод попал в немилость, император, разумеется, не мог питать таких намерений. Еще одним вероятным кандидатом на арабский трон был Силлей: будучи в Риме, он обсуждал возможность получения номинальной царской власти в дополнение к реальной, которой он уже обладал. Во всяком случае, его, как и Августа, дворцовый переворот в Петре застиг врасплох, и, когда посланцы Арета прибыли в Рим, Силлею было нетрудно убедить императора не принимать их.

Итак, и арабский, и иудейский цари попали в немилость к западной державе, и оба из-за одного и того же человека —

Силлея. Это, естественно, способствовало сближению обоих монархов, и, забыв об арабо-иудейской вражде, они вместе задумали уничтожить своего общего врага. Эта задача была возложена на неутомимого и велеречивого секретаря Ирода Николая Дамасского. В 7 году до н.э. он отправился в Рим и по предварительному согласию с посланцами Арета предъявил Силлею перед лицом императора страшное множество обвинений.

Больше других внимание Августа привлекло обвинение Силлея в том, что тот грубо преувеличил потери арабов во время вторжения иудеев, на самом же деле потери составили всего 25 человек. В результате император, не выносивший преднамеренного обмана, резко изменил свое отношение ко всем участникам конфликта. Единственным наказанием для Арета было нравоучение о неприемлемости захвата трона без разрешения. Но потом его восшествие на престол получило официальное одобрение. Оказавшегося в весьма плачевном положении Силлея отослали обратно со строгим наказом расплатиться с Иродом по всем долгам. Вскоре после того, как он затеял новые козни и попытался организовать покушение на Ирода, Август приказал его казнить.

Ирод, с другой стороны, вернул расположение императора; очевидно, не такое, каким он наслаждался прежде, но вполне достаточное, чтобы предотвращать мятежи и беспорядки в стране и на ее границах.

Глава 15
НИЗВЕРЖЕНИЕ СЫНОВЕЙ ИРОДА

Тем временем с новой силой вспыхнули грязные интриги вокруг сыновей Ирода. Результаты посредничества царя Каппадокии Архелая, попытавшегося в 9 году до н.э. примирить членов царского дома, оказались еще недолговечнее, чем такая же попытка Августа за несколько лет до того.

На сей раз разлад внес посетивший Иудейское царство еще один правитель-клиент, довольно неприятная личность, Эврикл из Спарты (ок. 7 г. до н.э.). Гай Юлий Эврикл, сын морского разбойника, был в Греции самым большим человеком. За услуги семье Августа, а впоследствии за очень важную помощь во время операции при Акции его практически сделали диктатором «свободного» города-государства Спарты и других областей Пелопоннеса. Однако теперь он нуждался в деньгах, и тут ему пришла в голову мысль, как оказалось, к месту, поправить свои дела, окунувшись в домашние интриги семьи Ирода, который, похоже, должен был оказать ему ответное гостеприимство.

Так что, приехав погостить, Эврикл вошел в доверие не только к Ироду, но и к двум враждующим между собой сыновьям — Антипатру и Александру, а также к жене Александра Глафире. Александр, как всегда опрометчиво, выложил кучу жалоб по поводу своего положения. Эврикл рассказал все это Антипатру и Ироду, оба в благодарность за полученные сведения щедро его одарили — царь выдал 50 талантов. Затем по пути домой Эврикл заехал в Каппадокию к Архелаю, которому сообщил (заведомая ложь), что помирил его зятя Александра с Иродом. И тоже получил денежное вознаграждение. Приятно узнать, что спустя несколько лет Эврикл умер изгнанным Августом из Спарты. Хотя члены его семьи позднее вернули власть и воздали ему посмертные почести.

Но, как видим, до своего падения Эврикл причинил много вреда Аристобулу и Александру. Не случайно, с характерной непереводимой игрой слов, Август заметил: «Я бы предпочел быть у Ирода свиньей, чем его сыном». Ибо свинье, по крайней мере, не грозила смерть от рук верующего еврея, тогда как положение его сыновей, Аристобула и Александра, к тому времени было отчаянным. Очень скоро новые пытки их домочадцев вкупе с обнаружением компрометирующего письма дали свидетельства заговора с целью убийства Ирода. Царь, страдавший галлюцинациями, когда ему чудилось, что на него надвигается

Александр или уже стоит над ним с обнаженным мечом, вытащил его с братом на суд народа в Иерихоне, где их чуть не растерзали, не вступись за них Ирод. Их бросили в тюрьму. Однако они лишь признались в том, что ради спасения своей жизни собирались бежать из страны. Но Ирода убедили, что существовал заговор с целью его убийства. Он также считал, что в нем был замешан тесть Александра Архелай Каппадокийский. Но и от него поступило заверение, что он лишь собирался предоставить молодым людям убежище — не по злому умыслу против Ирода, а чтобы уберечь царя от самого себя.

Ирод написал и Августу. Но он уже утратил былую способность возбуждать интерес и завоевывать благосклонность императора. Вдобавок к изрядно надоевшей арабской истории — зачинщиком которой Август, по общему признанию, ошибочно считал Ирода — ему, должно быть, ужасно не хотелось второй раз заниматься весьма неприглядными делами иудейского двора. К тому же посланцы Ирода неудачно выбрали момент для вручения императору послания. В это самое время он ломал голову над тем, что делать с Арабским царством. Если Август снова стал подумывать о передаче его Ироду, изложенные в послании плачевные семейные дела наверняка положили бы конец подобным мыслям.

Тем не менее Август, как и подобает первоклассному администратору, продемонстрировал терпение и дипломатическое мастерство. Он ответил, что вся эта ситуация сильно его расстроила и, если юноши действительно готовили убийство отца, тот может с полным правом подвергнуть их соответствующему наказанию. Но если они намеревались всего лишь бежать из Иудеи, то, по-видимому, будет достаточно выговора. Император также посоветовал Ироду не решать все это дело самому, а созвать за пределами королевства, в Берите (Бейруте), специальный суд. В его составе должны быть не только его собственные советники и другие важные лица из различных кругов, но и главные римские персоны сирийской провинции и царь Каппадокии Архелай. Поскольку все это вызывающее огорчение дело вряд ли можно было замолчать, Август настаивал, чтобы оно решалось более открыто, достойно и законно.

В основном Ирод действовал в соответствии с этими советами, равносильными приказанию. Но в одной-единственной детали он от них отошел: не пригласил Архелая, которого отныне считал своим врагом. Убрав с дороги Архелая, Ирод мог не опасаться за исход судебного разбирательства. Репутация его в Сирии была весьма высокой. Наместник Сатурнин, его личный друг, посылавший на слушание дела своих знатных людей,

предоставил ему резиденцию поблизости от главного города провинции — Антиохии, а Ирод, в свою очередь, подарил городу роскошную крытую вымощенную мрамором колоннаду вдоль главной улицы.

Выбор Берита местом суда также его вполне устраивал. Этот древний финикийский город-порт в 16 году до н.э. превратили в колонию римских граждан, куда прибыл на поселение контингент бывших легионеров. В городах на принадлежавшей Ироду территории подобных прецедентов не было, но такое подкрепление его проримской политике вблизи собственных границ его устраивало. Преобразованному подобным образом Бериту Август даровал обширные земли, включая, возможно, важную святыню — Гелиополь (Баальбек). Он тоже, будто Ирод предвидел, являлся объектом его личных солидных пожертвований, включая колоннады, храмы и прекрасные рынки. Все это создавало благоприятную для него атмосферу. Уверенный в себе Ирод вообще и не собирался доставлять сыновей на суд в качестве обвиняемых, а поместил их в соседней деревне Платана (Арамайн), принадлежавшей городу Сидон, в жителях которого он тоже был полностью уверен, поскольку раньше подарил сидонцам театр.

Последовавший за тем процесс превратился в посмешище. Суд, несмотря на полторы сотни видных персон в его составе, просто сдался на милость Ироду.

* * *

Римский наместник в Сирии Сатурнин официально выразил осуждение, но призвал к милосердию; он сам был отцом и понимал, как ужасно предавать своих сыновей смерти. Трое его сыновей выразили такое же мнение. Прокуратор более логично выступил за смертную казнь, и большинство остальных членов суда последовали за ним. Ирод был удовлетворен и, забрав с собой сыновей, отправился домой.

В Тире его встретил только что вернувшийся из Рима Николай. Ирод расспросил его о том, как отнеслись к делу в Риме. Николай ответил, что общее мнение таково: если даже Александр и Аристобул виновны, все же благоразумно проявить сдержанность и простить их. Если он не в состоянии заставить себя их простить, можно держать их в тюрьме. Но предавать молодых людей смерти сочли бы варварством и мстительностью. Ирод несколько смутился таким известием и заколебался. Вместе с сыновьями он продолжил путь в Кесарию.

Судебное разбирательство признали достойным сожаления, но были ли виновны юноши? В написанной после смерти Ирода автобиографии Николай выражает неуверенность. Достаточно вероятно, что они тайно замышляли покинуть царство и царь Архелай был их сообщником. Но также весьма возможно, что они действительно намеревались убить отца, поскольку десять лет непрекращающейся клеветы и злословия полностью восстановили его против сыновей и они уже не видели другого способа спасти себе жизнь. К тому же имеются свидетельства, что они могли пользоваться поддержкой в армии, где еще, вероятно, оставались прохасмонейски настроенные элементы: двое из числа тех, у кого вынудили признания, были офицерами, уволенными Иродом и принятыми на службу Александром.

Многое зависит от нашей оценки письма, которое использовалось в качестве улики против двух братьев. Утверждалось, что это послание написал Александр начальнику крепости Александриум. В нем говорилось: «Когда мы с Божьей помощью выполним все, что задумали, то приедем к вам. Только позаботься, как обещал, впустить нас в крепость». Александр настаивал, что письмо было фальшивкой, сфабрикованной одним из царских секретарей по сговору с Антипатром. Но оно вполне могло быть подлинным.

В самом деле, когда Ирод вернулся в Кесарию, разговор со старым другом, отставным высокопоставленным военачальником Тироном, укрепил его в мысли о существовании планов военного мятежа. Тирон очень смело поддержал совет Николая проявить сдержанность. В ходе беседы он особо подчеркнул, что молодым людям сочувствует не только население, но и армия. Слова старого солдата, слишком прямолинейные высказывания по поводу утраты Иродом прежде непревзойденного рассудка стоили жизни ему и его сыну. Та же судьба постигла ставшего доносчиком на Тирона царского брадобрея. После этого Ирод принялся за весь офицерский корпус, попавший под подозрение из-за высказываний Тирона. Под арестом оказались 300 военачальников. После пародии на народный суд их бросили на растерзание толпы.

Александра с Аристобулом отправили в Себастию и там удушили (7 г. до н.э.). Тела ночью перевезли в Александриум и тайно похоронили рядом с хасмонейскими предками.

Их смерть, кульминация продолжавшихся десять лет вокруг них семейных раздоров, казалось бы, ставила Антипатра в сильнейшее положение. Однако он совсем не испытывал чувства покоя, ибо постоянно жил под страхом, что весть о его нескончаемых безобразных интригах прошлого и особенно о

фатальной роли, которая привела к гибели двух его сводных братьев, когда-нибудь дойдет до ушей Ирода. У него имелись особые основания опасаться своей тетушки Саломеи, способной добывать, в том числе и о нем, вызывающую неудобства информацию. Например, не так давно она донесла Ироду, что он не отказывал себе в удовольствии участвовать в неафишируемых холостяцких пирушках у своего дяди Фероры. Как увидим в следующей главе, из-за натянутых отношений Ирода с Феророй Антипатру было приказано держаться от него подальше, а его матери Дорис запрещено общаться с женой Фероры.

Еще одно обстоятельство постоянно беспокоило Антипатра. Пусть даже число его сводных братьев убавилось на двух человек, слишком много еще оставалось в живых — практически не менее пяти, и любой из них по капризу их отца вполне мог возвыситься, став его соперником. Его также беспокоила забота Ирода о том, чтобы дать этим сыновьям хорошее образование. Он, в частности, в 8 году до н.э. послал троих из них в Рим, на этот раз поселив их у иудея, дабы избежать недружелюбных комментариев соотечественников. Это были Архелай II и Антипа II, сыновья самаритянки Малфаке, и Филипп, сын Ирода от пятой жены, иудейки с вызывающим неприятные ассоциации именем — Клеопатра.

Беспокойство Антипатра еще более усилилось, когда в 6 году до н.э. царь собрал совет из своих друзей, чтобы представить им своих внуков — детей его казненных недавно сводных братьев, Александра и Аристобула. Хотя эти мальчики и девочки были еще очень малы, Ирод строил внушительные планы их внутрисемейных браков в тщетной надежде загасить кровавую вражду между хасмонейской и идумейской сторонами. Было видно, что дети пользовались всеобщей любовью и расположением. Это совсем не устраивало Антипатра, и, чтобы самому оставаться в центре внимания, он, набравшись храбрости, упросил отца изменить брачные приготовления родственников. И несмотря на все его опасения, он в тот момент пользовался таким влиянием, что его желания возобладали и брачные планы в отношении более юного поколения царь пересмотрел в его пользу.

За этим последовал еще один успех — весной 5 года до н.э. Антипатр едет в Рим со вторым завещанием Ирода. И в этом документе, как и восемь лет назад, он безоговорочно назначается наследником. Ему больше не надо опасаться соперничества получавших образование в Риме своих юных сводных братьев Архелая и Антипу, поскольку ни один из них не упоминался в качестве вероятного наследника, а еще более юный сводный брат,

Ирод II, вызывал мало подозрений.

* * *

Но, находясь в Риме, Антипатр узнал, что дела для него в Иерусалиме складываются не совсем хорошо. Он получил обеспокоившее его письмо Ирода, сообщавшего, что его мать Дорис находилась под подозрением и была отослана от двора (ей даже не позволили забрать с собой гардероб). Антипатр немедленно покинул столицу и направился в Иерусалим. Добравшись до Тарента (Таранто), он получает еще одно дурное известие — его дяди и союзника Фероры нет в живых (см, главу 16). Антипатр спешит дальше и, прибыв в порт Келендерис (Гилиндир) на юге Малой Азии, снова получает записку отца с требованием как можно скорее вернуться. Вопреки советам некоторых из друзей, он повинуется. Но, прибыв в Кесарию, он видит, что на набережной нет обычной группы встречающих важную персону. Его вообще никто не встречал. Тем не менее он следует в Иерусалим. По прибытии он в порфирном одеянии сразу направляется во дворец. Привратники его пропускают, но свита остается за дверьми.

Когда Антипатр предстал перед царем, то вместе с ним увидел римского наместника в Сирии Вара, в свое время видного приближенного Августа. Когда Антипатр приблизился к Ироду для объятий, царь оттолкнул его, назвав отцеубийцей, и объявил, что завтра же он предстанет для ответа перед Варом.

* * *

Дело в том, что после смерти Фероры до ушей царя дошли потрясающие вещи. Он расследовал слухи, что Ферору отравили родственницы его жены, которых уже подозревали в других делах. Истину установить не удалось, но допросы и пытки домочадцев Фероры привели к некоторым плачевным откровениям в отношении Антипатра. Он не послушал приказаний отца держаться подальше от Фероры. Часто со злостью высказывался в том духе, что Ироду давно пора на тот свет. Говорил, что едет в Рим из-за опасений, что отец его прикончит. Выяснилось, что за всеми этими гнусностями стояла его мать Дорис. Вот поэтому ее отослали от двора — известие об этом заставило Антипатра сократить пребывание в Риме.

Под неизменные «Я же тебе говорила» из уст Саломеи Ирод

стал еще внимательнее вглядываться в поведение Антипатра. О том, что происходило дальше, основываясь на личных воспоминаниях Николая и, возможно, дополняя собственными мемуарами Ирода, пишет Иосиф:

> *«Больше всего навлек гнев царя на его сына один служивший у Антипатра самаритянин. Среди других фактов, которые он признал под пыткой, было свидетельство, что он этот самаритянин, приготовил яд и передал его Фероре, чтобы тот всыпал его отцу Антипатра, когда самого Антипатра не будет в стране, дабы не вызывать подозрений в его причастности. Яд, привезенный из Египта одним из друзей Антипатра, попал к Фероре через дядю Антипатра по материнской линии»*
>
> *Иосиф Флавий. Иудейские древности)*

Следствие продолжалось, сильные подозрения пали на жену Ирода Мариамну П. Ирод с ней развелся, ее отец Симон лишился сана первосвященника, а сын Ирод II своего положения возможного наследника.

Ирод также вспомнил, что во время пребывания Антипатра в Риме он получал письма от друзей из столицы империи, осуждавших обучавшихся там его юных сыновей за то, что они якобы высказывались о казнях домочадцев Ирода как о злодеяниях убийцы. Теперь у царя сложилось впечатление, несомненно правильное, что эти письма провоцировались Антипатром, хотя, дабы отвести подозрения, Антипатр тоже писал Ироду, убеждая его простить мальчиков, учитывая их юный возраст.

Вот почему по возвращении в Иерусалим Антипатра ожидал прием, от которого стыла кровь. Стараясь подготовиться к допросу на следующий день у римского наместника в Сирии Вара, он получил возможность поговорить с матерью и женой и понял, насколько плохи его дела. Предстать перед Варом было почти равносильно тому, что предстать перед самим императором. Позднее историки писали о нем как о бездеятельном, жадном и неспособном администраторе, но такие оценки появились после его рокового поражения в Германии 14 лет спустя, а тогда в Сирии он действовал решительно и со знанием дела. Его вердикт или рекомендация Августу были бы решающими.

Ирод начал с предупреждения Вара не верить «жалкому негодяю», его лицемерным мольбам и крокодиловым слезам.

* * *

"Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемерие, о Вар, когда я не могу постичь, как это я еще живу на свете, как это я спасся из рук такого предателя! Но раз злой демон опустошает мой дом и тех, которые дороже моему сердцу, превращает всегда в моих врагов, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать над своим одиночеством. Но пусть никто из жаждущих моей крови не избегнет кары и если бы даже обвинение охватило всех моих детей кругом! " (Иосиф Флавий. Иудейская война. С. 141.) Антипатр ответил страстной речью в свою защиту. К тому времени царь от волнения был не в состоянии говорить и поручил вести обвинение Николаю. Несмотря на свой мягкий характер и в отличие от предыдущей попытки убедить Ирода не казнить сводных братьев Антипатра, на этот раз он выступал крайне жестко, подкрепляя обвинения массой изобличающих документов. На это Антипатр призвал Бога явить чудо, чтобы продемонстрировать его невиновность. Вар, однако, предложил более прозаическое испытание, заметив, что хотел бы убедиться, действительно ли является ядом зелье, приготовленное для Ирода, как утверждал обвиняемый. В суд привели осужденного на казнь преступника и заставили его выпить. Тот выпил и тут же упал замертво.

Так что Вар вернулся из Иерусалима к себе в Сирию, а Ирод стал писать письма в Рим, оповещая Августа о событиях и обращаясь к друзьям с просьбой встретиться с императором и добавить подробности на словах. А тем временем на свет всплывают еще более тяжкие улики, в том числе доказательства, что Антипатр платил иудейской рабыне жены Августа Ливии — Акмее — за фабрикацию писем, инкриминировавших сестре царя государственную измену. Эти новые материалы были тоже посланы императору.

Не дожидаясь ответа, Ирод принялся составлять третье завещание. В нем Антипатра в качестве наследника заменил Антипа II, один из обучавшихся в Риме сыновей самаритянки Малфаке. В завещании он щедро отблагодарил усердно поставлявшую ему неприятные сведения сестру свою Саломею. Вообще-то следует отметить, что ее предупреждения насчет Антипатра всегда были полностью оправданны.

Глава 16
РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ИУДЕЕВ: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИРОДА

Разбираясь со своими ненадежными сыновьями, Ирод в то же время пытался справиться с целым рядом неприятностей и зарождавшимся в иудейских кругах движением сопротивления.

Долгое время, несмотря на его периодические посягательства на их законы, видные иудеи в основном проявляли покорность. Но в 7-м или 6 году до н.э. когда он потребовал от своих подданных присягать в верности и себе, и Августу, стали назревать неприятности. Этот его шаг был попыткой восстановить все еще шаткие отношения с императором и еще раз продемонстрировать твердые проримские позиции свои и своих соотечественников.

Значительно раньше он уже возродил практику, существовавшую прежде, при персидских властителях и Селевкидах, — дважды в день совершать в храме жертвоприношения в честь Августа, который вызвался оплачивать эти обряды сам. Что касается клятвы, то она тоже восходила к временам Селевкидов и была обычной практикой в некоторых, а то и во всех царствах-клиентах, а также в римских провинциях, так что у Ирода, возможно, не было выбора, разве что в определении времени.

Приблизительно в 17 году до н.э. Ирод уже учредил присягу ему и его деяниям, от которой в тот раз две важные иудейские религиозные группы — эссеи и фарисеи — попросили их освободить; первые потому, что в принципе возражали против любого принесения клятв, вторым не понравилось упоминание в тексте имени Бога. Послушание обеих групп Ироду всегда было не более чем прохладным и основывалось на молчаливом соглашении о взаимном невмешательстве, что едва ли можно назвать лояльностью. Но в общем они держались послушно, так что Ирод в то время освободил их от принесения ему присяги. Однако теперь, десять или одиннадцать лет спустя, в случае их отказа положение было бы куда серьезнее, поскольку их просили присягать не только Ироду, но и императору. Мы не знаем, как решили эту проблему эссеи, но фарисеи, которых к тому времени насчитывалось более 6000, снова отказались присягать. Но даже теперь Ирод ограничился лишь денежным штрафом — поразительный контраст тому жестокому обращению, которое часто ожидало не желавших сотрудничать подданных.

Такое терпимое отношение к фарисеям объяснялось поддержкой некоторых членов его собственной семьи. Так, штраф Ироду уплатила жена его собственного брата Фероры. Не надо забывать, что тот из-за любви к рабыне решительно отказал в руке двум представительницам царских семей, а потом за несколько лет до этого женился на ней.

Неудивительно, что эта женщина, имени которой мы не знаем, объединила силы с врагами Ирода, который дважды пытался найти ей замену. Она особенно невзлюбила его двух младших дочерей, а теперь вызывающе продемонстрировала свою непокорность, уплатив штраф за фарисеев. Но царь не собирался оставлять без внимания выходки ее и фарисеев. Экстремистское крыло их движения находилось под весьма сильным влиянием мессианских убеждений и надежд (см, главу 4), а некоторых из придерживавшихся этих экстремистских взглядов настолько захватила поддержка невестки царя, что они пророчески объявляли о велении Божьем отобрать престол у Ирода и передать его Фероре, его жене и их потомкам. А тем временем другие мессианские надежды, противоречившие по содержанию, но в равной мере подрывные, внушались теми же слоями фарисеев некоему евнуху Багою, который, похоже, занимал важную должность в царском дворе. Багоя уверяли, что, несмотря на физическую неполноценность, ему предначертано стать отцом и наставником будущего царя-мессии. Разве не возглашал автор Книги пророка Исайи: "., и да не говорит евнух: «вот я сухое дерево» (Исх. 56, 3)?

Все эти опасные разговоры быстро доходили до ушей Ирода благодаря сети осведомителей его неутомимой сестрицы Саломеи. Это производило на него крайне неприятное впечатление. Прежде всего, он вообще был против мессианских воззрений, за одним исключением — когда его самого ассоциировали с мессией. Так же как время Августа было золотым веком, которого ждали, Ирод таил мысль удостоиться у иудейского народа чести называться царем-мессией, который, как представляли многие, спасет избранный Богом народ и установит на земле Божье царство. Считалось, что миром будет править выходец из Иудеи. В дальнейшем по крайней мере один из потомков Ирода был провозглашен таким мессией, а пока сам он способствовал своим притязаниям на это звание, позволяя себя убедить, что принадлежит к роду Давидову. Появившаяся на его чеканке звезда может иметь отношение к звезде, которая, как говорится в Числах (Числ. 24, 17), будет предвещать пришествие Мессии, а различные выдумки о жизни Ирода и его чудесных избавлениях от смерти служили дополнением к тому же

представлению, что именно он и есть тот самый ожидаемый свыше.

Посему ясно, что мессианские идеи вряд ли привлекали Ирода, если только они не сосредоточивались на его фигуре. Но эта его неприязнь — ничто в сравнении с его неприятием мысли, будто его место готов занять какой-то конкретный мессия. Его десница тяжело опускалась на распространителей таких взглядов. Багоя казнили, а вместе с ним ряд фарисеев и симпатизировавших им придворных, в том числе поразительно красивого жившего при Ироде мальчика по имени Кара («Любимый»). Однако в тот раз жену Фероры пощадили. Фероре приказали отослать ее прочь, но тот отказался, а Ирод не настаивал.

Он всего лишь предложил ему удалиться в трансиорданское княжество Перею, откуда он последние 15 лет получал доходы как отсутствующий правитель. Ферора, как было сказано, уехал в Перею, а когда Ирод серьезно заболел и хотел его видеть, тот отказался вернуться. Но когда, в свою очередь, заболел Ферора, царь без приглашения навестил его в Перее. Потом Ферора умер, и ему устроили пышные похороны в Иерусалиме (5 г. до н.э.)* * *

Последовавшие за его смертью неприятности, когда расследования среди домочадцев привели к раскрытию заговора Антипатра с целью отравить Ирода (см, главу 15) и указывали на причастность жены Фероры, наконец-то дали возможность окончательно разделаться с ней. Ее смерть от рук Ирода, естественно, еще больше оттолкнула от него дружившие с ней влиятельные круги фарисеев. Во всяком случае, в 4 году до н.э. сопротивление иудеев переросло в открытые массовые беспорядки. Они приняли форму внушительных демонстраций подстрекаемых преподавателями-фарисеями учащихся. Поводом для беспорядков послужил воздвигнутый Иродом над главным входом в храм большой золотой или позолоченный бронзовый орел.

За четверть века до этого Ирод столкнулся с трудностями, потому что его заподозрили в нарушении второй заповеди, которой, если придерживаться строгого толкования, запрещалось скульптурное изображение не только человеческих существ, но и животных. Тогда, в известной мере высмеяв противников, он продемонстрировал, что ничуть не нарушает десять заповедей (см, главу 6). В те времена, в начале 20-х годов, между Иродом и иудеями существовало много поводов для трений, но с тех пор об их натянутых отношениях было мало слышно. Однако ближе к описываемым событиям его пренебрежение ортодоксальными взглядами ужесточило отношение к нему религиозных кругов, а

казни фарисеев в 6 году до н.э. неизбежно привели к полному разрыву.

Раньше более умеренные фарисеи во главе с пользовавшимися широкой известностью Гиллелеми Шаммаем, возглавляли движение, призывавшее к повиновению. Но теперь дошло до того, что даже ненавидевшие Хасмонеев больше не хвалили Ирода за их искоренение и относились к нему в равной мере плохо. Распространялись направленные против него слухи. Например, когда он воздвиг памятник Давиду и Соломону, стали говорить, что это было сделано во искупление греха — он якобы ограбил гробницу Давида. Ходили легенды (которые живут и поныне) о несметных сокровищах, спрятанных в гробнице под горой Офель. А вымысел об ограблении Иродом этих сокровищ был старой легендой, которую фарисеи уже пускали в ход за много лет до того для очернения другого ненавистного им иудейского монарха — Иоанна Гиркана I.

Что касается орла над храмом, никак нельзя с уверенностью утверждать, что Ирод воздвиг его лишь в 4 году до н.э. Орел мог находиться на этом месте еще с завершения перестройки святилища (18 г. до н.э.). Соломон же сам не стеснялся украшать свой храм скульптурными изображениями животных, а орлы, в частности, вызывали у иудеев особые ассоциации.

Во Второзаконии с орлом сравнивается сам Господь. И в более позднем древнееврейском богословии именно орел сказал Иеремии собирать народы, а правоверные поднимались на небо на крыльях орла. Кроме того, скульптурные изображения последнего (правда, более позднего происхождения) встречаются над дверьми многих синагог и поверх еврейских надписей. Однако когда было нужно затеять беспорядки, орел служил символом языческого господства и языческого культа. Это хорошо известно всякому, кто видел храмовые сооружения Сирии и Рима. Их фасады увенчаны орлами, парящими с распростертыми крыльями — точь-в-точь как орел на Иродовом храме; такие же изображения повторялись на многих монетах. На чеканке Египта периода Птолемеев и подвластных ему левантийских стран часто изображался орел со сложенными крыльями, этот рисунок копировался Арабским царством. Он появлялся и на чеканке самого Ирода (дата не установлена), который тем самым единственный раз в области нумизматики нарушил запрет на изображение идолов. Эти изображения на монетах в значительной мере принадлежат к языческой, эллинистической традиции, и, несмотря на связанные с орлом иудейские ассоциации, врагам Ирода было совсем нетрудно приписать такой же дурной смысл изображению орла над храмом. К тому же царь

в то время уже был серьезно болен и появилась возможность протестовать, не боясь последствий.

* * *

Итак, два видных, пользующихся популярностью преподавателя одного из фарисейских учебных заведений, Матфий, сын Маргалофа, и Иуда, сын Сарифея, стали говорить в своих лекциях, что болезнь Ирода — это, видимо, Божья кара за его многочисленные попрания Закона Божьего. Среди этих нарушений они конкретно упоминали о сооружении золотого орла над вратами храма. Далее они давали понять, что у учащихся, которые захотят скинуть орла, не будет в дальнейшем причин сожалеть об этом, поскольку после такого подвига «обретенное смертью благочестие намного превзойдет удовольствия жизни».

В этот момент пошли слухи, что царь умирает или даже умер, и воинственно настроенные учащиеся решили: настало время действовать в соответствии с проповедями их радикальных наставников. В разгар дня, когда дворы храма кишели людьми, они забрались на крышу, затем спустились по веревке и, сбросив орла с фасада, разрубили его на куски. Узнав, что происходит в храме, начальник соседней крепости Антония поспешил туда с отрядом солдат и напали на осквернителей. Иосиф рассказывает о поведении не искушенных в таких делах участвовавших в демонстрации учащихся в следующих словах: «Его нападение застало толпу врасплох, потому что, как это обычно бывает в таких случаях, собравшиеся решились на этот безрассудный поступок, не думая о последствиях, и пришли в замешательство, не зная, что делать дальше».

Большинство разбежалось, но 40 упрямцев не дрогнули и были арестованы, и с ними оба наставника. Все они предстали перед царем. Когда начался допрос, они вызывающе отвечали, что действовали защищая Закон Господень. Ирод отправил их закованными в цепи в Иерихон, подальше от возможного вмешательства беспокойной иерусалимской толпы, и, несмотря на тяжелую болезнь, приказал перевезти в Иерихон и себя. Собрав народ в амфитеатре (или, возможно, в театре) на суд, сам, не вставая с постели, разразился яростной речью. Прежде всего, подробно распространился о своих особых заслугах в создании храма, с которыми не шли ни в какое сравнение дела его предшественников — Хасмонеев. Затем, заканчивая, милостиво согласился пощадить большинство участников демонстрации и

наказать только арестованных. Таким образом, 13 марта 4 года до н.э. двух наставников и юношей, непосредственно сбрасывавших орла, заживо сожгли; остальные задержанные тоже были отданы в руки палачей.

Первосвященника, которого сочли частично виновным, сместили. Его и раньше однажды временно отстраняли от обязанностей, правда всего на один день. (Из-за сновидения: ему приснилось, что он имел половое сношение, и согласно Закону Божию в этот день не мог исполнять службу.) Теперь его сместили совсем и на его место назначили другого. Однако вновь назначенный являлся его родственником и близким родственником (то ли братом, то ли дядей) второй Мариамны, с которой Ирод незадолго до того развелся. Царь стремился к тому, чтобы ее родственники стали ядром новой подчиненной ему саддукейской аристократии (см, главу 7), и не полагал развод за препятствие.

* * *

Однако болезнь Ирода приобрела весьма серьезный оборот. У Иосифа содержится описание поистине ужасных симптомов — распухшие ноги гноились, в гениталиях завелись черви. Правда, достоверность этих злорадных описаний вызывает сомнения. Ибо они слишком напоминают описания наказаний грешников. В Ветхом Завете пророк Илия с таким же смакованием предсказывает, как у Иорама, убийцы царя Иуды, будут от болезни выпадать внутренности. Антиох IV, который упразднил храм, будто бы умер, изъеденный червями; то же самое говорилось о внуке Ирода, Агриппе I, якобы потому, что он позволил неиудейскому населению Кесарии провозгласить его богом. Поэтому бесполезно строить предположения, действительно ли Ирод страдал от описанных выше неприятных проявлений болезни, или же, попросту говоря, у него был рак кишечника, или диабет, или цирроз печени, или артериосклероз. Во всяком случае, он испытывал сильные боли. Когда боли стали невыносимыми, врачи повезли его на горячие серные источники в Каллирое (Хаммам-ез-Зара), у северо-восточной оконечности Мертвого моря. Но и они не помогали; когда врачи погружали его в ванну с горячим маслом, он терял сознание. Так что оставалось только везти его обратно в Иерихон.

* * *

До отъезда на источники Ирод, преодолевая болезнь, раздумывал о том, что произойдет после его неумолимо приближающейся смерти. Он твердо решил, что окончательное устройство дел должно быть таким, что никому нельзя было бы его изменить. И в качестве первого шага он приказал немедленно выдать всем солдатам наградные, чтобы после его смерти они следовали его приказам.

Затем, по возвращении в Иерихон, он предпринял исключительный шаг — приказал немедленно явиться к нему всем знатным иудеям со всех концов страны. Однако когда они прибыли, он всех до одного арестовал, превратив иерихонский ипподром в подобие лагеря для интернированных. Условия в нем, вероятно, были далеко не комфортабельные, но дополнительные россказни о том, что он хотел, чтобы всех их казнили после его смерти, являются чистой выдумкой. Такого рода легенды считались уместными применительно к тиранам; то же самое уже рассказывали об Александре Яннае и скоро станут рассказывать о Нероне.

Пока Ирод отдавал последние распоряжения своей сестре Саломее и ее мужу, пришло письмо от направленных им к императору посланников. Он послал их с сообщением о провинности своего старшего сына Антипатра и теперь узнал, что Август признал справедливость выдвинутых против Антипатра обвинений. Рабыню Акмею, сочинявшую по поручению Антипатра фальшивые письма, казнили. Однако что касалось самого Антипатра, император оставил решать самому Ироду, казнить ли этого злодея или всего лишь изгнать. Но даже если это, несмотря ни на что, был намек на предпочтительность снисхождения, он не был услышан.

Поначалу послание на короткое время приободрило Ирода. Но скоро:

> «Так как страдания его опять возобновились со страшной силой, он в изнеможении захотел съесть чего-нибудь и потребовал себе яблоко и нож. Раньше он обыкновенно сам срезал с яблок кожу и ел плод, нарезав его небольшими кусочками. Взяв нож и оглянувшись, он вдруг вздумал пронзить себя им. Он, наверное, привел бы это намерение в исполнение, если бы не его двоюродный брат Ахиав, схвативший его за руку. Он громко закричал, и сейчас же по всему дворцу раздались крики и громкие стенания, как будто царь уже умер. Ввиду этого Антипатр, убежденный в смерти отца, воспрянул духом, рассчитывая теперь выйти на волю и

немедленно захватить в свои руки царскую власть. Он тотчас вступил в переговоры с тюремщиком, обещая ему большую награду сейчас и впоследствии и указывая на то, что теперь наступил момент действовать решительно. Однако тюремщик не только не склонился на просьбы Антипатра, но и весьма красноречиво сообщил царю о его планах. Ирод, который и раньше не был расположен к сыну, услышав это сообщение тюремщика, громко возопил и стал биться головой об стену, несмотря на то, что лежал уже при последнем издыхании»

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Ч. II. С. 194 — 195.

Опершись на локоть, он из последних сил крикнул, чтобы немедленно послали телохранителей с приказом убить Антипатра. Приказ был выполнен; Антипатра без почестей похоронили в Гиркании.

В этот последний момент Ирод снова вызвал смятение среди своего окружения, в очередной раз изменив завещание. В этом четвертом, и последнем, завещании, которое вновь возвращается к мысли о разделе царства, отпрыски самаритянки Малфаке по-прежнему на переднем плане, но один из них, Антипа II, бывший главным наследником по третьему завещанию, передвинулся на ступеньку вниз, чтобы стать тетрархом Галилеи и Переи, тогда как старший брат, восемнадцатилетний Архелай II, оказался выше его. Ибо Архелай, который, как и его брат, только что закончил учебу в Риме, узнал, что царь больше против него не возражает, более того, если Ирод захочет, то он не только станет тетрархом, иначе князем, но ему предназначено стать царем Иудеи. Правда, будущее царство Архелая сильно уменьшится в размерах, поскольку потеряет не только долю, выделенную его брату Антипе, но и недавно присоединенные северо-восточные территории, которые должны отойти к его сводному брату Филиппу. И наконец, прибрежные города Иавния и Азот и селение Фасаил внутри страны выделялись вместе с большой суммой денег преданной, но порой своенравной сестре Ирода Саломее (пережившей его на 14 лет).

Не так просто судить, почему Ирод снова изменил свои намерения; вообще-то вполне возможно, что плоды его раздумий больше не поддавались рациональному объяснению. Вероятно, он просто понял, что его прежнее недоверие к Архелаю порождалось утратившим доверие источником (Антипатр) и что в конце концов Архелай старше Антипы, которому в предыдущем завещании отдавалось старшинство.

Возможно также, что император, давая Ироду свободу в отношении Антипатра, добавил что-то еще; скажем, дал недвусмысленно понять, что он сам думает по вопросу о престолонаследии. Правда, вот уже несколько лет, как Ирод отчасти вернул доверие императора. Но из этого вовсе не следует, что его восстановление в правах включало официальное одобрение его права назначать себе преемника. Во всяком случае, оно было исключением для царя-клиента и, видимо, с трудом оправдывалось в отношении монарха, втянутого в достойные сожаления домашние неурядицы, который к тому же больше не был в состоянии принимать вполне разумные решения. И все же, если это так, Август давал указания скорее в виде намеков, нежели в виде приказаний. В последнем завещании Ирода после подтверждения, как и следовало ожидать, щедрых отписаний императорской семье ясно говорилось об ожидании решения императора: завещание будет признано действительным только после подтверждения его Августом. И когда противники Архелая оспорили это последнее завещание, Николай Дамасский, дабы подчеркнуть его юридическую силу, ссылался на условие подтверждения императором.

* * *

Ирод скончался в конце марта или в начале апреля. Прошло 36 лет с тех пор, как римляне провозгласили его царем, и 33 из них он фактически правил Иудеей.

Тело его, при короне и скипетре, траурная процессия сопровождала 24 мили до Геродиума, выбранного им для своего погребения. Гроб из чистого золота был усыпан драгоценными камнями и задрапирован в порфиру. За гробом шли все оставшиеся в живых сыновья и родственники. Далее с копьеносцами во главе шла армия, а за ней фракийцы, германцы и галаты; следом с благовониями шли 500 человек домашних рабов и свободной прислуги.

Часть четвертая
ПОДВОДЯ ИТОГИ

Глава 17
ОТЗВУКИ ПРОШЛОГО

Иродово царство, как он и распорядился в своем последнем завещании, разделили на три части. Возникли известные трудности, потому что Антипа ставил под сомнение последнюю волю отца, отодвигавшего его на второе место после Архелая, да и бывшие министры Ирода тоже резко возражали, пока император не утвердил новый документ. Для Архелая, хотя и поддержанного главным министром Ирода Птолемеем и Николаем, начало царствия было крайне беспокойным. К тому же Август, даже если он целиком или отчасти имел отношение к назначению его правителем Иудеи, не счел нужным подтвердить его царское звание. Вместо этого, допуская возможность повышения в будущем, он лишь позволил молодому человеку величать себя чем-то вроде старшего князя (этнархом).

Все было против Архелая: один из родителей идумей, другая самаритянка; оба племени одинаково не пользовались популярностью в Иудее. Урезывание царства привело к значительному сокращению доходов. Свертывание начатых отцом общественных работ вызвало безработицу. Для молодого человека, получившего образование в Риме и стремившегося продолжать начатую отцом программу эллинизации, было трудно проводить ее в жизнь в государстве, население которого в значительной мере свелось к иудейскому элементу. Архелаю удалось продержаться десять лет, но потом иудеи и самаритяне совместно выступили против него перед Августом. Такое небывалое единство с иудеями жителей родной земли его матери свидетельствует о действительно неудачном его правлении. Во всяком случае, так решил император. Архелая сослали во Вьену на юге Франции, а его принципат присоединили к Риму.

Антипу, который получил Галилею и Перею, Иосиф представлял любителем мирной жизни. Но именно он удовлетворил просьбу своей падчерицы Саломеи III, подстрекаемой матерью Иродиадой, в качестве награды за имевший успех танец получить на блюде голову Иоанна Крестителя. Когда взяли под стражу Иисуса Христа — за пределами Галилеи, — Антипа (лиса — как называл его Иосиф) всячески избегал попыток Понтия Пилата (римского префекта Иудеи) вовлечь его в это дело. Однако в действительности он был самым способным из сыновей Ирода и хорошо справлялся с труднейшей задачей держать в узде галилеян. Антипа сумел

завоевать дружбу преемника Августа, которым (ввиду смерти внуков) стал его весьма способный, но отличавшийся жестокостью пасынок Тиберий (14 — 37 н.э.). Но ему не удалось сохранить добрые отношения со следующим императором, Калигулой (Гаем). Тот в 39 году н.э. сослал его в Лугдунскую Галлию (С. Бертран де Комменж).

Третье княжество, созданное после смерти Ирода, отошло к Филиппу, сыну его жены-иудейки Клеопатры. Владения Филиппа составляли северо-восточные территории, присоединенные с 23-го по 20 годы до н.э. включая трудные гористые местности, ныне лежащие на сирийской границе. Его столица Паниада была расширена и переименована в честь его в Кесарею Филиппи; на своих монетах он изображал расположенную по соседству Панию — святилище Пана. Филипп предпочитал спокойную жизнь — «был бы идеальным британским колониальным чиновником, — замечает Стюарт Пероун. — Вместо того чтобы кататься, как многие его родственники, в Рим или Бейрут, он тихо жил в своем маленьком княжестве».

* * *

Внук Ирода Агриппа I — сын сына Мариамны I, казненного Иродом, — был многогранной, колоритной личностью. За свою авантюрную карьеру он получил из рук Калигулы объединенные тетрархии Филиппа и Антипы. Потом Клавдий восстановил в его пользу Иудейское царство (41 г. н.э.). Но в 44 году Агриппа I умер, и его царство вновь присоединили к Риму. Эти три года он, единственный из преемников Ирода, владел всем его наследством.

Агриппа I обладал дедовским даром ладить с великими римлянами (за исключением Тиберия, сажавшего его в тюрьму за государственную измену). А из бед Ирода он усвоил, что благоразумнее ладить с иудеями: фарисеи задним числом считали царствие Агриппы новым золотым веком. Менее удачно у него получалось с греками, и порой он слишком зарывался в политике. Кроме того, в отличие от Ирода, он плохо управлялся с финансами.

Брат Агриппы I, которого тоже звали Иродом, правил княжеством Халкида, что ниже Ливанских гор (Герра), и получил от римлян право назначать первосвященника в Иерусалиме. Этот Ирод III умер в 48 году, и два года спустя его царство вместе с этим правом передали сыну Агриппы I Агриппе II. Впоследствии Агриппа II обменял эту территорию на другой кусок той же южно-

сирийской территории вместе с северной и восточной частями старого царства Ирода Великого. Это тот Агриппа, сказавший о Павле: «Можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря» (Деян. 26-32). Когда иудеи в 66 году н.э. восстали против римлян — более подробно об этом ниже, — он встал на сторону римлян и в Год четырех императоров проявил чудеса ловкости, поддержав поочередно каждого из них. Агриппа II имеет значение для нашего повествования, потому что до самой своей смерти в конце столетия Иосиф писал с оглядкой, дабы не задеть этого весьма могущественного иудея или его сестру Беренику, долгое время считавшуюся любовницей Тита, римского покорителя Иерусалима (см, главу 19).

А теперь вернемся к центральной области, которая стала княжеством сына Ирода Великого Архелая. После его отстранения Иудея превратилась в малозначительную римскую провинцию, управляемую префектами из Кесарии. Эти чиновники не были из числа важных сенаторов, как управлявшие Сирией экс-консулы, и принадлежали к менее высоким слоям общественной иерархии, к всадникам. За исключением короткого периода царства Агриппы I (41 — 44 н.э.) Иудея впредь оставалась римской провинцией.

Рассматривая империю I века нашей эры в целом, можно сказать много хорошего о высоком уровне римской системы управления (пусть даже несколько инертного и лишенного воображения). Во всяком случае, оно было лучше, чем все, что когда-либо обеспечивала республика; вряд ли нашлась бы хоть одна находившаяся под управлением Рима территория, о которой говорили, что кто-нибудь управлял ею хотя бы вполовину того, как управляли римляне. Иудея была печальным исключением. Здесь из-за полного непонимания и озлобленности с обеих сторон дела с самого начала пошли не так, как надо.

Такие достойные сожаления обстоятельства привели к возникновению подпольных иудейских движений сопротивления. Движение зелотов (от греческого «зелос», означающего зависть, вражду и бунт) — одно из самых ранних и, возможно, важнейших. Зелотов возглавлял Иуда Галилейский, сын Иезекии, с бандой которого Ирод жестоко разделался в начале своей карьеры. Существовала также отдельная, но не всегда отличимая террористическая организация сикариев, «кинжальщиков», политических убийц. Но узнать что-либо о подлинных делах этих групп сопротивления чрезвычайно трудно, поскольку наш главный источник, Иосиф, нас подводит. Из-за своей крайней нелюбви к такого рода делам он ограничивался неудовлетворительными поверхностными замечаниями о темных личностях — бандитах и разбойниках.

Что касается иудеев, не склонных следовать таким авантюристическим путям, они, в значительном количестве оказавшись перед лицом вопиюще негативных последствий римского правления, скоро стали забывать о своем сдержанном отношении к Ироду при его жизни и начали вспоминать времена «доброго царя Ирода». Несмотря на все жестокости последних лет царствия Ирода, его память, должно быть, действительно заметно почиталась, потому что оба его главных наследника, Архелай и Антипа, очень скоро и со значением приняли имя царя: на отчеканенных ими монетах они фигурируют как этнарх Ирод и тетрарх Ирод..

Одна ветвь саддукеев постоянно поддерживала их отца, и, как мы видели, вокруг этой группы он постепенно формировал служебную аристократию. Когда римляне аннексировали Иудею, представители этого течения стали с гордостью называть себя иродианцами. Их центры находились в городах Галилеи, а сплачивались они вокруг Антипы, ибо видели, что творят римляне через границу, в Иудее. С другой стороны, к Иисусу Христу они отнеслись враждебно. А он, в свою очередь, был склонен ставить их в один ряд с презираемыми им умеренными, или правыми, слоями фарисеев, поскольку и те и другие явно не питали симпатий к мессианским, апокалиптическим идеям, которые, по их представлениям, таили в себе угрозу общественному порядку и частной собственности.

* * *

Тем временем в новой римской провинции Иудее дела шли все хуже и хуже. Во время правления Понтия Пилата (26 — 36 н.э.) и после него с обеих сторон почти непрерывно наблюдались кровопролитные выступления, приостановленные только (в основном) во время кратковременного восстановления Иудейского царства-клиента при Агриппе I (41 — 44 н.э.).

Он и его сын Агриппа II, поддержанные церковной знатью, делали все возможное, чтобы предотвратить катастрофу. Но в конечном счете в 66 году н.э. вспыхнуло Первое иудейское восстание, или, как называют его евреи, Первая римская война. Героическая борьба стоила ужасных страданий и кровопролития. В Масаде отчаянное сопротивление продолжалось до 73 года. Но Иерусалим в 70 году пал перед боровшимися с восставшими войсками сына Веспасиана Тита, ставшего позднее императором (69 — 79 н.э.). Иосиф тоже был там, но, чего не простили ему евреи во все времена, находился на другой стороне — из-за

убеждения в обреченности восстания перешел на сторону римлян. Он был с римлянами, когда те окончательно вошли в Иерусалим, и обрисовал страшную картину страданий и кровавой резни, устроенной ими. Тит, считающийся одним из лучших представителей рода человеческого, в обращении с пленными проявил себя не с самой привлекательной стороны. Ибо вскоре в Кесарии «Тит блестящим образом отпраздновал день рождения своего брата Домициана, в честь которого многих пленных иудеев предали смерти. Число погибших в боях с дикими зверями и между самими пленниками, а также заживо сожженных, превышало 2500 человек. Но все это и другие бесчисленные виды мученической смерти, которым подвергались иудеи, казались римлянам чересчур легким наказанием. Из Кесарии Тит отправился в Берит (Бейрут).., где он оставался более продолжительное время и ко дню рождения своего отца Веспасиана устроил блестящие игры и всевозможные празднества еще с большими затратами. И здесь опять множество пленников погибло точно таким же путем, как и раньше» (Иосиф Флавий. Иудейская война).

* * *

Прибрежная равнина пострадала не слишком сильно, но горная часть Иудеи одно время почти полностью обезлюдела. Города разрушили, состоятельные слои разорялись и истреблялись, за счет и крупных, и мелких состояний чудовищно увеличивались имперские владения. Впоследствии, когда провинция стала переходить в руки губернаторов более высокого ранга, получивших возможность разделываться с подрывными элементами военными средствами, в Эммаусе (Кулонье), поблизости от Иерусалима, основали колонию отслуживших римских воинов, а в самом Иерусалиме разместился римский легион. Что касается иудейской религии, храм после сдачи Иерусалима Титу сровняли с землей, а его культ предали забвению. Деньги, присылавшиеся со всего мира на содержание храма, перевели в храм Юпитера на римском Капитолии. Должности первосвященника больше не существовало. В известном смысле Иерусалим перестал быть национальным центром через десять лет после смерти Ирода, когда его сына Архелая лишили престола, а страна стала римской провинцией. Но при этом Иерусалим продолжал оставаться иудейским религиозным центром. Теперь же, после катастрофических событий 70 года, он утратил и это положение и более 18 веков

был не в состоянии хотя бы отчасти вернуть былое величие.

Побочным результатом этого практического уничтожения Палестины в 70 году было дальнейшее распространение диаспоры. Между прочим, оно способствовало распространению христианства, которое успешно укоренялось среди широко рассеянных иудеев. А то, что иудаизм вообще выжил после всех потрясений, так это главным образом благодаря синагогам и контролировавшим их умеренным фарисеям. Самый видный из них — Иоханан бен Заккаи, покинувший Иерусалим, когда город все еще находился в осаде, и, как его единоверец Иосиф незадолго до него, перешедший на сторону римлян. Он убедил Тита и Веспасиана разрешить ему основать в Иамнии (Явне) новый центр древнееврейских учений.

Верный традиции своих предшественников Гиллеля и Шаммая, примирившихся с Иродом и его делами, Иоханан бен Заккаи пытался утешить ученика, не отрывавшего глаз от развалин храма. «Сын мой, — говорил он, — не отчаивайся так! У нас есть другое искупление — благие деяния».

Но трудолюбивый народ — иудеи, оставшиеся в стране, в начале II века нашей эры возродили экономику и дальнейшее ее процветание. Удивительно, что следующий жестокий удар нанес не кто иной, как Адриан (117 — 138 н.э.), наиболее далекий от национальных предрассудков и самый свободомыслящий из всех императоров, настолько либеральный и понявший тех, кто придерживался иных взглядов. А в царствие его предшественника Траяна происходили серьезные волнения, вплоть до восстаний, среди иудейской диаспоры. Первая вспышка наблюдалась в Кирене, за ней последовали Кипр, Египет и Вавилония. Утверждалось, что эти широко распространившиеся беспорядки стоили миллиона жизней сначала иноверцев, а затем иудеев. Если даже это число и преувеличено, потери были действительно чудовищны, и Адриан не мог не подозревать, что источником беспорядков являлась Иудея. Посему он приказал восстановить Иерусалим в качестве колонии поселенных там римских граждан элии Капитолины, и навсегда искоренить иудейский дух. Иудеям запрещалось ступать на эту землю, за исключением одного дня в году, на месте храма соорудили святилище, посвященное Юпитеру и императору.

Мятеж вспыхнул снова в 132 году н.э. — Второе иудейское восстание, или Вторая римская война. Хотя фарисеи и на этот раз разделились в своих приверженностях, девяностолетний старейшина фарисеев рабби Акиба, приветствуя национального вождя иудеев Симона, назвал его (по крайней мере однажды) Бар Кохбой — «божественным спасителем». Восстание продолжалось

три с половиной года, для его подавления потребовалось шесть легионов. Было захвачено, как утверждали римляне, 50 горных крепостей и 985 больших деревень, при этом убито 580 000 человек. Эти цифры представляются достаточно точными — к тому же бесчисленное множество людей погибли от голода, эпидемий и пожаров. Отныне здесь размещался гарнизон из двух, вместо одного, легионов во главе с наместником самого высокого ранга. Множество иудеев продали в рабство за пределами страны, и Иудея лишилась еврейского населения. С этого времени любой иудей, ступивший на землю Иерусалима, подлежал смертной казни.

Глава 18
ЗАСЛУГИ ИРОДА

Эти иудейские восстания с их ужасными человеческими потерями никогда бы не произошли, если бы возобладала политика Ирода. Чтобы понять ее сущность, нужно закрыть глаза на многие негативные вещи: отталкивающие семейные склоки последних десяти лет его жизни и на протяжении части этого времени лишение доверия Августа. Политика станет понятнее, если мы посмотрим на его царствование в целом и на главные достижения в зените царствия.

Прежде всего, политика Ирода была проримской. Он считал, что полная независимость Иудеи невозможна, и рассматривал сотрудничество с Римом как цену, которую приходится платить за выживание и процветание. Эта позиция, прямо противоположная импульсивному национализму его хасмонейских противников, основывалась на точных оценках и прогнозах. Не правильно видеть в Ироде квислинга, сотрудничавшего с врагом страны, вместо того чтобы с ним бороться. Такое суждение игнорирует тот факт, что римляне не только полностью контролировали все Средиземноморье, но и вполне определенно сохраняли его на все предвидимое будущее. И не было никакой «другой стороны», которая могла бы этому помешать. И конечно же не иудеи. Восстания не имели на успех ни одного шанса на миллион: когда они произошли, то не принесли иудеям ничего, кроме огромных человеческих жертв и стирания с лица земли их родины, возрожденной лишь в самое последнее время. Ирод, так же как Иоханан бен Заккаи и даже отступник Иосиф, был прав, проповедуя мир с Римом как единственное спасение. Ошибочно осуждать Ирода на том основании, что он ставил благоразумие и осторожность выше чести и свободы. Эти альтернативы не реальны. В действительности второй альтернативой были никак не честь и свобода, а собственная гибель и потеря дома, семьи, страны.

Ту альтернативу иудеи дважды выбирали после смерти Ирода. Сам же Ирод сделал другой выбор. И его решение не следует осуждать на том основании, что оно могло привести к поглощению иудейства чуждым ему миром. Как говорит Абрахам Шалит: «Его духовные уступки — ничто по сравнению с огромным выигрышем — обладанием землей предков».

Все это никоим образом не служит оправданием римлян, постоянно допускавших достойные сожаления ошибки и

жестокости при решении иудейских проблем. Эти чудовищные промахи, естественно, ожесточали иудеев. Отсюда напрашивается второе критическое замечание в адрес Ирода, пожалуй, более серьезное, чем первое: не добивался ли он невозможного? Те, кто убежден, что дело обстояло именно так, утверждают, что никто, даже какой-нибудь более приемлемый иудей, способный завоевать искреннюю преданность главных иудейских группировок, не мог бы остановить нарастающую волну национализма и фанатизма — неизбежную реакцию Востока на чужеземный эллинизм. Но такое умозаключение более чем сомнительно. Например, внуку Ирода Агриппе I, которому римляне вернули царство, в целом удалось найти понимание и иудеев, и римлян. Хотя и он не избежал немногочисленных отрицательных суждений, большинство иудеев даже не ставили ему в упрек его идумейское происхождение. Правда, к тому времени люди свыклись с идумейским правлением, которое более ощутимо затрагивало иудейскую чувствительность в первые годы правления Ирода и его отца. Во всяком случае, задача, какую поставил себе Агриппа I, была вполне выполнима; да и политика его деда Ирода, хотя и более жесткая, тоже отличалась реализмом.

Но тут можно услышать третье критическое замечание в адрес Ирода, а на него ответить труднее, чем на предыдущие. В своих эллинистических порывах он слишком отчетливо давал понять, что не чувствует себя полнокровным иудеем, и тем самым создавал себе препятствия при ведении дел. Но это не означает, что его политика была ошибочной.

Ироду также можно поставить в вину репрессии, к которым он прибегал, проталкивая свою политику. Нам, не правящим Иудеей I столетия до н.э. они представляются непростительно жестокими. Ему же казалось совершенно обязательным уничтожать тех, кто пытался саботировать политику, от которой зависело будущее страны. Испытавшие на себе его тяжелую руку, действовавшую во имя дела, считавшегося им крайне важным, гарантировали его будущее бесчестие. Так он стал Иродом-злодеем, персонажем многих легенд, включая «избиение младенцев»: история вымышленная, хотя в одном отношении и основанная на том, что может оказаться историческим фактом, поскольку Иисус Христос, вероятно, родился в один из последних годов царствия Ирода. Предполагаемый день избиения, 28 декабря, вошел в христианский календарь; что касается иудеев, они стали отмечать день смерти Ирода как большой праздник.

Однако иудеи в других странах поступили иначе, они устраивали праздники, отдавая должное его памяти. И даже в

самой Иудее, как мы видели, его политические приверженцы с гордостью называли себя иродианцами. Еще при его жизни среди саддукеев и фарисеев многие видные деятели были готовы оказывать ему по крайней мере пассивную поддержку, потому что иудаизм, относившийся римлянами к дозволенной и приемлемой вере, мало что выигрывал и терял все в случае революции.

Такие же одобрительные суждения можно было услышать и от более скромных иудейских кругов. Кроме небольших групп разорившихся аристократов да мессианствующих экстремистов, иудеи никогда не жили так хорошо. Простые крестьяне, торговцы и горожане преуспевали и чувствовали это, а масштабные общественные работы обеспечили полную занятость и положили конец общественным волнениям. Когда после смерти Ирода всплыли недовольные, его друг Николай Дамасский не замедлил отметить, что при его жизни их не было слышно (см, главу 11). Правда, это отчасти свидетельствовало о хорошей работе службы осведомителей, но в то же время благодаря тому, что можно было спокойно работать и поводов для жалоб не имелось.

Что Ирод дал царству, так это мир. Такое положение, весьма необычное для Иудеи, продолжалось, лишь с незначительными заминками на окраинах, целых 33 года его царствования. Более того, это был мир без вмешательства римских чиновников. Ирод мог справедливо утверждать, что на всем протяжении его долгого правления Август ни разу не потребовал от него принять римских поселенцев из числа бывших воинов и что он не пустил в страну римских чиновников и мытарей — преимущество, которое его народ смог оценить через десять лет после его смерти, когда эти функционеры хлынули в страну.

С другой стороны, в его проримской программе существовал один аспект, который означал больше чем стремление просто избежать прямого правления римлян: Ирод искренне стремился интегрировать иудаизм и иудеев в окружающий мир. Один из побудительных мотивов такого желания лежал в области психологии и был не особенно похвальным. Если даже все старания Николая придали ему, говоря словами У. У. Тарна, всего лишь «умеренный глянец», он жаждал восхищения этого другого купающегося в роскоши изысканного мира. Он хотел быть своим в обоих мирах, греко-римском и иудейском, и ни в одном из них по-настоящему не чувствовал себя достаточно свободно. Иудей по религии, идумей и араб по происхождению, грек по культурным наклонностям, римлянин по политическим пристрастиям — все эти разнообразные природные задатки и приобретенные склонности неуютно уживались в его сознании и душе. Однако говорить, что он не имел корней и постоянно стремился менять

одну традицию на другую, было бы несправедливым по отношению к подлинным движущим силам его космополитизма. Ибо он был непоколебимо убежден, что страна может выжить, лишь объединившись, в меру своих сил, с большим внешним миром, тем более что эта цель становилась все более осуществимой, благодаря тому что подвластная ему выросшая территория включала множество неиудейских земель.

Сегодня израильтяне активно обсуждают вопрос, имеет ли Ирод право на титул «царя Израиля». Одни согласны, другие возражают, утверждая, что он слишком выхолостил само понятие «Израиль». И еще вопрос — заслуживает ли он называться Великим? При жизни его так не называли.

Позднее его внук и правнук, Агриппа I и Агриппа II, называли себя «Великими царями». Титул этот к тому времени выглядел не таким уж славным символом крошечных царств. Но сам Ирод не называл себя Великим. Когда Иосиф употребляет этот термин применительно к нему, то у него он означает «старший», чтобы отличить его от других Иродов.

Однако пока его рассудок оставался незатронутым болезнью, он поднялся до высот величия, недостижимых ни для одного из его современников, не являвшихся римлянами. Он посвятил все свои исключительные способности одной цели — превратить Иудею в мирную, влиятельную, процветающую страну в той мере, насколько это было возможно в мире, где господствовала могущественная держава. Его никогда не прельщала восточная держава Парфия с ее низким уровнем организации и культуры. Во многом он напоминал царя Давида. Но перед Иродом стояла более трудная задача, потому что он должен был добиваться своих целей под тенью другой, всемогущей державы.

Ирод походил на Давида и своей трагической семейной жизнью. Ее во многих подробностях описал Иосиф, поскольку главный осведомитель историка Николай Дамасский находился в центре этих трагических событий. Чудовищный рассказ. Однако стоит познакомиться с тем, как представляет себе Конор Круз О'Брайен воображаемое оправдание Ирода перед современными критиками. Когда его выставляют в неблагоприятном свете, сравнивая с целым рядом обоготворяемых правителей и государственных деятелей XX века, он напоминает аудитории, что за этими нынешними героями числится куда больше загубленных жизней. Правда, эти убийства совершались не в домашних стенах. Но если исходить из строгих этических требований, намного ли пристойнее истреблять тысячи людей в не имеющих нравственного оправдания сомнительных войнах?

Все они, подобно мне, проливали кровь в интересах государства.

Ради сохранения государства, Что существенно важно для упорядоченной человеческой жизни И для самого существования такой аудитории, как ваша.

Люди, которых государственные мужи должны убивать на войне или в мирной жизни, Это те, кого политически необходимо убивать.

В мое время такими людьми были представители династий Члены семьи удачливых государственных деятелей.

Я любил Мариамну, Аристобула и Александра.

… И живи я в политических условиях таких, как ваши, Я бы не счел необходимым или оправданным Предать их смерти.

Из пьесы «Царь Ирод оправдывается»

Ужасы Иродова двора по-прежнему потрясают воображение. Но пока в последние годы его жизни они не стали отражаться на мировых событиях и касаться лично Августа, это не очень влияло на нашу оценку его благо— или злодеяний. Тем более, из того, что мы знаем о других восточно-средиземноморских дворах тех столетий, ужасы иерусалимского двора были далеко не единственными в своем роде. Они просто лучше известны благодаря тому, что случайно сохранились повествования Иосифа. Мы практически ничего не знаем об образе жизни множества других дворов поздних эллинистических монархов, за исключением немногих страшных деталей, которые наводят на мысль, сколько же мерзостей скрыло от нас время. Нельзя с полным правом принимать за истину и высокомерное азиатское мнение, что во всех этих семейных расправах есть нечто восточное; достаточно взглянуть на страницы Тацита и Светония, чтобы припомнить, что и в имперском Риме кипели кровавые семейные конфликты. В самом деле, даже великий Август, кажется, приказал убить внука. Но это было ничто в сравнении с деяниями его преемников, изо всех сил старавшихся, говоря словами Гамлета, «переиродить Ирода».

Эти внутрисемейные кровопролития, разумеется, не ограничивались Древним миром. Беглое знакомство с итальянским Возрождением позволяет быстро исправить любое такое впечатление. Еще одним особо подходящим примером служит Оттоманский императорский дом, — и надо признать, что этот пример придает дополнительный вес удобному мнению об азиатском характере таких злодеяний — ибо Ирод навлек на себя

все эти беды, так как ничто не удерживало его от многоженства. В результате — неизбежная вражда между собой жен и сыновей. И именно в этой области импульсивный Ирод был неспособен выпутаться из интриг, которые сам на себя навлекал. Хотя привязанность к членам своей семьи — одна из сильных его сторон (такое утверждение может показаться странным в свете того, что многие пали от его руки, но оно справедливо), вместе с тем он страдал болезненной предрасположенностью подозревать худшее.

Эта черта, а также отношение Ирода к Хасмонеям — благодарная область для психолога. В расхожем мнении о превосходстве этой бывшей царской семьи был немалый элемент снобизма, в том смысле, что те, кто обладал частицей хасмонейской крови, не уставали выставлять это обстоятельство напоказ. Ирод, имевший низкое происхождение, полностью разделял это мнение и в то же время неоднократно легко давал себя убедить — признаемся, зачастую вполне оправданно, — что худшими врагами его и его идумейских родственников, которых он так упорно поддерживал, были отпрыски хасмонейского дома. Здесь раскрывается причина его самой большой личной трагедии: брака с прекрасной хасмонейкой Мариамной I, которую он потом приговорил к смерти.

И все же Ирод еще много лет сохранял здравый смысл политика. Только в последние десять лет семейные неурядицы отрицательно повлияли на его способность править. К тому времени импульсивность и вспыльчивость возобладали над его необыкновенными мыслительными способностями, позволявшими ему управлять чувствами. До этого он был проницательным, упорным, неутомимым монархом; достойным восхищения руководителем, солдатом, финансистом и дипломатом; был способен очаровать даже самых несговорчивых, самых неприступных римских вельмож.

Ирод представлял, какая катастрофа ожидает иудеев, если те перестанут играть по римским правилам. Когда впоследствии по вине обеих сторон, иудеев и римлян, дело дошло до драки, несчастья, обрушившиеся на иудеев, были поистине ужасными и непоправимыми. Ирод предвидел, что это может произойти, и делал все возможное, чтобы предотвратить; и потому все кровопускания в его гареме не могут изменить окончательного вывода, что в той мере, насколько позволяли необычные, жестко ограниченные условия, он был поистине Иродом Великим.

Глава 19
ИСТОЧНИКИ

Весьма значительная доля того, что известно об Ироде, дошла до нас благодаря перу иудейского автора Иосифа Флавия — и усилиям современных исследователей раскрыть содержание его исторических хроник. Иосиф оставил четыре труда, написанные на греческом языке, и благодаря исключительным случайностям все они сохранились. Это «Иудейская война», «Иудейские древности», «Против Апиона» и автобиографическое «Жизнеописание».

Из-за его значимости для христианства, большой, но явно преувеличенной, Иосифа широко изучали в Англии в XVIII веке по монументальному, но не очень надежному переводу преподобного Уильяма Уистона (1737). Правда, позже его читали значительно меньше, по причинам, изложенным во введении. Тем не менее он весьма замечательный историк, дающий нам множество сведений, порой искаженных, но чаще подлинных, о некоторых самых захватывающих и пикантных исторических событиях. Выходец из аристократической семьи, священник с хасмонейскими связями, в молодости он перепробовал различные виды служения иудейской вере, став впоследствии фарисеем. После восстания он обосновался в Риме, где написал «Иудейскую войну», греческий вариант (подготовленный совместно с сотрудниками) первого издания, написанного на арамейском языке (или иврите?) для иудеев Вавилонии, Ассирии и Аравии (75 — 79 н.э.), в попытке убедить их в бесцельности таких восстаний. Труд состоит из солидного введения, включающего довольно обширное описание жизни Ирода Великого. Затем Иосиф 18 лет посвятил написанию «Иудейских древностей» (93 — 94 н.э.), истории иудеев с сотворения мира до 66 года н.э. предназначенной возвысить иудейский народ в глазах греко-римского мира. И этот труд включает жизнеописание Ирода. Взятые вместе, оба повествования дают нам возможность знать о самом Ироде и о его царстве больше, чем о любом другом цареклиенте и государстве — клиенте Рима.

Однако из-за того что эти два повествования Иосифа далеко не схожи, возникают невиданные трудности. Прежде всего, ранняя версия более драматична, заимствует построение и довольно много мелких приемов у авторов греческих трагедий, которые, видно, читал один из помощников Иосифа. Второе описание, хотя и менее удобочитаемое, в два раза больше по

объему. Кроме того, в нем значительно больше мест с осуждением Ирода. Вероятно, дошедшее до нас повествование представляет собой второе издание с изменениями, внесенными после смерти влиятельного правнука Ирода, царя Агриппы II. Ибо при жизни Агриппы Иосифу в известной мере приходилось считаться с его чувствами, потому что тот был патроном Иосифа (а он мог быть особенно щепетильным, поскольку во время восстания, до перехода на другую сторону, историк, по существу, воевал с царскими войсками Агриппы). Приходилось считаться и с сестрой Агриппы II Береникой II. Последняя покровительствовала иудейскому историку Юсту из галилейской Тивериады, с которым Иосиф был в плохих отношениях.

Во всяком случае, в «Иудейских древностях» он высказывается против Ирода более откровенно, чем в «Иудейской войне». Такая необычная откровенность пришлась Иосифу по вкусу; он хвастался своими подобными откровениями и по другим поводам, вызывавшим раздражение некоторых из потомков царя. Историк также замечает, что, будучи связанный семейными узами с хасмонеями, которых оттеснил Ирод, он считает себя обязанным говорить все как есть. Однако это, возможно, было не совсем уж не по вкусу Агриппе II и Беренике II, происходившим от союза Ирода с хасмонейкой Мариамной I.

Правда, местами разница между «Иудейской войной» и «Иудейскими древностями» не выражалась степенью резкости выпадов в адрес Ирода; иногда даже просматривалось обратное. И все же разночтения между этими двумя повествованиями ставят в тупик. В равной мере озадачивает одновременное использование Иосифом чрезвычайно благоприятных для Ирода и чрезвычайно неприятных для него источников. И не всегда он использует их в критическом духе или пытается устранить противоречия — очень часто они, создавая противоречивое впечатление, стоят бок о бок.

* * *

Хотя древние историки не считали себя обязанными каждый раз ссылаться на источники, в данном случае главный источник, благоприятный для Ирода, легко определить по собственным ссылкам историка. Это личный друг, секретарь и советчик Ирода в делах культуры Николай Дамасский (см, главу 7). В числе произведений Николая история собственной жизни и биография молодого Августа, из которых до нас дошло соответственно шесть отрывков и два больших раздела. Но главным его трудом была «Всеобщая история» в 144 книгах, охватывающая период от самых

ранних времен до смерти Ирода. Эта «История», к большому сожалению, практически утеряна. Однако нет никакого сомнения, что Иосиф широко ею пользовался. Этим объясняется, почему он больше говорит об Ироде, чем о непосредственно предшествующих периодах: ведь и написанная Николаем история отличалась тем же пристрастием, поскольку сам он играл не последнюю роль в событиях периода царствования Ирода. Теми же причинами объясняется и то, почему у Иосифа несоразмерно много места занимают семейные интриги в последние годы жизни Ирода. Ибо именно в эти годы Николай играл важнейшую роль — и соответственно подробнее всего он написал об этих годах.

Иосиф ссылается на Николая и упоминает его не менее чем в 33 случаях, а заимствований у него куда больше. Например, «Иудейская война», как мы видели, написана в драматической, театральной манере, и эта особенность, возможно, тоже обязана Николаю, который сам являлся автором по крайней мере одной греческой трагедии. Кроме того, в изложении событий Иосиф чаще всего следует версии Николая. Однако при случае он его же открыто порицает. К примеру, дает понять, что Николай, в угоду Ироду, утверждал, будто отец царя был родом из видной семьи вавилонских иудеев. И в другом месте Иосиф снова распространяется о явной пристрастности Николая.

«Живя в его царстве и находясь с царем в личных сношениях, он писал лишь в угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этом исключительно на таких фактах, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многие из явных его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая их. Так, например, он старается превознести царя даже в таких его поступках, как казнь Мариамны и умерщвление сыновей ее, и для этого клевещет, обвиняя царицу в отсутствии целомудрия, а юношей в интригах (против царя). Вообще во всей своей истории этот автор чрезмерно превозносит все справедливые поступки царя и в такой же мере старается извинить все совершенные им беззакония». (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Ч. II. С. 154-155).

* * *

Но Иосиф прощает такое поведение на том основании, что труд Николая не был объективным историческим трудом, а отчасти предназначался скорее для просвещения самого Ирода.

Другим источником, к которому Иосифу по той же причине

приходилось относиться с недоверием, были мемуары самого Ирода. Он, например, обвиняет царя в ложном объяснении причин казни Гиркана II (см, главу 6). Нельзя определенно утверждать, видел ли Иосиф мемуары самого Ирода или же знал о них только благодаря Николаю, но и нет причин, по которым он не мог их видеть.

Одним из более объективных авторитетных авторов, которого Иосиф относит к второстепенным источникам, был Страбон из Амазии на севере Малой Азии (Понт). Страбон, умерший где-то после 21 года н.э. больше всего известный как географ, в 25 году до н.э. участвовал в римском походе в Южную Аравию, в котором принимали участие и войска Ирода. До того как приняться за свою семнадцатитомную «Географию», он написал 47 книг «Исторических комментариев». Этот труд был доведен приблизительно до 30-го или 27 года до н.э. и следовал проримскому курсу. Но, как и почти всем греческим авторам, Страбону трудно давалась иудейская история, и он не знал древнееврейскую литературу.

Еще одним второстепенным источником был для Иосифа некий биограф по имени Птолемей, не брат главного министра Ирода Николая, а, вероятно, носивший это имя один грамматист из Аскалона. Очевидно, он не особо восхищался Иродом, потому что не считал идумеев иудеями. Что касается соперничавшего с Иосифом и ненавидимого им историка Юста из Тивериады, который написал хронику иудейских царей от Моисея до Агриппы II (и которого Иосиф отчитал за то, что тот придержал свой труд до смерти монарха), то нам неизвестно его отношение к Ироду, поскольку он и его семья выступали за римлян против иудейских повстанцев, а, как отмечалось выше, сестра Агриппы Береника II материально поддерживала его труд.

Так что самой большой проблемой для нас остается установить, откуда Иосиф брал большое количество враждебных Ироду материалов, которые он использовал, не очень умно, для дополнения или изменения проиродовых источников. На это существуют две основные точки зрения. Согласно одной, Иосиф заимствовал их у одного крайне озлобленного на Ирода биографа, имя которого ныне не удается установить: поэтому его приходится просто называть Анонимом или Иудейским Анонимом. Такую условность можно было бы употребить во множественном числе, потому что, несомненно, существовал целый ряд греческих и иудейских авторов, настроенных против Ирода, чьи труды ныне утеряны, но многие из них были известны Иосифу.

С другой стороны, судя по некоторым его повествованиям,

ясно, что он много почерпнул из устных историй. Устные предания, хотя и не очень надежные спустя пару поколений, широко бытовали среди иудеев, и вполне очевидно, что значительная их часть была крайне враждебна Ироду. Почти сразу после его смерти эта традиционная враждебность нашла выражение в труде «Вознесение Моисея», бичующем Ирода, при добавлении, однако, что народ вполне заслужил такое жестокое с ним обращение.

Подобные иудейские предания об Ироде, дошедшие до нас в более поздних богословских или правоведческих трудах, по большей части не содержат абсолютно ничего нового, хотя по-своему дополняют наши сведения о его царствии, например (если удается понять написанное) относительно перестройки храма. Наш древнееврейский источник по этому вопросу — это одно из толкований Мишны, первой части Талмуда, нацеленной учить неписаному Закону вне зависимости от основ Священного Писания. Эти толкования в их письменном виде относятся лишь ко II веку н.э. когда Мишне стали отдавать предпочтение перед Мидраш (более раннему методу устной передачи Торы в форме толкования библейских текстов). Но и толкования Мишны содержат материал, который восходит к временам Ирода и даже раньше.

Приложение 1

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

103 — 76 гг. до н.э. Царствование царя Александра Янная. Дед Ирода Антипас становится правителем Идумеи.

76 — 67 гг. Царствование царицы Александры Саломеи. Отец Ирода Аптипатр поддерживает первосвященника Гиркана II.

73 г. Родился Ирод.

Во время иудейской гражданской войны Ирода отправляют в арабскую столицу Петру.

63 г. Помпей захватывает Иерусалим и назначает Гиркана II этнархом (князем), а Антипатра главным министром.

57 г. Габиний делит Иудею на пять административных округов.

49 г. Гражданская война между Помпеем и Цезарем.

48 г. Убийство Помпея после битвы при Фарсале.

47г. Гиркан II и Антипатр помогают Цезарю в Египте. Их должности подтверждаются. Ирод становится правителем Галилеи, подавляет бунт Иезекии, угрозу со стороны государственного совета в Иерусалиме, назначается на командный пост в Сирии и получает во владение Самарию.

Ок. 47 г. Брак Ирода с Дорис.

44 г. Убийство Цезаря, Кассий поручает Ироду сбор податей в Галилее, затем назначает на должности в Сирии и Иудее.

43 г. Малих убивает Антипатра; убийство Малиха.

42 г. Ирод побеждает Антигона (племянника Гиркана II), помолвка Ирода с Мариамной I, развод с Дорис; Брут и Кассий кончают жизнь самоубийством после поражения от Антония и Октавиана в Филиппах.

41 г. Антоний назначает Ирода тетрархом (князем) Галилеи.

40 г. Вторжение парфян в Сирию и Иудею; Антигон становится царем. Смерть брата Ирода Фасаила и высылка Гиркана II. Ирод бежит в Египет, едет в Рим и назначается царем увеличенного в размерах царства.

39 г. Ирод возвращается в Иудею и сражается с Антигоном. Брат Ирода Ферора начинает реконструкцию Александриума.

38 г. Ирод присоединяется к Антонию в Самосате. Победы в Сепфорисе, Арбеле и Исане.

37 г. Брак Ирода с Мариамной I. Ирод захватывает Иерусалим, назначает Ананеля первосвященником, возвращает из ссылки Гиркана II и начинает строительство Антонии.

Прибрежные территории и рощи Иерихона отходят к Клеопатре.

37-й или 36 г. Аристобул III становится первосвященником вместо Ананеля.

36 г. Убийство Аристобула III.

35 г. Антоний вызывает Ирода в Лаодикею.

34 г. Газа передается Клеопатре; Клеопатра приезжает к Ироду.

Ок. 33 г. Мятеж сестры Антигона в Гиркании.

32 — 31 г. Первая арабская война.

31 г. Землетрясение.

30 г. Октавиан наносит поражение Антонию и Клеопатре при Акции; казнь Гиркана II; Ирод наносит визит Октавиану на Родосе и сопровождает его в Египет. Самоубийство Антония и Клеопатры.

29 г. Казнь Мариамны I.

28 г. Казнь матери Мариамны Александры.

28-й или 27 г. Казнь Костобара и сыновей Бабы; учреждение игр в честь победы при Акции.

27 г. Начало строительства Себасты (Самарии). Названа в честь Октавиана, который теперь назван Августом (Себастосом).

Ок. 27 г. Брак Ирода с самаритянкой Малфаке.

25 г. Воинская часть Иродовой армии присоединяется к римскому походу на юго-запад Аравии; голод и меры помощи.

Ок. 25 г. Срыв брака, намечавшегося между сестрой Ирода Саломеей II и арабским главным министром Силлеем.

23 г. Начало строительства дворца; брак Ирода с Мариамной II, ее отец Симон назначается первосвященником; Август дарует Ироду территории Трахонитиды, Батанеи и Авранитиды (Юго-Западная Сирия).

22 г. Начало строительства Кесарии Приморской.

22 — 21 г. Ирод в Митилене у Марка Агриппы; сыновья Ирода Александр III и Аристобул IV едут в Рим.

20 г. Август в Сирии, дарует Ироду Улафу, Паниаду и должности в Сирии, отвергает жалобы Гадары. Брат Ирода Ферора назначается тетрархом Переи (Трансиордания).

19 г. Начало реконструкции храма.

18 г. Празднества по случаю завершения храмового святилища.

17 г. Вторая поездка Ирода в Рим, возвращается с сыновьями.

Ок. 17 г. Фарисеи и эссеи освобождаются от принесения присяги Ироду.

15 г. Поездка Марка Агриппы по Иудее.

14 г. Ирод с Марком Агриппой в Малой Азии, подарки городам и помощь иудейской диаспоре.

13 г. Старший сын Ирода Антипатр II едет с Марком Агриппой в Рим, везет с собой первое завещание Ирода в пользу Антипатра.

12 г. Смерть Марка Агриппы; Ирод с сыновьями у Августа в Аквилее. Ироду даруется половина доходов от медных рудников на Кипре. Мятеж в Трахонитиде при поддержке арабов.

10 г. Освящение храма.

10-й или 9 г. Освящение Кесарии Приморской. Вторая арабская война. Утрата доверия Августа.

9 г. Посредничество Архелая Каппадокийского в семейных делах Ирода.

8 г. Николай Дамасский примиряет Августа с Иродом. Ирод посылает своих сыновей Архелая II, Антипу II и Филиппа в Рим.

Ок. 7 г. Мнимое посредничество Эврикла из Спарты в семейных делах Ирода.

7 г. Суд в Берите над сыновьями Ирода Александром III и Аристобулом IV и их последующая казнь.

7-й или 6 г. Фарисеи отказываются приносить присягу Августу и Ироду.

5 г. Антипатр едет в Рим со вторым завещанием Ирода в пользу его и своего сводного брата Ирода II. Смерть Фероры; возвращение Антипатра, суд над ним и арест. Третье завещание Ирода в пользу его сына Антипы II.

Ок. 5 г. Вероятная дата рождения Иисуса Христа в Вифлееме.

4 г. Подавление демонстраций учащихся; суды в Иерихоне. Казнь Антипатра; четвертое и последнее завещание Ирода в пользу его сыновей Архелая II, Антипы II и Филиппа; смерть Ирода.

4 г. до н.э. — 6 г. н.э. Архелай — этнарх Иудеи.

4 г. до н.э. — 39 г. н.э. Антипа — тетрарх Галилеи и Переи.

4 г. до н.э. — 34 г. н.э. Филипп — тетрарх Панаиды, Батанеи и т.д.

6 — 41 гг. н.э. Иудея — римская провинция.

Ок. 33 г. Распятие Иисуса Христа.

41 — 44 гг. Агриппа I — царь Иудеи.

44 г. Иудея снова становится римской провинцией.

60 г. Святого Павла доставляют из Кесарии в Рим.

66 г. Вспыхивает Первое иудейское восстание (Первая римская война).

70 г. Тит захватывает Иерусалим.

73 г. Падение Масады.

69 г. «Иудейская война» Иосифа.

93 — 94 гг. «Иудейские древности» Иосифа.

115 — 117 гг. Восстания иудеев диаспоры.

132 г. Вспыхивает Второе иудейское восстание (Вторая римская война).

135 г. Иерусалим разрушен и вновь отстроен как Элия Капитолина; иудеям запрещено входить в город.

notes

Примечания

1

Прозвище Маккавей означает «молот» или «молотоголовый» и относится к его военным подвигам.